

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17

ISSN 1814-733X
ISSN 1818-9601

Издается с 2001 года

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Гусев В. В.** Инновационные моногорода как потенциальные точки роста экономики Российской Федерации 5
- Елютина М. Э., Болотов Г. И.** Повседневная жизнь пожилой семьи: стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов 10
- Кравченко Н. Ю.** Структурная характеристика европейской гражданской идентичности Нового времени 15
- Добренков В. И., Афонин Ю. А., Польшова Л. В., Акопян Д. А., Иванкина М. С.** Предприниматели как основа среднего слоя населения: социологический и управленческий анализ 18
- Сабанов З. М., Кесаева Р. Э.** Организационно-правовые аспекты экономической деятельности в сфере социальной защиты населения 25
- Сайганова Е. В.** Совершенствование государственной молодежной политики посредством оптимизации нормативно-правовой базы 29
- Голуб О. Ю.** Перспективы развития медиации в России 33
- Нагимова А. М., Михайлов А. Ю.** Блат и гуанши как основа ведения бизнеса: антропоцентристский подход к исследованию коррупционных практик 38

Слово молодым социологам

- Андропова Ю. Э.** Стратегии исследования социального предпринимательства 42
- Калинкин А. А.** Трансформация подходов к исследованию феномена социальной коммуникации 47
- Лукьянова М. Н.** Потенциальные и реальные социальные функции телевидения в общественном мнении молодежи 50
- Шматова С. С.** Социальные детерминанты здоровьесберегающего поведения (на примере студентов вузов) 56
- Юренков И. Н.** ОПК как важный фактор стабильности социальной системы государства 59

Политология

- Вилков А. А.** Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года 62
- Шестов Н. И.** Миф «коммуникации» в современных политических процессах 70
- Казаков А. А.** Политико-правовые аспекты обеспечения медийной грамотности в современной России 75
- Тихонова С. В.** Публичная сфера информационного общества: развитие электронного государства 80
- Трифонов Ю. Н.** Смыслы и парадоксы патриотического дискурса в современной России: политико-философский ракурс 86
- Мирошниченко И. В.** Сетевые механизмы формирования социальных и политических идентичностей современной молодежи 92
- Чудомех В. Н.** Российская национальная идея: проблема конкретизации и формализации в государственном статусе 98
- Мирзаханов Д. Г., Абдулкадыров Ю. Н.** Стратегия политологического исследования интеграционного/деинтеграционного потенциала исламского фактора современной политики 104
- Барашков Г. М.** Влияние конфуцианства на особенности становления и развития аналоговой модели гражданского общества стран Азиатско-Тихоокеанского региона 113

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя, издателя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.02.17.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,75 (15,0).

Тираж 500 экз. Заказ 20-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.soziorpolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.soziorpolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

- Gusev V. V.** Innovative Company Towns as Potential Points of Growth of Economy of the Russian Federation 5
- Elutina M. E., Bolotov G. I.** Everyday Life of Elderly Family: Strategy Planning and Resources Austerity 10
- Kravchenko N. Yu.** Structural Characteristics of European Civil Identity of the Modern Time 15
- Dobrenkov V. I., Afonin Yu. A., Polynova L. V., Akopyan D. A., Ivankina M. S.** Entrepreneurs as the Basis of the Middle Layer of the Population: Sociological Analysis and Management Review 18
- Sabanov Z. M., Kesaeva R. E.** Legal Aspects of Economic Activity in the Sphere of Social Protection of Population 25
- Saiganov E. V.** Perfection of State Youth Policy Through the Optimization of Normative-Legal Base 29
- Golub O. Yu.** Perspectives of Mediation in Russia 33
- Nagimova A. M., Mikhaylov A. Yu.** Blat and Guanxi as a Basis of Doing Business: Anthropological Perspectives to the Study of Corruption 38

A Word to Young Sociological Scientists

- Andronova Yu. E.** Strategy Research of Social Entrepreneurship 42
- Kalinkin A. A.** Transformation of Approaches to the Research of the Social Communication Phenomenon 47
- Lukyanova M. N.** The Potential and Real Social Functions of Television in Yong People's Opinion 50
- Shmatova S. S.** Social Determinants of Healthcare Behavior of Students 56
- Yurenkov I. N.** Military-Industrial Complex as an Important Factor of Stability of Social System of the State 59

Politology

- Vilkov A. A.** The Evolution of the Russian Multi-party System after Election-2016 62
- Shestov N. I.** The Myth of «Communication» in Modern Political Processes 70
- Kazakov A. A.** Political and Legal Aspects of Providing Media Literacy in Modern Russia 75
- Tikhonova S. V.** Public Sphere of Information Society: Development of the Electronic State 80
- Trifonov Yu. N.** Meanings and Paradoxes Patriotic Discourse in Modern Russia: Political and Philosophical Foreshortening 86
- Miroshnichenko I. V.** Network Mechanism for the Formation of Social and Political Identity of Modern Youth 92
- Chudomekh V. N.** The Russian National Idea: the Problems of Specification and Formalization in the State Status 98
- Mirzakhonov Dzh. G., Abdulkadyrov Yu. N.** The Strategy of Studies of Integration/Disintegration Potential of Islamic Factor of Modern Policy 104
- Barashkov G. M.** Confucianism's Impact on Peculiarities of Establishing and Developing of the Civil Society's Analogous Form in the Countries of the Asia-Pacific Region 113

Information about the Authors

121

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

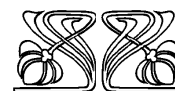
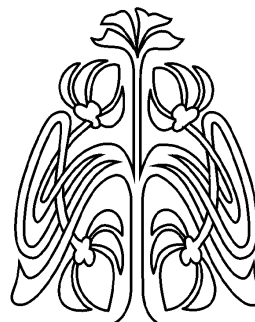
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

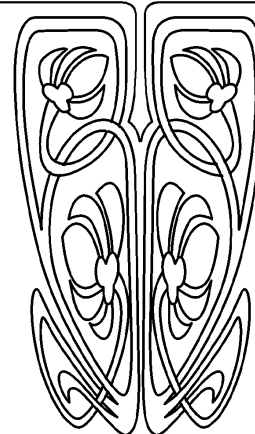
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

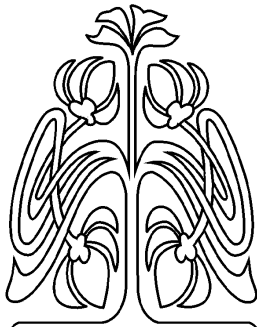
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

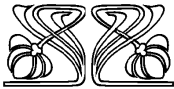
Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

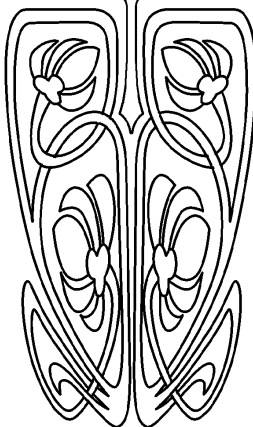
Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Itchison B. (London, Great Britain)
Butterfield G. (Kalamazoo, USA)
Elutina M. E. (Saratov, Russia)
Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)
Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)
Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)
Osadchaya G. I. (Moscow, Russia)
Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)
Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2

ИННОВАЦИОННЫЕ МОНОГОРОДА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ТОЧКИ РОСТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. В. Гусев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
Саратов

E-mail: vladgus2006@yandex.ru

В статье исследуется роль российских монопрофильных образований (моногородов), в которых осуществляется инновационное производство необходимых народному хозяйству видов продукции в инновационном развитии страны, утверждается, что именно подобные монопрофильные образования могут быть потенциальными точками роста будущего развития отечественной экономики.

Ключевые слова: моногород, инновации, классификация, саморазвитие, точка роста, человеческий потенциал.

Innovative Company Towns as Potential Points of Growth of Economy of the Russian Federation

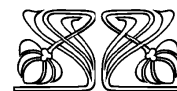
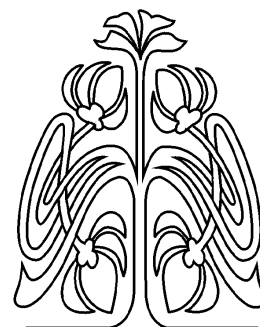
V. V. Gusev

The article examines the role of Russian single-industry entities (the towns'), in which the innovative production necessary for national economy types of products, in innovative development of the country, it is argued that such non-diversified education can be a potential growth points for future development of the domestic economy.

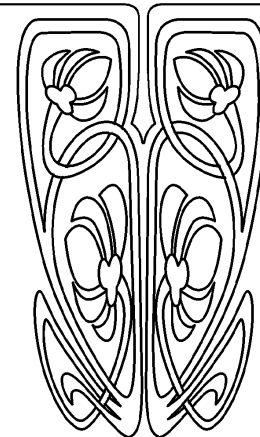
Key words: monocity, innovations, classification, self-development, growth point, human potential.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-5-9

Монопрофильное образование (моногород) – особое территориальное поселение, в котором экономическая и социальная деятельность зависят от уровня развития, финансового благополучия и социальной деятельности градообразующего предприятия (один из наиболее красноречивых примеров – город Нижний Тагил Свердловской области, где расположено всемирно известное предприятие – АО «Уралвагонзавод», на котором производится продукция двойного, в том числе военного, назначения – вагоны для железной дороги и знаменитые российские танки «Т-82», «Т-90»). Соответственно, если градообразующее предприятие в подобном населенном пункте приходит в упадок (причины подобного явления – кризис, технологическая отсталость, финансовая несостоятельность, отсутствие спроса, неконкурентоспособность продукции и т. д.), население моногорода вслед за предприятием начинает испытывать социальные проблемы, а сам населенный пункт становится территорией нестабильности, «болевой точкой» экономики и социальной жизни¹. В то же время в моногородах часто производится уникальная продукция, необходимая народному хозяйству, оборонному комплексу, значимая с точки зрения национальной и экономической безопасности. Потенциально монопрофильные поселения могли бы стать точками роста инновационной экономики, которые своей деятельностью переломили бы негативные кризисные тенденции развития на положительные, создали в экономике определенный инновационный задел. Однако подобный подход к развитию моногородов сопряжен с соблюдением целого ряда

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

условий, которые мы постараемся сформулировать в данной статье.

Согласно утверждениям В. С. Чекалина и Т. Ю. Семёновой (Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет), все российские города с точки зрения инновационности своего развития делятся на следующие типы:

- 1) город-генератор технико-технологических инноваций;
- 2) город-транслятор (преобразователь) инноваций;
- 3) город-адсорбент инноваций².

Первый тип предполагает решение городом задач приращения научно-технического потенциала и разработки нововведений. В подобном городском поселении на промышленных предприятиях осуществляется инновационная и внедренческая деятельность, из подобного города инновации «разлетаются» по городам-трансляторам, отраслям и регионам. Второй тип закрепляет за городом социальные функции восприятия инноваций, адаптации нововведений к формам, доступным для массового использования. В подобных городах на основе базисных инноваций вырастают целые индустрии по адаптации нововведений к практическому использованию. Как правило, это города-спутники поселений-генераторов технологических инноваций, города, в которых расположены филиалы инновационных предприятий. Третий тип характеризуется ориентированностью на общее использование адаптированных нововведений и превращение их в неотъемлемый элемент образа жизни на общенациональном (региональном) уровне. К городским поселениям третьего типа можно отнести практически все городские населенные пункты в случае успешной адаптации и коммерциализации нововведений.

Крупный город, обладающий большим количеством образованных трудовых ресурсов, технологической и образовательной базой, как правило, может быть генератором научно-инновационной деятельности. Однако он также может быть и транслятором (преобразователем), и адаптером инновационной деятельности. Такие крупные города, как Москва и Санкт-Петербург, являются генераторами всероссийских инноваций, подобным инновационным потенциалом обладают и крупные города федеральных округов России – Нижний Новгород, Казань, Самара, Екатеринбург, Новосибирск, Уфа, Краснодар, Новосибирск, Омск, Томск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток. Это – центры инновационной активности в России, ее технологическое ядро. По мере удаления городского поселения (по своим ресурсам) от технологического ядра в нем слабеет и инновационная составляющая, что вызвано на сегодняшний день рядом объективных причин. Этому способствуют, прежде всего, демографические факторы: отъезд из

провинции в города наиболее активной, молодой и работоспособной части российского населения; вымирание оставшегося населения, как правило, возрастного, недостаточно мобильного, не обладающего необходимыми навыками и желанием. Однако, на наш взгляд, российские моногорода могли бы здесь стать важным исключением из правил.

Инновационный тип развития городов остро ставит проблему образования важнейшего компонента инновационного потенциала, формирование которого во многом зависит от усилий на региональном (местном) уровне, проводимой региональной (местной) инновационной политики. Данным компонентом является потенциал инновационной восприимчивости населения к нововведениям, наличие инновационного настроения населения к крупным технологическим новшествам, преобразующим структуру потребления и стиль поведения населения, его образ жизни. Современный технологический уклад предполагает органическое соединение технологических и социальных инноваций, поэтому старение населения в провинции и его недостаточное инновационное сознание затрудняют введение инноваций. В России традиционно известен высокий потенциал народного новаторства и изобретательства, однако в настоящее время он, как и потенциал науки, недостаточно востребован.

Наиболее инновационными из всех моногородов (а их в России, согласно Распоряжению Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р, более трехсот³) являются те поселения, где сосредоточено машиностроение. На наш взгляд, данные предприятия оказались в трудной ситуации, в том числе потому, что по ним ударил взятый в 1990-е гг. курс на конверсию, на деиндустриализацию страны, на построение системы рыночных институтов в ущерб производству товаров категории «А» (средств производства), на закупку промышленного оборудования, станков, силовых и рабочих машин за рубежом. Например, известный в России специалист по моногородам, член Экспертного совета Государственной думы по вопросам предпринимательства Моисей Фурщик таким образом классифицирует поселения по очередности поддержки: «В первую очередь в поддержке в моногородах нуждается машиностроение, включая предприятия ОПК. Также деревообрабатывающая промышленность. Эта отрасль во всем мире работает с низкой рентабельностью, и здесь высоки экономические риски. Обязательные кандидаты на поддержку – угольные города с падающей добычей. Если градообразующие предприятия относятся к этим отраслям, то такие моногорода должны стоять первыми в списке. Металлургия, представленная в этом списке в изобилии, и химическая промышленность – это все-таки вторая очередь поддержки»⁴. Разделяя данное мнение, отметим, что машиностроение и «оборонка» об-

ладают наибольшим инновационным потенциалом по сравнению с другими отраслями.

На наш взгляд, мечта либерального крыла российского экономического блока – обеспечить саморазвитие моногородов, сделать их финансово самостоятельными, перевести на самокупаемость – заранее обречена на неудачу. Это вызвано объективными причинами, тем, что Россия – страна северная и холодная, издержки на производство товаров в таких условиях изначально велики, продукция, если она не обладает уникальными свойствами (ОПК), убыточна, и обеспечить прибыльное функционирование градообразующего предприятия и устойчивое развитие моногорода в подобных условиях крайне проблематично. В условиях действия рыночных догм и преобладания подхода самокупаемости часть монопрофильных городских поселений заранее могут быть признаны бесперспективными, будущее таких городов находится под большим вопросом.

Однако здесь на первый план выходит иная проблема, относящаяся к безопасности государства, – отток населения из таких моногородов будет способствовать «оголению» российской территории, на приграничных территориях может образоваться демографическая «пустота», которая заполнится трудовыми мигрантами из сопредельных густонаселенных государств (например Китая или Японии). Появление локальных миграционных анклавов, а затем и автономий в периферийных регионах может вызвать самые непредсказуемые последствия для территориальной целостности страны. Поэтому монопрофильные поселения, особенно периферийные и в приграничных регионах (обозначим периферийные регионы термином «новые районы»⁵), необходимо сохранить как гарантию национальной безопасности государства.

По мнению О. С. Пчелинцева (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН), наука и технологии имеют свои особые закономерности размещения – они тяготеют к крупнейшим городам. Следовательно, зоной повышенной концентрации отраслей научно-технического комплекса потенциально могут стать городские агломерации периферийных районов – Сибири и Дальнего Востока. Это способно резко улучшить условия труда в данных регионах. Если основная часть прироста рабочей силы восточных районов пойдет в отрасли научно-технического комплекса, то тем самым будет нейтрализован такой важный фактор оттока их населения, как преобладание в регионах рабочих мест тяжелого и неквалифицированного труда. Соответственно, изменятся в лучшую сторону и условия жизни. Большинство работников научно-технической сферы станут жить не в районах Крайнего Севера и приравненных к ним, а в пригородах крупных городов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Что касается зон пионерного освоения («новых рай-

онов»), то высококвалифицированную и хорошо адаптированную рабочую силу для них должны поставлять, в первую очередь, сами районы Севера и Востока⁶, и здесь проблема из социальной плоскости во многом перетекает в демографическую и образовательную.

В настоящее время практически по всем монопрофильным приграничным населенным пунктам наблюдается убыль населения, которая варьирует от 17 до 36%. Данное обстоятельство может создать определенную угрозу национальной безопасности уже в ближайшее время, так как приграничные территории, оставшись без российских жителей, могут «отвалиться». Например, тяжелая ситуация с убылью населения наблюдается по всем моногородам Мурманской области: например, в городе Апатиты в 1989 г. проживало 88 026 чел., в 2013 г. – 58 681 чел., в городе Кандалакша – 54 080 и 34 127 чел. соответственно, в поселке Никель – 21 838 и 12 112 чел. соответственно. Учитывая, что до Второй мировой войны многие северные территории, включая Карелию, принадлежали Финляндии, потенциально могут возникнуть территориальные претензии к современной России. Несмотря на то, что миролюбивая Финляндия в настоящее время официально не поднимает вопроса о пересмотре границ, в стране, по данным последних социологических опросов, 38% респондентов выступают за возвращение Западной Карелии⁷.

Чтобы отток населения из монопрофильных поселений был минимальным, в них должна быть к минимуму сведена безработица. Пока же эта цель остается труднодостижимой, и безработица в монопрофильных поселениях растет высокими темпами. Например, по данным министра труда и социальной защиты РФ М. А. Топилина, за 2015 г. уровень безработицы в моногородах вырос на 20%, в то время как в целом по России он вырос всего на 0,5% и составил 5,8% от численности трудоспособного населения страны. Уровень безработицы выше среднероссийского в 206 моногородах, в 84 он превышен в два и более раза⁸.

Реализация проектов реструктуризации и развития экономики моногородов становится привлекательной для бизнеса при наличии трех главных факторов: 1) развитой инфраструктуры; 2) развитого местного малого бизнеса; 3) заинтересованности местных органов власти и населения. При этом последний фактор решающий. Во-первых, местные руководители могут занимать неоткровенную позицию, искажая объективную картину социального положения в надежде получить дополнительное финансирование. Во-вторых, не менее важно общественное мнение. У большинства местных жителей могут доминировать потребительские настроения, требования сохранить устаревшее производство, просто «дать работу». Между тем человеческий потенциал, степень его «креатив-

ности» – залог роста, инновационного развития моногорода. Весь зарубежный опыт успешного решения проблемы моногородов (города Рура в Германии, города провинции Рон-Альпы во Франции, ряд портовых городов Японии и Великобритании) свидетельствует о том, что ключом к реализации проектов и программ их реструктуризации и развития является особо кропотливая работа с их человеческим потенциалом. Этот тезис наглядно продемонстрировал опыт модернизации практически лишенных природной ренты экономик (Япония, Сингапур, Тайвань)⁹. Следовательно, «креативность» местных жителей следует пробудить, и это – гарантия успешной модернизации и инновационности развития моногорода.

По мнению О. В. Михеенко (Брянский государственный инженерно-технологический университет), в качестве наиболее приемлемого из всех вариантов развития моногорода, максимально учитывающего интересы населения, бизнеса и органов местного самоуправления, способствующего не только выживанию, но и поступательному развитию, может рассматриваться только один – это диверсификация экономики города. Однако данный метод довольно дорогостоящ, поэтому для местного бюджета каждого отдельного моногорода является неосуществимым, да и при помощи финансовых средств вышестоящих бюджетов также представляется труднореализуемым. Кроме того, на наш взгляд, процесс «навязывания направлений развития» представителям малого и среднего бизнеса на практике является весьма непростым, поскольку может встретить непонимание и даже некоторое сопротивление с их стороны¹⁰.

В завершение хотелось бы отметить следующее. Для того, чтобы российские моногорода стали реальными точками роста отечественной экономики, муниципальной власти совместно с вышестоящими уровнями необходимо составить комплексный план развития каждого моногорода и выявить те конкурентные преимущества, с помощью которых городское поселение сможет развиваться в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Если это машиностроение, оборонные технологии – следует максимально их возродить и постараться встроить экономику градообразующего предприятия в систему высокотехнологичного оборота технологий (космос, авиастроение, судостроение) или оборонного заказа. Если же это добывающая отрасль, необходимо провести модернизацию градообразующего предприятия с целью «вытянуть» технологии на более высокий уровень. Здесь показателен пример города Вольска Саратовской области – центра цементной промышленности, в котором в конце 2013 г. открылась новая линия по производству цемента «сухим» способом, который до сих пор является инновационным для отечественной

индустрии. Новое предприятие было построено с проектной мощностью 1 млн тонн цемента в год, общая сумма инвестиций составила более 4 млрд рублей. При этом данный завод – часть плана по индустриализации Саратовской области. Всего же на территории региона открываются сразу 5 новых мощных заводов в Балакове и Вольске, что станет настоящим прорывом для региональной промышленности, приведет к экономическому росту и укреплению социальной стабильности территории¹¹.

Переход к инновационному развитию моногородов означает во многом реструктуризацию реального сектора городской экономики. Соответствующие программы должны строиться на конкретных предложениях по производству новых видов продукции (доведенных до экспериментальных образцов) и внедрению новых технологий. Сложенная процедура реализации таких предложений разработана в западных странах, например в Италии, где существует понятие «индустриальный (промышленный) округ». Индустриальный округ представляет собой совокупность («гроздь», «созвездие», кластер) предприятий малого и среднего бизнеса, расположенных внутри селения или небольшого города. Число предприятий в кластере составляет от нескольких десятков до нескольких сотен. Всего же в промышленных округах Италии работает около 60 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса. Если к ним прибавить предприятия сферы услуг, расположенные в индустриальных округах, то в совокупности получится около одного миллиона предприятий, или 25% всех зарегистрированных организаций бизнеса в стране¹². Успех промышленных округов заключается в синергии и повышении эффективности каждого малого предприятия, функционирующего к округе. Промышленные округа экспортируют более 30% своей продукции, в них занято 43% трудоспособного населения Италии. Самых округов насчитывается в настоящее время более 200, расположены они в основном в центральной и северной части Италии (Тоскана, Ломбардия, Венеция). Большинство округов как раз моноотраслевые (машиностроение, станкостроение, металлообработка, одежда, обувь), хотя есть и некоторые признаки универсализма (индустрия продуктов питания, строительные материалы, биомедицина)¹³. Представляется, что подобная модель как раз может подойти для России как «страны моногородов». Некоторые примеры успешного опыта итальянских предприятий в нашей стране уже имеются, например, Липецкая (производство бытовой техники) или Свердловская (машиностроение и металлургия) области. Насколько будет успешен этот опыт в долгосрочном плане, тем более в условиях действия экономических санкций против России, – покажет ближайшее время.

Примечания

- ¹ См.: Гусев В. В. Развитие российских моногородов – важнейшая задача национальной и экономической безопасности государства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 5–9.
- ² См.: Чекалин В. С., Семёнова Т. Ю. Роль крупных городов в формировании инновационной экономики // Социально-экономические проблемы регионального развития : сб. науч. трудов. Вып. 3. СПб. : СПбГИЭУ, 2006. С. 127–134.
- ³ См.: О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) : распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70607138/> (дата обращения: 01.06.2016).
- ⁴ Моисей Фурщик : «Действительно депрессивных из двухсот моногородов только три-четыре десятка». URL: <http://fd.ru/articles/155534-moisey-furshchik-deystvitelno-depressivnyh-iz-dvuhsot-monogorodov-tolko-tri-chetyre#ixzz4AKgyf8e2> (дата обращения: 01.06.2016).
- ⁵ См.: Пчепинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М. : Наука, 2004.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Гусев В. В. Указ. соч.
- ⁸ См.: В России уровень безработицы в моногородах вырос на 20%. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/56ab7f339a7947b7e60e9abd> (дата обращения: 04.06.2016).
- ⁹ См.: Тульчинский Г. Л. «Проблема» моногородов : от «спасения» и выживания к инновационному развитию на основе социального партнерства // Муниципальная власть. 2011. № 2. С. 36–40.
- ¹⁰ См.: Михеенко О. В. Механизм формирования инновационной среды Брянской области : дис. ... канд. экон. наук. URL: http://unecon.ru/sites/default/files/dissertaciya_miheenko.pdf (дата обращения: 01.06.2016).
- ¹¹ См.: Цементный завод открыли в Вольске. URL: http://saratov.ru/news/social/cementnij_zavod_otkrili_v_volske/ (дата обращения: 05.06.2016).
- ¹² См.: Промышленные округа в Италии. URL: <http://pandia.ru/text/77/23/55260.php> (дата обращения: 05.06.2016).
- ¹³ Там же.

Образец для цитирования:

Гусев В. В. Инновационные моногорода как потенциальные точки роста экономики Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–9. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-5-9.

Cite this article as:

Gusev V. V. Innovative Company Towns as Potential Points of Growth of Economy of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–9 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-5-9.

УДК 316.44

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПОЖИЛОЙ СЕМЬИ: СТРАТЕГИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ И ЖЕСТКОЙ ЭКОНОМИИ РЕСУРСОВ

М. Э. Елютина, Г. И. Болотов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: elutina133@mail.ru, gbolotoff@mail.ru

В статье осуществляется содержательный анализ основных версий стратегии планирования и жесткой экономии ресурсов в организации повседневной жизни пожилых супружеских пар, расставляются акценты на наиболее значимых проблемах.

Ключевые слова: пожилая семья, механизмы совладания с жизненными трудностями, потребители рынка дешевых товаров, кредитное поведение, практики экономного использования вещей.

Everyday Life of Elderly Family: Strategy Planning and Resources Austerity

M. E. Elutina, G. I. Bolotov

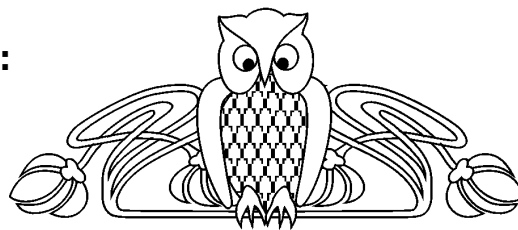
The article considers a substantive analysis of major planning strategies' versions and austerity of resources in the organization of daily life of elderly couples, the article accents on the most important issues.

Key words: an elderly family, mechanisms of coping with life's difficulties, low-end market consumers, credit behavior, economical use of things.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14

Семья, состоящая из людей пожилого возраста, в наши дни является неотъемлемым элементом социальной структуры. С увеличением средней продолжительности жизни человека таких семей становится все больше, поэтому данная категория населения не может не вызывать интереса у исследователей. Анализ современного научного дискурса позволяет сделать вывод о недостаточной изученности проблем отдельно проживающих пожилых пар, что идет вразрез с существующей тенденцией среди таких семей проживать отдельно не только в территориальном, но и в социально-экономическом плане.

Отметим два важных момента, характерных для исследовательского поля пожилой семьи. Во-первых, детоцентризм привел к тому, что репродуктивная функция семьи выделяется и анализируется в качестве одной из ее ведущих функций. Такая социальная квалификация исключает многофункциональность жизнедеятельности семьи, влечет подчиненность, обесценивает социальное бытие пожилых семей. Во-вторых, на пожилые семьи, как правило, механически переносятся стандарты и спосо-

бы жизнедеятельности, свойственные молодым семьям. Таким образом, выносятся за скобки вопрос об автономии и своеобразии пожилых семей. Однако становится очевидным, что пожилые семьи занимают свою особую нишу (помощь и поддержка молодых поколений, трансмиссия культуры, хранители родовой памяти), без которой невозможна динамика современного общества. Семья пожилого человека характеризуется определенными особенностями, имеет свои очертания и контуры. Происходит формирование новых значимых смыслов: автономии, адаптационного синдрома, усиление статуса интимности. Жизненный «марафон» пожилой семьи порождает более ограниченный и строже организованный мир, чем мир, к примеру, молодой семьи. Их совместные действия требуют строгой координации. Эта двуединая связка работает как некий амортизатор, обеспечивающий гибкость социального поведения в отношении различного рода ограничителей повседневной жизни пожилой семьи. Кроме того, освобождение от лишнего социального багажа позволяет тем самым максимально погружаться в повседневные дела. Однако нельзя оставлять без внимания и тот факт, что повседневная деятельность пожилой семьи требует разного рода ресурсов, целый спектр связей соединяет ее с пребывающим в движении миром.

Как показывают результаты исследования М. Э. Елютиной, С. В. Климовой, С. А. Исаевой¹, возникают новые моменты и в супружеских отношениях. Содержание супружеских отношений может меняться как в позитивную, так и в негативную стороны. На одном полюсе концентрируются вслушивающиеся, понимающие, объединяющие свои усилия супруги, на другом – углубляется водораздел между супругами, их венаходимость в отношении семьи, вплоть до разрыва супружеских отношений. Тем не менее пожилая семья более стабильна и разводы в таких семьях достаточно редки, так как в общественном сознании сама процедура развода в пожилом возрасте не несет никакой функциональной ценности. Более того, развод в таком возрасте считается неприличным.

Поддержку стабильности оказывает и идеология пожилой семьи. От стратегии экспансии в социальном пространстве, что характерно для молодой супружеской пары, семья переходит к фокусированию на собственных, внутрисемейных проблемах. Все происходящие изменения

являются результатом изменения потребностей членов семьи: возрастает потребность в безопасности, стабильности, усиливается интерес к экзистенциальным проблемам, наблюдается снижение активности в познании внешней среды и повышение интровертности. Определенная толерантность к конфликту у пожилых пар связана с наличием устоявшейся системы отношений между супругами, а обширный жизненный опыт приводит к снижению рисков возникновения конфликтных ситуаций и к оптимизации их разрешения. Хотя необходимо отметить, что у некоторых пар можно наблюдать постоянное скрытое противостояние, которое может послужить мощным катализатором для возникновения конфликтных ситуаций. Чаще всего такое противостояние основывается на давних обидах и неразрешенных конфликтах, а также убеждении одного из членов, что партнер не желает жить по определенным удобным стандартам.

Стабильность пожилой семейной пары обусловлена также усилением симбиотичности супругов. Данная особенность связана с количественными и качественными изменениями жизненного пространства. Если рассмотреть изменения жизненного пространства через возрастную призму, то можно заключить, что во время своей молодости и зрелости человек стремится как можно больше расширить и улучшить качество своего жизненного пространства, которое порой достигает планетарных масштабов, в то время как у детей и пожилых людей, отошедших от социальной активности, объем жизненного пространства гораздо меньше. У пожилых супругов зачастую уже сформированы определенные механизмы восприятия мира, которые способствуют конкретному восприятию. У них формируется схожий образ жизни, восприятие окружающего мира, привычки.

Симбиотичность семьи можно объяснить своеобразным естественным отбором, который пара пережила за время супружества. Многие социально-психологические черты членов семьи не были присущи им с самого начала, а сформировались за время длительного взаимодействия. Кроме того, повышенная привязанность между супругами в пожилой семье формирует защитную функцию. С возрастом у людей происходят изменения в иерархии потребностей, обостряется восприятие экзистенциальных проблем. Общее состояние супругов зачастую очень схоже, они обладают высокой степенью эмпатии друг к другу, что помогает успешно избегать или разрешать конфликты.

Для людей пожилого возраста ситуации, в которых они взаимодействуют с близким человеком, делят с ним свои переживания, являются основным источником эмоционального благополучия. Супруг – это важный человек в жизни, с которым всегда можно поделиться самыми со-

кровенными переживаниями. Поэтому смерть одного из супругов – это экстремальная ситуация, требующая немалых усилий для ее преодоления, причем методы выхода из этой ситуации очень различны.

Семья в пожилом возрасте становится не только уникальным местом удовлетворения человеческих потребностей ее членов и реализации взаимной поддержки между супругами, но и способом выживания. Зачастую режим существования пожилых людей нельзя назвать легким. По экономическим показателям семьи можно разделить на две противоположные группы: социально-уязвимая группа, основными источниками дохода которой являются пенсия, социальное страхование, субсидии, характеризуется постоянным режимом экономии; другая группа располагает богатством и престижем в большей степени. На их социальный статус оказывают влияние следующие факторы: занимаемое в прошлом место работы, обстоятельства ухода на пенсию, социальный статус и другие факторы. В целом же доход пожилых семей в настоящее время примерно вдвое меньше дохода молодых семей.

Снижение уровня благосостояния, отсутствие материальных средств для реконструкции своего жилища, для поддержания необходимых гигиенических условий вынуждают пожилых людей (особенно это касается одиноких женщин) изменять привычные условия проживания: переселяться в менее престижные районы, довольствоваться гораздо более низким жилищным сервисом (нередко коммунальными квартирами). Пожилые люди используют стратегии выживания, особые механизмы совладания с жизненными трудностями. На них остановимся более подробно. Концепция совладающего поведения (В. В. Радаев, Е. С. Балабанова, М. Г. Бурлацкая, А. Н. Демин) фиксирует внимание на построении таксономии испытываемых индивидами трудностей, выявлении основных ресурсов (социальных, экономических, психологических) в процессе совладания с жизненными трудностями, а также анализе схемы их восприятия.

С целью получения представления о практиках организации повседневной жизни пожилых семей мы провели качественное исследование. Сбор и анализ материала проводился с помощью неструктурированного неформализованного интервью. Была применена целеориентированная выборка (преднамеренно выбирались люди, представляющие информационно значимые случаи, о которых имелись предварительные сведения). Эмпирическая база представлена 28 глубинными интервью с мужчинами и женщинами со средним и высшим образованием, возраста 60+, пенсионерами, состоящими в браке, отдельно проживающими, активно ведущими домохозяйства (люди прямых действий – принимающие решения по поводу организации повседневной жизни и несущие ответственность

за них). Опрашивались жители города Саратова (ноябрь 2015 г. – июнь 2016 г.).

Наше исследование показало, что отдельно проживающие пожилые семьи в большинстве своем ориентируются на стратегию планирования и жесткой экономии ресурсов, не имеют ни кредитов, ни достаточных сбережений (исключение составляют сбережения «на похороны»), что представляется логичным, так как текущих доходов хватает лишь на текущее потребление (а иногда может и не хватать). Отметим наиболее распространенные версии данной стратегии.

1. Детальное планирование семейного бюджета, избегание дополнительных трат. Речь идет о том, что статьи расхода семейного бюджета тщательно продумываются заранее и фиксируется определенная последовательность шагов. Данная модель поведения хорошо отражается, например, в следующем высказывании респондента

Р.: Главная цель – прожить до очередной пенсии, не залезая в долги. Мы стараемся разложить весь бюджет, до копейки. Все считаем – и оплату квартиры со всеми коммунальными услугами, и стоимость продуктов, средств гигиены и лекарств. Иначе говоря, покупаем минимум, только самое необходимое и ничего сверх того (муж., 74 года).

2. Пенсионеры в современной России – потребители рынка дешевых товаров; при этом тратят огромное количество времени и сил на поиск и покупку дешевых продуктов, хотя разница в цене порой составляет копейки в буквальном смысле слова и часто превышает стоимость проезда. Суть дела прояснил наш респондент, указав на еще один «механизм экономии»:

Р.: Я хожу стричься в парикмахерскую, где только обучают этому делу. Стригут нормально, да и дешевле, чем в других местах. Это тоже определенная экономия бюджета (муж., 70 лет).

В данном случае мужчина соглашается на малокачественную стрижку из соображений экономии, при этом с гордостью рассказывает о своей удаче. Пенсионеры нередко выступают и как продавцы товаров на стихийных рынках:

Р.: Мне деньги нужны. Физический труд сейчас мне не под силу, здоровье не позволяет. Занять у друзей совесть не позволяет – они сами в таком же положении. Стоимость воды, электроэнергии, все услуги растут в цене. Наших копеечных пенсий не хватает даже на продукты. Вот и продаю все, что на огороде вырастили с женой своими руками. Кроме того книги, одежду детскую. С ними же аккуратно обращались, одежда, конечно, ношенная, но годная (муж., 71 год).

В развитых странах именно пенсионеры являются наиболее платежеспособными, они составляют социальную группу с самым большим расходным капиталом. Как здесь не отметить и «массовый туризм западных пенсионеров», ко-

торые реально переосмысливают границы собственного мира в контексте некоей более широкой общности.

3. Кредитное поведение. Что касается кредитных ресурсов представителей третьего возраста, выступающих маркером свободы, показателем осуществления законного принятия самостоятельных решений, то в отношении пожилых людей в нашей стране можно говорить лишь о потребительском, а не о деловом кредите. В качестве источников кредита для пожилой семьи наиболее доступными оказываются два: ломбарды и родственники. Причем, как правило, помощь родственников пожилые люди рассматривают как крайний, экстремальный случай. Кредит им необходим на текущие расходы (удовлетворение первичных потребностей), в некоторых случаях – на внеочередные расходы (семейный праздник, лекарства, плата за лечение). Пожилые люди являются постоянными клиентами ломбардов. Х. Шрадер провел интересное исследование, связанное с определением роли ломбардов в жизненных стратегиях слоев населения с низким уровнем дохода². Автор сделал вывод о том, что среди клиентов ломбардов, а также ломбардов-аукционов имеются различные возрастные слои, однако среди них очень много пенсионеров, которым с трудом удается выживать в современных реалиях российской экономики. Основным мотивом, который определяет действия пожилых людей и заставляет их быть частыми клиентами ломбардов, является острая нужда:

Р.: Стало тяжело с деньгами. Вот и приношу в ломбард все вещи, которые когда-то покупали. Было время, когда мы хорошо получали, ездили каждый год отдыхать. Сейчас ни о каких сбережениях уже и не идет речь, не хватает на текущие расходы. Я и муж – диабетики, нам много чего нужно... Что-то выкупаю, если удастся подкопить. А иногда и не прихожу за вещами... (жен., 70 лет).

В России, несмотря на значительное развитие кредитования и роста кредитного портфеля населения, сохраняются нерешенные проблемы в системе кредитования: недостаточный уровень институционального развития банковской сферы, отсутствие четкой регламентации всей последовательности процедур кредитования, низкий уровень информированности пожилых людей о предлагаемых услугах, отсутствие традиций пользования банковскими услугами, недоверие к банковской системе в целом.

4. Выполнение разовых поручений за вознаграждение: «выращивание рассады садовых и огородных культур», «окраска автомобилей», «автомобильные перевозки», «выгуливание собак», «присмотр за квартирой», «детский сад на дому». Наша респондентка следующим образом охарактеризовала данную стратегию:

Р.: Меня соседка просит посидеть с детьми. Присмотреть за ними, чтобы поели, уроки

сделали. Я им помогаю, ведь я бывшая учительница с многолетним стажем. Раньше я просто так бы помогла, по-соседски, а теперь время такое, тяжело нам живется. Она мне платит за каждый час. Я ей благодарна и она спокойна за детей (жен., 71 год).

5. Целенаправленное использование ресурсов своей межличностной сети. В личных связях работает логика, но не столько экономическая в смысле максимизации доходов, сколько социальная, в которой качество жизни увязано с выживанием, а также с широко построенной картиной человеческих отношений. Результаты исследований П. Великого, В. Виноградского, И. Штейнберга объяснили «секрет» того, как семья борется с финансовым неблагополучием с помощью внутрисемейного и межсемейного бартера, а также практик одаривания, возникающих на почве ролевых ожиданий в отношениях родительства и родства.

Как показало наше исследование, существенным критерием дифференциации пожилых семей по уровню жизни в настоящее время выступает наличие или отсутствие регулярной экономической поддержки со стороны более успешных детей:

Р.: *Сын наш живет в Москве, у него свой бизнес. Он нам каждый месяц по 20 тысяч присылает. Помог дачу отремонтировать, купил путевки перед моим 65-летием, чтобы мы отдохнули и мир посмотрели. А без такой поддержки, я не знаю, как бы мы обходились (муж., 68 лет).*

6. Действенная конкретизация собственного образа, своих планов и происходящего в целом. Данный механизм проявляется в процессе отсекаания ненужных дополнительных функций, особенно в хозяйственной сфере, а также снижении своих стандартов путем пересмотра ролевых требований к себе и окружающим. Сокращение семейных ролей ведет к их большей конкретизации. Высокая дифференциация ролей в пожилых семьях связана не столько с их половыми признаками, сколько с физическими возможностями и предпочтениями. Формируются андрогинные психологические установки. Образ андрогина с интерпретационными вариациями можно найти во всех развитых мифологиях мира. Это – аглютинативный образ, составленный либо из сочетания визуальных характеристик двух начал личности – мужского и женского (на Кипре встречается бородастая Афродита), либо фиксирующий затенение этих двух начал (в греческой мифологии Хаос и Эребус были бесполовыми). В данном случае понятие «андрогин» используется для характеристики процесса дистанцирования от тех социальных ролей, которые традиционно приписываются мужчинам и женщинам. Происходит более конкретное разделение хозяйственных дел. Часто за каждым членом семьи закрепляется территория, которая является личным пространством:

Р.: *Мы оба на пенсии. Я раньше стала пенсионеркой. Муж работал до 69 лет. Вначале по инерции я как делала по хозяйству все сама, так и продолжала делать. Но постепенно муж начал тягиваться, то пыль вытрет, то мусор выбросит, то в магазин сходит. Как-то само собой вышло, что у каждого свои обязанности. То, что ему под силу, он делает (жен., 73 года).*

Формированию андрогинных установок способствуют и складывающиеся механизмы утепления супружеских отношений (или приватные скрепы): сюжетные конвенции, характеризующие ситуацию установления доминирующих смыслов и способов поведения; ритуалы повседневной жизни (приветствия, речевые стереотипы, обращения, предпочтения в пищевом поведении, ведение книг домашних расходов, подготовка к открытию и закрытию дачного сезона); юмор, самоирония; хобби, коллекционирование, непритязательные домашние увлечения, способствующие разрешению множества мелких проблем, вырывающие из оправы обыденности; стратегии распаковки проблем, включающие определенные принципы последовательности обсуждения и предпочитаемой структуры.

7. Практики экономного использования вещей. В условиях хронической нехватки денег вещи в какой-то степени являются гарантией выживания при высоких социальных рисках, что напрямую связывается с «умением вести хозяйство»: навыки реставрации вещей (шитье, штопка и другие виды ремонта), экономное, бережное хранение и поддержание их функциональности, постоянная ревизия собственных действий в отношении к вещам:

Р.: *Постепенно вещи ветшают, а купить новые не на что. Вот и приходится осторожно обращаться с газовой плитой, так как горят только две конфорки, не хлопать дверцами на кухонных шкафчиках, иначе они просто отвалятся, пользоваться кастрюлей без ручек, чтобы не обвариться... (жен., 76 лет).*

Представители старшего возраста прибегают к многочисленным практикам пролонгированного использования вещей:

Р.: *Любая вещь должна служить долго. Только не надо лениться, взять и подремонтировать: подштопать, зашить, отмыть, отстирать – и вещь опять как новенькая (жен., 69 лет).*

Таким образом, наше исследование показало, что семья играет исключительно важную роль на завершающих этапах жизненного цикла человека, образуя ближайшую среду, которая может предоставить пожилым людям материальную помощь и поддержку, обеспечить безопасность и уход, дополнить социальные контакты. Однако на сегодняшний день в России «готовность» к новой жизни на геронтологическом этапе означает способность адаптироваться к

жизни на «маленькую пенсию» и к связанным с нею многочисленным ограничениям. Возможности институциональных форм, норм и ценностей ограничены в поддержке усилий пожилых людей в целом и пожилых семейных пар в частности. При этом пожилым людям вменяется в обязанность сохранять силу и жизненные ресурсы, выполнять гражданские и социальные функции. Стоит учесть и тот факт, что пожилая семейная пара располагает ограниченными ресурсами для рекрутинга финансовых средств с целью жизнеобеспечения, и, кроме того, ей нужно быть готовой к тому, чтобы совладать с непредвиденными обстоятельствами (ухудшение здоровья, утрата самостоятельности). Поэтому можно говорить лишь о дефицитном уровне жизни пожилой семьи, прибегающей к определенным практикам выживания.

Примечания

- ¹ См.: Климova С. В., Елютина М. Э. Неравный брак : социальные основания комбинации возрастов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 24–29 ; Елютина М. Э., Климova С. В. Благополучие семьи : парадигма комплексного институционального подхода // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 19–26 ; Елютина М. Э., Исаева С. А. Причины развода в третьем возрасте // Социс. 2012. № 9. С. 91–99 ; Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–93.
- ² См.: Шрадер Х. Роль ломбардов в жизненных стратегиях слоев населения с низким уровнем дохода : по материалам исследования в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 1. С. 116–145.

Образец для цитирования:

Елютина М. Э., Болотов Г. И. Повседневная жизнь пожилой семьи : стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 10–14. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14.

Cite this article as:

Elutina M. E., Bolotov G. I. Everyday Life of Elderly Family: Strategy Planning and Resources Austerity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 10–14 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14.

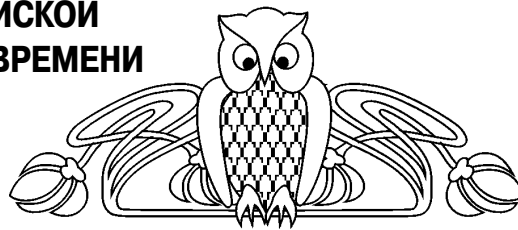

УДК 316

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

В статье автор рассматривает влияние идей просвещения на формирование гражданской идентичности с точки зрения телесного, психологического и рационального в период Нового времени. Обращение к данному периоду обусловлено спецификой эпохи, так как именно в это время закладываются основы современной европейской гражданской идентичности. Особое внимание в работе уделено структурной характеристике европейской гражданской идентичности, которая предопределила дальнейшее развитие явления. Именно европейский рационализм выступал основным фактором форматирования всей системы гражданской идентичности, и телесное, и психическое находилось под доминантной рационального.

Ключевые слова: европейская гражданская идентичность, рационализм, Новое время.

Structural Characteristics of European Civil Identity of the Modern Time

N. Yu. Kravchenko

In this article the author considers influence of ideas of education on formatting of civil identity from the point of view of corporal, psychological and rational in the period of Modern times. The appeal to this period is caused by specifics of the era as at this particular time the foundation of modern European civil identity is laid. The special attention in work is paid to the structural characteristic of the European civil identity which predetermined further development of the phenomenon. European rationalism acted as a major factor of formatting of the whole system of civil identity both corporal, and mental was under rational dominating.

Key words: European civil identity, rationalism, Modern Time.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-15-17

Новое время – важнейший период для судеб мира, когда формируется современная цивилизация, основанная на промышленном производстве, которая сменяет традиционную аграрную цивилизацию. И именно в этот период начинает складываться гражданское общество в современном его понимании.

Одновременно с формированием гражданского общества складывается иная гражданская идентичность. Гражданская идентичность – сложный социокультурный феномен, который, так же как и гражданское общество, не может быть сконструирован, а формируется только естественным путем. При изучении состояния гражданской идентичности необходимо учитывать множество факторов. Для более полного

рассмотрения феномена в качестве идеального типа мы предлагаем использовать изложенную ниже рабочую модель. В логике этой модели мы определяем гражданскую идентичность как социально обусловленное позиционирование индивида в гражданской сфере в конгруэнтном соотношении, целостности «Я-телесного», «Я-психического» и «Я-рационального».

«Я-телесное» мы понимаем как неразрывную связь с семьей, согражданами, местом проживания в различных масштабах (малая родина, город, регион, страна). Проявляется «Я-телесное» в неразрывных или трудно разрываемых связях.

«Я-телесное» очень тесно связано с «Я-психическим» – это патриотические чувства по отношению к природе, землякам, стране.

«Я-рациональное» надо понимать как когнитивный компонент наполнения отношений между гражданином и государством. Для того чтобы у гражданина создавалась установка на гражданское действие, необходимо, чтобы взаимоотношения между гражданином и государством были реципрокными. Чем больше баланс «права – обязанности» будет крениться в сторону прав, тем более лоялен будет гражданин по отношению к государству.

В различные эпохи на первый план выходили те или иные компоненты гражданской идентичности. В эпоху Античности «Я-телесное» – неразрывная связь с «телом» полиса, гражданин имел права только в случае владения собственностью в черте полиса. Компонент «Я-психическое» преобладал в жизни индивида эпохи Средневековья. В эпоху Модерна на первый план выходит «Я-рациональное» – буржуа добиваются своих прав, выстраивая отношения с государством на рациональной основе, «европейский “мир” был рожден из идеи разума»¹.

В XVI–XVII вв. происходят стремительные изменения, затрагивающие все сферы общества: экономическую (развитие промышленности и торговли, товарно-денежных отношений, закрепление права частной собственности); политическую (формирование национальных представительных государств, обладающих признаками современных государств, замена сословного неравенства юридическим равенством). В социокультурной сфере можно выделить развитие

искусства и культуры, распространение протестантской буржуазной этики и гражданского общества как общественного идеала.

Процесс формирования и развития гражданского общества в истории занял несколько веков, предшествующих эпохе Нового времени. Отдельные элементы этого общества можно было видеть уже в обществах античной цивилизации. В древних Греции и Риме получило распространение товарно-денежное производство, которое было оформлено и закреплено в ряде институтов частного права. Однако это были лишь фрагменты гражданского общества, имевшие место только в отдельных регионах и соседствовавшие с доминировавшими вертикальными структурами сословных обществ в эпоху Средних веков.

В эпоху Нового времени понимание гражданского общества получает новое наполнение. Теоретические разработки идеального общественного устройства, основанного на естественном праве и общественном договоре, переходят из разряда умозрительных представлений в реальность. Это воплощение отличается рациональностью, освобождением идеи гражданского общества от религиозного содержания и переходом идеи с уровня общественного идеала на уровень обыденного сознания. В первую очередь – обыденного сознания горожан, которые начинают мыслить и действовать по-новому.

В чем же отличие гражданина-горожанина Средневековья и Нового времени? Как пишет антрополог, философ и политолог С. Н. Гавров, «религиозная Реформация была первой трещиной в сакральном восприятии мира. Результатом этого этапа стало появление некоторой усталости, цинизма, ослабление веры и, как следствие, большая веротерпимость, плюралистичность. Человек эпохи модерна, – продолжает С. Н. Гавров, – имеет дело с бюрократическими, формальными структурами, сам постепенно приобретая “модульный характер”, встраиваясь в различные социальные, профессиональные, культурные группы, выбирая свою карьеру, жизненный путь, варианты самореализации»². Независимо от социального и имущественного положения, он признается свободным и полноправным участником общественной жизни. Получив принципиально новый социальный статус, человек имеет возможность «встраиваться», основываясь на свободном волеизъявлении и рациональном выборе.

Завершается теологическая стадия, согласно интеллектуальной эволюции человечества, разрабатываемой О. Контом, на смену христианским догматам приходит осмысление, рефлексия, сомнение. Человек критически осмысливает жизненный путь, анализируя имеющиеся варианты самореализации³.

В это время закрепляется институт частной собственности, который способствует формированию гражданского сознания, превращению

бывшего подданного, служащего вассалу, корпорации или церковному ордену, в гражданина, трудящегося по найму или в качестве собственника предприятия.

В Новое время отвергается идея тождественности и подчинения частного общественному, общество становится первичным по отношению к государству. Вертикальным социальным связям пришли на смену горизонтальные – невластные, которые образовывали горожане исходя из личных интересов. Примечательно, что личные интересы могли идти вразрез с интересами государства.

Если в период Средневековья индивиды социализировались в семье, общине, корпорации, сословии, то в Новое время форма социализации индивидов задает параметры иному процессу социализации. Индивиды выбирают формы социализации, их предопределяют функционально-ролевые отношения «по соглашению»⁴.

Новые общества трансформационного типа, благодаря промышленной, а также картезианской и галилеевско-ньютоновской революциям, получают материальные и интеллектуальные основы своей непрерывной и осознанной трансформационности. Начинают действовать социальные лифты, а «полуархаические», «преторианские» индивиды, соответственно, находят возможности для социального реванша, группового самоутверждения, личной карьеры.

Распространяется идея неотъемлемых прав человека и правового равенства между людьми, признания свободы совести, воли, религиозного, морального и правового сознания, утверждается протестантский тип личности. Светской религией становится секуляризированный человеческий разум, служащий фундаментом социальной и политической иерархии и этоса зарождающейся буржуазии.

Получающая распространение политика эмансипации приводит к глобальным сдвигам в становлении идентичности. Это выражается в трансформационном отношении к происходящим событиям, к будущему, к преодолению иллегитимного доминирования со стороны отдельных индивидов (групп).

В предшествующие исторические эпохи идентификация происходила в рамках дихотомии «свои» – «чужие», и среди индивидов в их относительно малых и замкнутых общинах и сословиях преобладала, по выражению Э. Дюркгейма, «механическая солидарность»⁵. Российский социолог Л. Д. Гудков говорит о солидарности в области «вынужденных, непосредственно личных, частных отношений»⁶. Подобная «механическая солидарность», как пишет историк науки и философской мысли Е. Б. Рашковский, позволяла рассчитывать индивидам на определенное покровительство и защиту и давала возможность ощущать причастность к «некоему большому, но с трудом представимому “державному” целому»⁷.

Таким образом, европейская гражданская идентичность как феномен Нового времени фундировалась и определялась просвещенческим рационализмом. Последний, в свою очередь, форматировал ключевое общественное отношение и основную проблему европейской общественной мысли в пространстве триады «личность – общество – государство»: личность, основываясь на рациональном выборе, воздействовала на общество, а общество использовало государство как инструментальную форму.

В архаике доминантная идентичность была детерминирована культурой, в период Нового времени в первую очередь социально-исторической и политической и лишь отчасти – культурной составляющей. Осознавая свою субъектность, связанную с правами и свободами, интересами, индивид определяет все в качестве объектного: окружающий мир, общество, государство. Эти интересы могут проявляться в возникающих конфликтах, благодаря чему и начинают формироваться институты гражданского общества.

Гражданин эпохи Модерна получает свободу рационального выбора, который он реализует в политической, профессиональной, экономической сферах, в зарождающихся гражданских институтах. Иными словами, индивид начинает позиционировать себя в гражданской сфере, в первую очередь через «Я-рациональное». Затем

осознание «Я-телесного», но в ином качестве, не как абстрактное «тело полиса», а как персональная телесность индивидов. Далее следует «Я-психическое», выраженное в религиозном (духовном) мировосприятии.

Примечания

- ¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // *Вопр. философии*. 1986. № 3. С. 115.
- ² Гавров С. Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М. : МГУКИ, 2002. С. 146.
- ³ См.: Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д : Феникс, 2003.
- ⁴ См.: *Можейко М. А.* Модернизация концепции // *Всемирная энциклопедия : Философия XX век / гл. ред. А. А. Грицанов*. М. : АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2002. С. 480.
- ⁵ См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. URL: <http://scibook.net/pervoistochniki-sotsiologii-kniga/mechanicheskaya-solidarnost-ili-solidarnost-33062.html> (дата обращения: 12.12.2016).
- ⁶ *Гудков Л. Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М. : Нов. лит. обозрение, 2004. С. 661.
- ⁷ *Рашковский Е. Б.* Многозначный феномен идентичности : архаика, модерн, постмодерн... // *Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теор. конф. (Москва, 21–22 октября 2010 г.)*. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 31.

Образец для цитирования:

Кравченко Н. Ю. Структурная характеристика европейской гражданской идентичности Нового времени // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 15–17. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-15-17.

Cite this article as:

Kravchenko N. Yu. Structural Characteristics of European Civil Identity of the Modern Time. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 15–17 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-15-17.

УДК 316.44

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ КАК ОСНОВА СРЕДНЕГО СЛОЯ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В. И. Добреньков, Ю. А. Афонин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: theory@socio.msu.ru, juriaafonin@rambler

Л. В. Польшова, Д. А. Акопян, М. С. Иванкина

Самарский государственный экономический университет
E-mail: managementsseu@mail.ru

В статье рассматриваются узловые, базисные проблемы становления и развития предпринимательства в России, анализируются социально-политические и экономические предпосылки для создания благоприятной общественной среды его развития. Исследуются мотивационные рычаги формирования и функционирования предпринимательского сознания.

Ключевые слова: стратификация общества, средний класс, мелкий предприниматель, социальная мобильность, социальные нормы, социальные ценности, групповой разум, социальные цели.

Entrepreneurs as the Basis of the Middle Layer of the Population: Sociological Analysis and Management Review

V. I. Dobrenkov, Yu. A. Afonin, L. V. Polynova,
D. A. Akopyan, M. S. Ivankina

The article considers the node, the basic problems of formation and development of business in Russia, analyzes the socio-political and economic preconditions for the creation of a favorable social environment for its development. Researched motivational levers of formation and functioning of the entrepreneurial mind.

Key words: stratification of society, middle class, small businessman, social mobile, social norms, social values, group mind, social goals.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-18-24

Гражданское общество в развитых демократических странах, предоставляя населению равные политические права и различными социально-экономическими мероприятиями уравнивая его возможности для самореализации в различных сферах человеческой деятельности, служит интеграционным социально-политическим институтом, в котором теряют свое значение классовые, статусные и другие социальные и индивидуальные особенности личности. Однако и гражданское общество не может преодолеть стратификационные социальные процессы, имеющие под собой объективную основу и свою систему закономерностей. В современных развитых обществах люди различаются по объему властных и управленческих функций и полномочий, по масштабам собственности и доходов, по уровню и качеству жизни, образования, квали-

фикации, профессионализма, статусу (престиж), психофизическим признакам (темперамент, природные способности и т. д.).

В современной социологической науке существует два типа теоретических подходов к социально-классовой стратификации общества. Родоначальником первого – антагонистического – считается К. Маркс, который основу социального расслоения видел в способе формирования собственности, контроля над нею. В общем-то, убедительно доказав отставание стратификационных процессов от производственных отношений, он сделал вывод о неизбежности классовых конфликтов в стране с рыночной экономикой. Экономический детерминизм в социальном развитии К. Маркса послужил теоретическим обоснованием для социальных революций, сотрясавших мир на протяжении XX в.

Но успешное развитие капиталистических стран, занявших передовые позиции не только по уровню технологизации производства, но и по качеству жизни широких слоев населения, разрушило утопические надежды на то, что высокого экономического благосостояния можно достичь идеологическими мерами, без задействования рыночных рычагов, базирующихся на индивидуальной, частной творческой активности предприимчивой личности. Впрочем, марксистская теория антагонистических классов была обязательной лишь для ученых социалистических стран. На Западе относительно мало теоретиков принимали всерьез чисто экономический подход¹.

С развитием рыночных (капиталистических) общественных отношений взаимодействие между классами утрачивает свой первобытный принудительный характер, антагонистическое противостояние классов оттесняется на маргинальную периферию общественного развития благодаря формированию и закреплению главенствующего положения юридических норм и моральных обязательств.

Сильнейшее влияние на формирование западных представлений о стратификации общества имела концепция М. Вебера о трех ярусах стратификационных процессов, изложенная им в книге «Теория социальной и экономической организации». Первый ярус – собственно социальный (или статусный) – состоит из групп, дифференцирующихся по степени уважения, и

является следствием стиля жизни, образования, профессии, наследуемой (семейно) репутации. Второй ярус включает в себя группы, различаемые по экономическим основаниям (классы), по отличиям в распределении собственности и доходов и роли на рынке. На третьем ярусе идентифицируются группы по принципу партийной принадлежности (объединяются интересами борьбы за власть). Общая стратификационная картина определяется сложившейся специфической конфигурацией статусных (почетных), экономических и юридических критериев. Статусные, экономические и юридические различия стратификационных групп, по Веберу, неизбежно приводят к конфликтам между различными слоями населения. Наряду с Вебером, огромное позитивное воздействие на современную социологическую мысль оказали труды Питирима Сорокина «Система социологии» и «Социальная мобильность». Наибольший интерес вызывает первая работа, так как она написана и издана в Советской России (1920), содержит в себе контуры и векторы последующих теоретических построений ученого, идейные взгляды которого оказались несовместимыми с практическими действиями советских властей.

Выступая с позитивистских философских позиций, П. Сорокин полагал, что любые социальные отношения распадаются на отношения взаимодействия: «...начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями религиозными, правовыми, научными»². Структуру социального взаимодействия определяет связь трех элементов: 1) групп индивидуумов, состоящих не менее чем из двух человек; 2) самого акта взаимодействия; 3) проводников – материальных и символических – данного акта, в которые включаются язык (устное слово), письменность, живопись, музыка, орудия труда, деньги, одежда, церемонии, образы, памятники, предметы быта и т. д.³

Эти элементы взаимодействия интегрируются в единое органическое социальное целое благодаря наличию между ними причинно-функциональных отношений. «Формально-типологические» или телеологические единства, вроде норм, ценностей, целей, «национального духа», «группового разума», «сознания рода» и других подобных «поэтических образов», ученый причислил к простой пространственной близости, механическому сосуществованию элементов, социальным конгломератам, представляющим собой иллюзию подлинной интеграции⁴.

Реальными важнейшими факторами социальной интеграции, по мнению П. Сорокин, являются следующие.

1. Космическо-географическая, климатическо-территориальная социализация индивидов. Под ее воздействием формируются многие стороны быта и культуры: жилище, одежда, фольклор, обычаи. (Кстати сказать, советский этнолог

Л. Гумилев, возведя географический фактор социализации в абсолют, поставил его в основу своей теории происхождения, расцвета и угасания наций и народов.)

2. Биолого-физиологический фактор социализации, включающий основные инстинкты и стимулы, подвигающие людей на различные акции и реакции взаимодействия. Например, половой инстинкт лежит в основе таких разнообразных социальных явлений, как проституция, супружеский союз, религиозный гетеризм, многоженство, сексуальные преступления и т. д.

3. Социально-психический фактор (внушение, подражание, эмоциональные и интеллектуальные контакты и т. п.), благодаря которому возникают представления о целях, морали, ценностях, пользе⁵.

Факторы социальной интеграции создают несколько уровней социального взаимодействия. Первый – это уровень межиндивидуальных отношений. На данном уровне образуются элементарные социальные группы, под которыми П. Сорокин понимал интеграционное единомыслие по какому-либо одному признаку: полу, возрасту, языку, вере, профессии, доходам и т. д.

На втором уровне создаются условия для реализации факторов социализации и интеграции в направлении соединения или разложения групп.

Межгрупповые отношения кумулятивных социальных групп образуют третий уровень взаимодействия, на котором они по ряду признаков объединяются в классы, нации, народности, элиты и т. д. Общая совокупность кумулятивных социальных групп представляет собой общество, или население⁶.

Таким образом, общество уподобляется «куску слюды, легко расслаивающемуся по отдельным слоям. Частицы слюды неодинаково прочно связаны друг с другом: по линии расслоения они легко расслаиваются, в пределах каждого слоя они крепче сцеплены взаимно»⁷. Индивид в результате оказывается членом множества социальных групп. В реальной жизни наибольшее влияние они оказывают на людей в зависимости от количества членов, от системы распространности, солидарности, организованности, наличия технического аппарата воздействия (деньги, печать, оружие, транспорт, знания и навыки).

Элементарные и кумулятивные социальные группы подразделяются на три вида: закрытые, принадлежность к которым не зависит от воли индивида (пол, раса, нация, каста, первичная семья); открытые, предполагающие членство на основе собственно волеизъявления индивидов, сознательного выбора, свободной циркуляции (партийные, научные, религиозные, профессиональные группировки); промежуточные, интегрирующие характеристики двух предшествующих групп (класс, сословие, вторичная семья).

Антагонистическая борьба между классами, по мнению ученого, носит стихийный характер,

так как «на историческом поле битвы редко борются только класс с классом. Борьба идет одновременно между слоями однородных группировок друг с другом и между слоями разнородных группировок»⁸. Поэтому теории социальной стратификации, построенные на одном интеграционном факторе – экономическом либерализме, географическом, демографическом и ином другом детерминизме, упрощают и искажают механизм социального взаимодействия.

Социальные группы очень подвижны в своем развитии и постепенно трансформируются. В эпохи революций особенно заметны изменения в имущественных группировках, там наблюдаются массовые перемещения по социальной лестнице. Однако даже при полной перемене их состава сами по себе имущественные различия остаются. П. Сорокин довольно прозорливо предсказал, что искусственное уравнивание, огосударствление средств производства, превращение всего общества в наемных рабочих и служащих с целью уничтожить стратификационное расслоение ничего не дадут, кроме того что сначала погасят индивидуальный интерес и конкуренцию в большинстве видов деятельности, а со временем продемонстрируют и свою полную интеграционную социальную и экономико-хозяйственную несостоятельность⁹.

Под классом он разумел «совокупность лиц, сходных по профессии, по объему прав, а следовательно, имеющих тождественные интересы». «Сходство профессий и обеспеченность правами влекут за собой обычно сходство образовательного уровня, вкусов, убеждений, симпатий, поведения и всего образа жизни»¹⁰.

Провидческими оказались прогнозы ученого о том, что ведущее место в развитии займут не классовые различия, а территориально-географические, межгрупповые и внутригрупповые перемещения. Современные информационные технологии сжимают социальное пространство и время, «только за один день мировой транспорт перевозит такую массу людей, что в сравнении с ним так называемое “великое переселение народов” древности кажется безделицей»¹¹. Человек получил возможность за считанные секунды вступить в информационный контакт с абонентом в любом уголке планеты.

В советском обществе категория класса потеряла экономическую детерминацию, так как право на собственность оставалось лишь у государства. Социологи определяли классы по форме и содержанию трудовой деятельности: выделялись классы рабочих, занимавшихся ручным промышленным трудом, и крестьян – ручным сельскохозяйственным трудом. Работники умственного труда, рекрутируемые из этих классов, относились к социальной прослойке интеллигенции.

Еще М. Вебер говорил, что критерии социального ранжирования демократического

общества не приложимы к тоталитарным общественным системам. Хотя в силу взаимодействий различных экономических, социальных, региональных, демографических и иных факторов в советской России создавалась достаточно пестрая стратификационная картина по уровню доходов и качеству жизни, явно выделялась по этим признакам, например, социальная группа людей (бюрократы, руководители производств, партноменклатура, торговые и снабженческие работники), имевшая доступ к распределению и использованию общественного богатства, в целом члены общества уравнивались отношением их к собственности. Все они, по существу, служили одному хозяину и собственнику – государству.

Современные экономические реформы подвергли кардинальной трансформации социальную структуру общества. Ученые отмечают, что «в настоящее время в процессе становления находятся класс собственников и класс наемных работников»¹². Классово-экономический подход к исследованию стратификационной структуры России оказывается непродуктивным, так как изначально носит односторонний характер. Однако и приспособление западной стратификационной традиции к российским социальным реалиям страдает механистичностью и комплиативностью. Во многом это объясняется тем, что в нашей стране в последнее время социальные процессы были обусловлены не столько стратификацией, сколько дестратификацией. В связи с развитием качественного и количественного многообразия форм собственности не только структурно оформляются соответствующие социальные группы собственников, но и радикально трансформируется, расслаивается, дробится, преобразуется десятилетиями складывавшийся слой так называемых наемных работников.

В связи с незавершенностью социально-экономической дифференциации ученые отказываются от категориального определения классов, страт и слоев, лишь констатируя наличие тех или иных социальных групп в современном российском обществе. В коллективном труде «Социальное расслоение и социальная мобильность» по самоидентификационному принципу выделяются средние слои, новые бедные, работники со средним специальным, высшим техническим, высшим гуманитарным, медицинским, экологическим образованием, рабочие, предприниматели, коммерческие служащие, специалисты, слой элитный, высший, между высшим и средним, средний, между средним и низшим, низший, внеслоевая группа. Такая дробность в интерпретации социальной стратификации вряд ли помогает формированию целостного представления об объективной конфигурации общества.

Более емким и цельным является социально-статусный подход к анализу социальной дифференциации общества, предлагаемый Т. И. За-

славской и Р. Г. Громовой¹³. В качестве основных статусных критериев социальной стратификации они выдвигают политический потенциал (характеризуется объемом властных и управленческих полномочий); экономический (масштабы стабильности, доходов и уровень жизни); социокультурный (уровень образования, квалификации и профессионализма, особенности образа и качества жизни) потенциалы и социальный престиж.

По данным критериям выделяются четыре социальных слоя: верхний, средний, базовый, нижний – и десоциализированное дно. К верхнему слою отнесены представители высших эшелонов власти, крупные и средние предприниматели, ответственные чиновники, в целом люди с высоким экономическим, статусным и властным потенциалом.

В более массовый средний слой входят представители бизнес-слоя России (мелкие предприниматели), менеджеры, профессионалы высокой квалификации, среднее звено бюрократии, высшие и средние офицеры. К нему можно отнести 18% населения.

Основную часть российского общества составляет базовый слой, который складывается из представителей массовой интеллигенции (инженеров, учителей, врачей), служащих, квалифицированных индустриальных рабочих, крестьян, работников массовых профессий сферы обслуживания. В него входит 66% населения.

На нижний слой общества приходится 10%. К нему относятся «жертвы» социально-экономического реформирования: пожилые, малообразованные, не очень здоровые, люди с малым адаптационным потенциалом, безработные, беженцы, вынужденные мигранты.

Социальное «дно» образуют люди из криминальной и полукриминальной социальной группы, утратившие навыки легитимной общественной жизни: преступники, алкоголики, бродяги, проститутки, бомжи, наркоманы. Значительная их часть прошла через тюрьмы и лагеря.

Большое внимание в научной литературе уделяется среднему слою населения. Одни исследователи отождествляют его с выделяемым на Западе средним классом, которому там традиционно отводится роль стабилизатора общественных отношений, при этом выражая сомнение в способности выполнить такую роль российского среднего класса. Другие считают, что социальным итогом реформ в России «стали не формирование массивного и процветающего среднего класса, а размывание ранее существовавших в стране средних слоев и резко углубившаяся поляризация общества. В этих условиях возникновение среднего класса в России стало казаться делом далекого будущего»¹⁴.

По уровню и качеству жизни к средним классам западного образца приближаются лишь верхние слои российского общества. Поэтому

делается пессимистический вывод, что «средний слой России вряд ли может выступать в качестве социального стабилизатора общества и носителя общественного прогресса. Для этого ему не достает экономической независимости, высокого благосостояния и стимулирующих институциональных условий деловой и творческой деятельности»¹⁵.

На наш взгляд, сопоставление российского и западного обществ осуществляется не совсем корректно. Как бы забывается, что к началу реформ российский и западноевропейский элитарный, средний и низший уровни стандартов жизни были вообще не сопоставимы.

Российский высший слой сформирован не длительным путем поступательного развития, а радикальной, волевой передачей государственной собственности в частные руки. Выбор собственников обуславливался не интересами общества, не выдающимися их предпринимательскими способностями, а политическими клановыми, родственными и другими конъюнктурными пристрастиями. Поэтому лидеры современного российского бизнеса, с одной стороны, не имеют высокого общественного авторитета, доверия и уважения, так как добились своего конечного статуса за счет низших слоев населения, с другой, они, находясь в постоянном страхе перед переделом неправедно нажитого, не могут себя чувствовать уверенно в России и стремятся перевести свои капиталы за рубеж.

Средний слой российского общества не может и не должен быть похожим на западный. Реальность такова, что пусть не такой массовый, какой хотелось бы, но он есть. И, в отличие от верхнего, формируется не за счет обнищания других слоев народа, а за счет реализации внутренних человеческих ресурсов: предприимчивости, инициативности, инновационного творческого подхода к своей жизнедеятельности.

Мелкие предприниматели вроде бы пока не занимают ведущего положения в среднем слое населения. В него входят, наряду с собственниками малых промышленных, перерабатывающих, обслуживающих и других предприятий, менеджеры, представители шоу-бизнеса, свободных профессий, владельцы многих средств массовой коммуникации, частнопрактикующие врачи, адвокаты, дизайнеры, научные работники, массажисты и т. д. Отличительные черты представителей среднего слоя – во-первых, предприимчивость в широком смысле слова в различных сферах человеческой деятельности, во-вторых, все они обладают более высокими способностями в своем деле, по сравнению со своими коллегами из низких слоев населения. Это сближает само понятие предприимчивости с творческими талантами и позволяет отнести ее к интеллектуальной собственности, конвертируемой во вполне осязаемый экономический результат. Сама интеллектуальная собственность становится

знаковой для среднего слоя населения. Под ней можно понимать не только уникальные научные и технологические открытия, но и любой творческий талант: литературный, музыкальный, дизайнерский, педагогический, медицинский, вокальный, танцевальный, спортивный, предпринимательский, менеджерский и т. д., который востребуется обществом на экономически выгодных для обладателя условиях.

Если посмотреть на средний класс с этой точки зрения, то следует констатировать, что он уже сегодня является мощным стабилизирующим фактором общества. Делают его таковым многие обстоятельства, среди которых выделим следующие.

1. Средний класс своим жизненным уровнем и качеством жизни показывает возможность предпринимательских подходов к решению жизненных и житейских проблем.

2. Даже в не очень благоприятных социально-экономических условиях средний класс проявляет стойкую способность к саморазвитию и самовосстановлению. Пример: августовский кризис 1998 г. разорил многие средние и мелкие предприятия. Однако к 1999 г. общее их количество осталось практически неизменным, разорившиеся были замещены вновь народившимися мелкими предприятиями и фирмами. Это дает надежду представителям низших слоев на изменение если не своего, то положения своих детей к лучшему.

3. Открытость среднего слоя, возможность перемещения его представителей в верхний и низшие слои служат своеобразным «миграционным» скрепом общества, средством обратной связи между слоями.

4. Представители среднего слоя, предпринимчивые и инновационно нацеленные по природе, политически активны и служат для властей важным индикатором общественных настроений.

Однако при всей оптимистичности в оценке перспектив развития малого предпринимательства в России нельзя не отметить таких тормозящих его факторов, как:

– отсутствие четкой федеральной политики в отношении перспектив экономического и социального развития территорий;

– наличие противоречий и напряженности на национально-этнической почве;

– рецидивы несогласованности в действиях различных ветвей власти и в связи с этим непоследовательности и противоречивости принимаемых решений;

– невестребованность культурного, научно-го, в целом интеллектуального потенциала страны;

– отсутствие научно обоснованной системы обучения, подготовки, переподготовки и продвижения кадров всех уровней;

– слабое информационно-аналитическое обеспечение органов власти и управления всех уровней;

– плохая связь органов государственной власти и управления со структурами местного самоуправления;

– отсутствие четкого разделения функций управления между центром и регионами, недостаточная регламентация прав и обязанностей верхних и нижних этажей власти.

Первостепенное значение имеет и та социально-экономическая, политическая и духовная среда, в которой происходит становление малых форм бизнеса. Чем менее она благоприятна, тем более активными должны быть меры помощи малому предпринимательству. В противном случае всегда есть опасность его деформации и превращения в механизм не укрепления экономических и социальных связей, а их разрушения.

Негарантированность доходов, нечеткость представлений у субъектов управления о механизмах реализации рыночных отношений в их современном виде с учетом всех негативных последствий, уже проявившихся в мировой истории, усиливают напряженность в общественном сознании, порождают сопротивление рынку, служат оживлению сил торможения. К их числу относятся и старые стереотипы мышления, которые выступают и будут выступать могучим фактором сдерживания на пути позитивного развития рынка как необходимого средства хозяйствования и оздоровления современного российского социума. Жизнь всегда меняется быстрее общественного сознания, которое консервативно и связано с определенным типом субъекта деятельности, его ранее сложившимися устойчивыми социально-культурными и социально-психологическими характеристиками. Новая модель экономики требует опережающего изменения системы ценностных ориентаций личности, мотивации человеческого поведения, что неразрывно связано с иным сознанием: раскованным, естественным, разноплановым, словом, со всесторонне подготовленным духовно-идеологически и политически. Сегодня очевидно, что введение цивилизованных рыночных отношений, их социальная и нравственная ориентация, соотношение стихийного и сознательного в обществе во многом зависят от духовно-культурного климата, бездуховность деформирует рынок и может привести к непредсказуемым последствиям и в социальной стратификации общества.

Развитие малого бизнеса в России находится в начальной стадии, для формирования широкого предпринимательского слоя необходимо не просто создание особой предпринимательской культуры, а кардинальная и всесторонняя подготовка всего общественного сознания как к соответствующему восприятию рыночных, социально-экономических отношений, так и к правовому рыночному поведению граждан. Предприниматели – органичная часть общества, они не могут сформироваться вне рамок этого общества.

Анализ концептуальных основ государственной поддержки малого предпринимательства, проблем формирования соответствующей социально-экономической среды и предпринимательского сознания показывает следующее.

1. Говоря о рисковом характере предпринимательства в целом, о включении им в действие личностного творческого потенциала, нужно иметь в виду, что государственная поддержка малому бизнесу необходима не в качестве одолжения, не для того только, чтобы создать начинающему предпринимателю стартовые условия, а процветающему бизнесмену помочь в конкуренции с крупными капиталом. Эта поддержка нужна столько же самому государству, обществу, сколько и предпринимательству. Поддержка, оказываемая малому бизнесу, является одним из важных стимулов самовывживания, самосохранения и саморазвития государства, так как малое предпринимательство служит оздоровлению и укреплению всей социально-экономической государственной системы.

2. Государственная поддержка должна носить не разовый, а системный, долговременный, стратегический характер и ориентировать общество на формирование разветвленной предпринимательской сферы, включающей в себя институциональные (законы, органы управления) и финансово-экономические составляющие.

3. Государственная поддержка малого предпринимательства в долговременном плане должна быть ориентирована на создание такой рыночной среды и такого предпринимательского сознания, которые, конструктивно используя мировой рыночный опыт, базировались бы не на заемных, а на органичных отечественных естественно-исторических предпосылках социально-экономического развития.

В идеале каждый гражданин как совладелец ресурсов региона, в том числе природных, вправе рассчитывать на дивиденды коммерческого использования имеющихся в распоряжении общества богатств. Приближение к такому идеалу возможно только на основе утверждения *корпоративного метода хозяйствования* в регионе, который можно охарактеризовать как:

- механизм самоуправления экономики, синтезирующий различные способы хозяйствования;
- методологию общежития, обусловленную естественно-историческим развитием, глубоко уходящую корнями в артельно-общинное хозяйство, народное самоуправление, совместное владение землей;
- на новых информационно-технологических принципах возвращение к народным основам, традициям, культурно-историческим идеалам, духовно-нравственным ценностям, накопленным поколениями наших предков.

Организационная сущность корпоратизма проявляется через такие социальные характеристики:

- свободное волеизъявление населения при выборе методов хозяйствования;
- удовлетворение личных и корпоративных интересов посредством развития договорных отношений;
- равноправное владение, распоряжение и пользование корпоративной собственностью муниципальных образований;
- реализация интересов индивидуума в органичном единстве с интересами сообщества;
- равенство возможностей каждого члена сообщества при всестороннем учете его способностей;
- достижение баланса интересов участников экономической деятельности, субъектов всех категорий и уровней;
- предприимчивость;
- местное самоуправление и самофинансирование;
- свободный от волевого, командно-бюрократического вмешательства государства рынок;
- широкое использование новейших научно-технических, социальных, финансовых и политических технологий.

Цели, к которым стремится корпоративный метод организации хозяйственной жизни в регионе, общегуманистические:

- доходы увеличиваются, создаются условия, когда нет нищих и бедных, а есть население с высоким уровнем достатка, в котором богатые и очень богатые люди выглядят органичным явлением;
- укрепляется здоровье населения, создаются условия, при которых средняя продолжительность жизни возрастает до мировых стандартов, а заболеваемость снижается до расчетного минимального уровня.

Кроме того, корпоративная организация хозяйственной жизни предполагает достижение таких важных для каждого человека *условий*, как:

- сервисность и комфортность жизни, создающие полноценные социальные предпосылки для самосовершенствования и творческого развития личности;
- подрастающее поколение в соответствии с принятыми муниципальными (городскими, районными) органами власти указами становится полноправным собственником наряду с работающим населением и пенсионерами;
- собственники города (района) являются совладельцами финансовых институтов, предприятий, коммерческих и некоммерческих организаций.

Если малое предпринимательство в регионе, местном сообществе будет развиваться на основах корпоратизма, его принципов, то оно получит мощные региональные ускорители возрождения, обретет собственную региональную социально-экономическую среду, высокие ценностные ориентации. С малой родины может начаться

цивилизованный этап его развития в интересах граждан, а не за их счет. Именно на такой основе в мировой практике формируются современное местное хозяйство регионов, местные рынки, региональные социально-финансовые институты и создаются предпосылки для реального местного самоуправления.

Решение вышеобозначенных проблем позволит оптимизировать механизмы и формы взаимодействия между органами власти и малым предпринимательством, более целесообразно построить структуры исполнительной власти и ее административных подразделений в городах, районах, четко определить функции органов управления малым предпринимательством и каждого работающего там государственного служащего. Это, в свою очередь, будет способствовать выработке более эффективных организационно-правовых форм объединения мелких и средних предпринимателей: союзов, ассоциаций, консультационных и инкубаторных центров, информационных отделов, в том числе по маркетингу, бухгалтеру, регламенту.

Рыночный либерализм допускает ту же ошибку, что в свое время реальный социализм. Средства производства должны принадлежать не государству, не капиталу, а людям, которые работают. Других стимулов к творческому труду с полной отдачей в мире пока нет. И если их нет, то будет побеждать та цивилизация, группа стран, отдельно взятая страна, которая, избавившись от «измов», от идеологической и политической засоренности, возьмет все то лучшее, что накоплено человечеством, и включит эти живые механизмы в мотиваторы социального развития.

Корпоративные цели и задачи в полной мере согласуются с демократическими устремлениями гражданского общества, главный принцип которого – равенство всех членов общества перед законом, независимо от социального и имущественного положения, при котором только и может быть реально осуществлен принцип равенства возможностей.

Примечания

- 1 См.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория М., 1961. С. 69.
- 2 Сорокин П. Система социологии : в 2 т. Пг., 1920. Т. 1. С. 81.
- 3 Там же. С. 82–112.
- 4 Там же. С. 233–248.
- 5 Там же. С. 58.
- 6 Там же. С. 44.
- 7 Там же. С. 304.
- 8 Там же. С. 420.
- 9 Там же. С. 298–304.
- 10 Беккер Г., Босков А. Указ. соч. С. 89.
- 11 Голосенко И. А. Социология Питирима Сорокина : Русский период деятельности. Самара, 1992. С. 87.
- 12 Социальное расслоение и социальная мобильность / под ред. З. Т. Голенковой. М., 1999. С. 39.
- 13 См.: Заславская Т. И., Громова Р. Г. Гл. 8. Трансформация социальной структуры российского общества // Путь и XXI век / рук. авт. кол. Д. С. Львов. М., 1999. С. 307–343.
- 14 Социальное расслоение и социальная мобильность. С. 43.
- 15 Заславская Т. И., Громова Р. Г. Указ. соч. С. 335.

Образец для цитирования:

Добренков В. И., Афонин Ю. А., Полюнова Л. В., Акопян Д. А., Иванкина М. С. Предприниматели как основа среднего слоя населения : социологический и управленческий анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 18–24. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-18-24.

Cite this article as:

Dobrenkov V. I., Afonin Yu. A., Polynova L. V., Akopyan D. A., Ivankina M. S. Entrepreneurs as the Basis of the Middle Layer of the Population: Sociological Analysis and Management Review. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 18–24 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-18-24.

УДК 316.3

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

З. М. Сабанов, Р. Э. Кесаева

Северо-Осетинский государственный университет
имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ
E-mail: sabanovz@mail.ru, margo2199@yandex.ru

Статья посвящена организационно-правовым аспектам экономической деятельности в сфере социальной защиты населения. В ней рассматриваются основные положения, обеспечивающие экономическую эффективность института социальной защиты населения, в рамках рыночной системы с преобладанием частной собственности и при определенной регулирующей роли государства.

Ключевые слова: социально-экономическая эффективность, социально-экономическая поддержка, социальная адаптация.

Legal Aspects of Economic Activity in the Sphere of Social Protection of Population

Z. M. Sabanov, R. E. Kesaeva

The article is devoted to the organizational and legal aspects of economic activity in the sphere of social protection of the population. It examines the key provisions ensuring the cost-effectiveness of the Institute for social protection of the population, within a market system with a predominance of private property and with some of the regulatory role of the State.

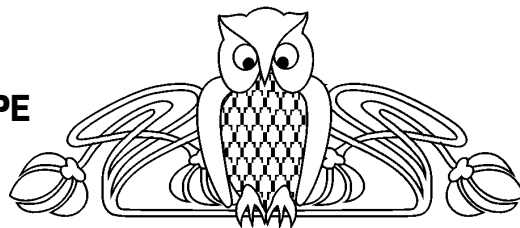
Key words: social and economic effectiveness, social and economic support, social adaptation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-25-28

В настоящее время в новых социально-экономических условиях происходит формирование системы социальной защиты населения как особого института, который пришел на смену социальному обеспечению. Именно социальное обеспечение характеризовало в советской экономике специфическую организационно-правовую форму социальной защиты, осуществляемую непосредственно государством. Принятая система социальной защиты определила необходимость новых организационно-правовых форм социальной поддержки наиболее уязвимых категорий населения, что, в свою очередь, отразилось на деятельности социальных служб.

Базовым нормативно-правовым документом, определяющим деятельность социальных служб, является Федеральный закон от 01.01.2015 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации».

В нем закреплены основные правовые нормы, регулирующие управление, ресурсное обеспечение, а также предпринимательскую деятельность в сфере социального обслуживания.

Установлены нормы и правила для бесплатного и платного социального обслуживания в государственной системе социальных служб.

В соответствии с указанным Законом в число основных задач и функций центров социального обслуживания входят:

– оказание социальных услуг в объеме территориального перечня гарантированных государством услуг, а также, по желанию граждан, дополнительных услуг за плату;

– внедрение новых форм и видов социального обслуживания с учетом местных социально-экономических условий;

– создание мастерских, надомных производств для решения вопросов реабилитации инвалидов и трудовой занятости граждан пожилого возраста;

– привлечение различных организаций к решению вопросов оказания социально-экономической поддержки нуждающимся гражданам и др.¹

Одной из форм организации общественности для оказания помощи социально-незащищенным гражданам являются некоммерческие неправительственные общественные организации (НКО). Смыслом существования некоммерческой организации является общественное участие – в общественной жизни, государственном (и муниципальном) управлении, профессиональных и досуговых сферах. Работа НКО гибко оптимизирует социальную организацию общества, гуманизируя управление и перераспределяя ресурсы общества и государственной системы в соответствии с запросами локальных групп, нуждающихся в поддержке или готовых оказывать таковую. То есть НКО содействуют созданию социального капитала и способствуют наиболее оперативному и эффективному его вложению.

Таким образом, деятельность НКО, направленная на помощь клиентам социальных служб и организующая общественное участие в решении их проблем, является еще и общественно полезной в самом широком смысле. Благодаря ей люди, нуждающиеся в помощи, не только получают ее как пассивные иждивенцы, но и сами оказывают услуги обществу и государству, реабилитируя себя как активных и социально эффективных граждан. Благодаря общественному участию не только выявляются и решаются проблемы, но усиливаются сами НКО – субъекты выражения мнения пациентов, помощи пациентам, реабилитации пациентов, субъекты общественного участия.

Везде, где существует дефицит государственного участия, там включается, приходит на помощь общественность. Некоммерческие общественные организации либо побуждают государственную организацию оказывать помощь так, как положено по закону, либо привлекают какие-то иные ресурсы для решения вопроса².

Дефицит государственного участия может быть разным:

– одна сторона дефицита – существуют стандарты оказания социальной помощи (они разработаны), но они не выполняются ввиду отсутствия финансовых возможностей – здесь НКО предоставляет свои ресурсы;

– другая сторона дефицита – изначальное отсутствие стандартов оказания социальной помощи в конкретной сфере. Здесь НКО может выдвигать свои предложения.

Одновременно можно выделить две стратегии действий НКО:

1) выделяется дефицитный участок оказания социальной помощи и предлагается какая-то тема;

2) определяется узкоспецифичная группа людей и потребности в помощи именно этой группы.

Так, например, объективная невозможность охватить все стороны жизни инвалида системой государственной поддержки, недостаточность средств в государственной системе здравоохранения и социальной помощи, невозможность для государственных служб на нынешнем их уровне развития охватить все слои пациентов гибкой системой индивидуальных программ реабилитации, а также наличие значительного внешнего для государственной системы реабилитационного ресурса – возможностей самого пациента, его близких, добровольческих общественных структур, говорят в пользу необходимости создания общественно-государственной системы реабилитации. Такой, в которой в реабилитационном процессе в полной мере будут использованы разнообразные материальные и нематериальные ресурсы пациента, его семейного и референтного окружения, специалистов-общественников, пациентского сообщества, широкого волонтерского движения и общества вообще. Катализаторами создания, организаторами, координаторами и даже методистами общественного сегмента реабилитации могут стать общественные организации – устойчивые структуры, действующие в соответствии с общественным запросом, глубоко погруженные в тематику проблем и запросов конкретных социальных групп, высокомотивированные на помощь³.

Потенциал подобных НКО, а также различного рода общественных советов, создаваемых при профильных региональных властных структурах (региональных министерствах здравоохранения, территориальных органах Росздравнадзора), необходимо использовать для повышения качества

медико-социальной реабилитации инвалидов. В условиях дефицита бюджетного финансирования и связанных с ним проблем, недостаточной материально-технической базы учреждений здравоохранения и социальной защиты населения, недоукомплектованности штатов специалистов особое значение имеет поиск внебюджетных источников финансирования, привлечение к делу охраны здоровья (в т.ч. реабилитации инвалидов) других заинтересованных структур, в первую очередь общественных организаций.

В случае разумного взаимного дополнения возможны значительные перспективы в продвижении социальных проектов от НКО, их совместное исполнение, финансирование. Имеет значение нахождение «проводников» НКО во властных структурах. Этими проводниками могут являться советы общественных организаций, комитеты, комиссии при тех или иных ветвях власти. Они обеспечивают информационные потоки в обе стороны. С их помощью можно реально влиять на принятие программ, законопроектов, бюджета.

Основными направлениями партнерства органов государственной власти, органов местного самоуправления и негосударственных НКО, по обоюдному соглашению экспертов НКО и представителей различных ветвей государственной власти в социально-экономической сфере могут быть следующие:

– привлечение негосударственных НКО к разработке и выполнению программ социально-экономического развития;

– поддержка негосударственных НКО, содействующих развитию отечественного производства;

– создание условий для реализации предпринимательских инициатив негосударственных НКО в целях обеспечения их уставной деятельности;

– совершенствование механизмов участия негосударственных НКО в реализации социальной политики;

– установление и развитие партнерства между федеральными органами государственной власти, органами местного самоуправления, работодателями и работниками, взаимодействие с профсоюзами и другими общественно-профессиональными структурами;

– развитие благотворительности и мобилизация финансовых и материальных средств для социальной поддержки нуждающихся.

Интерес же органов власти к НКО обеспечивается конструктивной позицией НКО, концептуальной завершенностью их предложений, готовностью их исполнять условия проекта. НКО должны обязательно сотрудничать с ветвями власти и помогать им в проведении социальной политики на благо реабилитируемым людям. Целью партнерства органов государственной власти, местного самоуправления и негосударствен-

ных НКО являются совместные согласованные и скоординированные действия, способствующие социально-экономическому развитию⁴.

Среди основных задач данного партнерства можно выделить:

- повышение уровня и качества жизни граждан;
- развитие демократических институтов и усиление процесса демократизации общества;
- укрепление доверия граждан к органам власти и сохранение социальной стабильности в регионе;
- участие негосударственных некоммерческих организаций в разработке и реализации политики администраций регионов;
- развитие дружественных межнациональных отношений, сохранение национально-культурных традиций;
- разработка и внедрение в практику взаимоотношений федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления и негосударственных некоммерческих организаций принципов социального партнерства;
- совершенствование и развитие региональной нормативно-правовой базы, формирующей условия для развития гражданского общества и роста гражданских инициатив;
- разработка и внедрение эффективных механизмов поддержки и реализации социально значимых гражданских инициатив и программ;
- создание системы информационной поддержки процесса развития гражданского общества;
- развитие кооперации, различных форм сотрудничества внутри некоммерческого сектора, обобщение положительного опыта работы;
- содействие развитию многосторонних контактов негосударственных некоммерческих организаций, других субъектов Российской Федерации и зарубежных стран.

Таким образом, работа НКО гибко оптимизирует социальную организацию общества, гуманизируя управление и перераспределяя ресурсы общества и государственной системы в соответствии с запросами локальных групп, нуждающихся в поддержке или готовых оказывать таковую. То есть НКО содействуют созданию социального капитала и способствуют наиболее оперативному и эффективному его вложению⁵.

Другим важным моментом социальной защиты в условиях социально-экономического кризиса являются нормы, направленные на адресную социальную поддержку наименее защищенных слоев населения.

Одним из первых нормативно-правовых документов, регулирующих адресную социальную помощь инвалидам, одиноко проживающим гражданам, доходы которых ниже величины прожиточного минимума, являлся Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи».

В данном Законе впервые были даны правовые определения таких понятий, как «государственная социальная помощь», «социальное пособие», «субсидия», «компенсация» (ст. 1).

Согласно ст. 5 данного Закона, государственная социальная помощь оказывалась на уровне федерального, регионального и местного бюджетов и могла быть предоставлена в разовом порядке или на длительный срок (не менее трех месяцев). Вопросы определения длительности оказания социальной помощи малоимущей семье решали местные органы власти, исходя из конкретных объективных обстоятельств, послуживших причиной нуждаемости. Поэтому именно на местах органы социальной защиты должны определять объективность обращения малоимущих граждан за государственной социальной помощью и степень их нуждаемости.

В ст. 7 Закона были установлены правовые критерии предоставления государственной социальной помощи, а также уточнен порядок определения величины прожиточного минимума малоимущей семьи. В соответствии с этой статьей, семья, среднедушевой доход которой ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации, считалась малоимущей и имела право на получение государственной социальной помощи⁶.

Дальнейшее усиление адресности социальной помощи, необходимости всеобщей доступности и обеспечения приемлемого качества социальных услуг предусмотрено в Федеральном законе от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации)” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации)”».

В соответствии со ст. 12 данного Закона государственная социальная помощь может оказываться как в денежной форме, так и в натуральном виде. При этом Закон предусматривает обеспечение органов местного самоуправления соответствующими бюджетными ресурсами для исполнения передаваемых им расходов полномочий.

В ч. 2 ст. 12 Закона уточняется, что оказание государственной социальной помощи осуществляется органами местного самоуправления в пределах передаваемых им органами государственной власти в этих целях полномочий вместе с материальными и финансовыми ресурсами для их осуществления. Такая уточняющая поправка сделана с учетом того, что органы местного самоуправления не входят в систему органов

государственной власти. Это, в свою очередь, определяет специфику финансовых обязательств местных органов власти по оказанию государственной социальной помощи⁷.

Бюджетные взаимоотношения между органами местного самоуправления и органами государственной власти при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями конкретизированы, в частности, Федеральным законом от 25 сентября 1997 г. № 126-ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации». Он является частью законодательства о государственной социальной помощи (ст. 2). Данным Законом в ч. 2 ст. 4 предусмотрено, что при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации и отдельными государственными полномочиями субъектов РФ им одновременно передаются материальные и финансовые ресурсы, необходимые для осуществления этих полномочий⁸.

Таковы наиболее существенные правовые и организационные основы оказания государственной социальной помощи малоимущим, установленные отечественным законодательством.

Таким образом, в настоящее время система социальной защиты населения располагает определенной нормативно-правовой базой, позволяющей эффективно осуществлять свою экономическую деятельность. Вместе с тем существующие законы не в достаточной степени нацелены на введение альтернативных источников финансирования, например, таких как некоммерческие общественные организации. Основное направление осталось прежним – государственная поддержка и помощь.

Система общественного участия в социальной поддержке раскрывает возможности общественности включаться в процесс социальной помощи – как контрольными функциями, так и прямыми финансово-экономическими действиями. То, что государство не в состоянии сделать, может быть реализовано в благотворительных сообществах (благотворительных фондах и

проч.) или на базе социально ориентированных общественных организаций, которые используют государственные ресурсы (гранты и проч.). Потенциал подобных организаций, а также различного рода общественных советов, создаваемых при профильных региональных властных структурах, необходимо использовать для повышения качества экономической деятельности в сфере социальной защиты.

Примечания

- 1 См.: Киселев И. Н. О некоторых проблемах регионального регулирования отношений в сфере социальной защиты населения // Социальное и пенсионное право. 2007. № 2. С. 4–5.
- 2 См.: Рузавин Г. И. Основы рыночной экономики. М.: ЮНИТИ, 2004.
- 3 См.: Кураков Л. П. Экономическая теория : учеб. пособие. М. : Гелиос, 2008.
- 4 См.: Миронова Т. К. К вопросу об определении понятия «социальная защита» (правовой аспект) // Трудовое право. 2008. № 3. С. 7–11.
- 5 См.: Носова С. С. Экономическая теория. М. : КНОРУС, 2009.
- 6 См.: О государственной социальной помощи : федер. закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 7 См.: О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федер. закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 8 См.: О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 25.09.1997 № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Образец для цитирования:

Сабанов З. М., Кесаева Р. Э. Организационно-правовые аспекты экономической деятельности в сфере социальной защиты населения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 25–28. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-25-28.

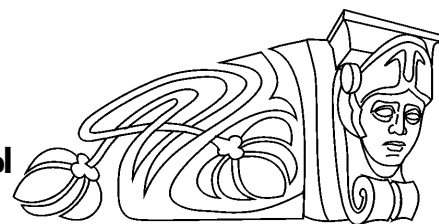
Cite this article as:

Sabanov Z. M., Kesaeva R. E. Legal Aspects of Economic Activity in the Sphere of Social Protection of Population. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 25–28 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-25-28.

УДК 316.4

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ПОСРЕДСТВОМ ОПТИМИЗАЦИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ

Е. В. Сайганова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: SaiganovaEV@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности развития нормативно-правовых отношений в сфере государственной молодежной политики, основные законодательные инициативы, целенаправленные проектные документы в рамках государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, общество, нормативные правовые документы, государственная молодежная политика, законодательная база.

Perfection of State Youth Policy Through the Optimization of Normative-Legal Base

E. V. Saiganova

The article discusses the features of development of legal relations in the sphere of state youth policies, key legislative initiatives, targeted project documents in the framework of the state youth policy.

Key words: youth, society, legal documents, national youth policy, legislative basis.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-29-32

Нормативно-правовая база в сфере государственной молодежной политики (ГМП) призвана обеспечить воплощение правовых норм в процесс этой политики. Одновременно необходимо констатировать, что действия органов государственного управления по применению норм законодательства о содействии социальному становлению и развитию молодежи не обеспечиваются соответствующими механизмами осуществления прав человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ и определенных обязательствами государства при подписании международных документов. На наш взгляд, это связано со многими причинами, в частности: несовершенством правового обеспечения молодежной политики; низкой эффективностью воплощения законодательной базы в жизнь; недостаточным контролем за соблюдением законодательства о молодежи; низким уровнем участия молодежи, представителей общественности в формировании правовой базы ГМП.

Таким образом, важным направлением развития и повышения эффективности государственной политики в сфере поддержки молодежи является совершенствование ее нормативно-правовой базы. Для укрепления правовых основ управления в молодежной сфере важно, с одной

стороны, сосредоточить усилия на оптимизации правового регулирования различных общественных отношений с участием молодежи, а с другой – обратить внимание на использование механизмов для проведения в жизнь закона, создающего действенную систему правовой защиты интересов молодежи, реализацию ее гражданских прав.

Для этого, прежде всего, необходимо провести ревизию, т. е. анализ и систематизацию огромного массива правовых актов, касающихся тех или иных сторон жизнедеятельности молодых граждан России, с целью устранения существующих противоречий и определения уровня соответствия актов современному состоянию развития государства и положения молодежи в обществе. Обеспечение соответствия законов социальным и экономическим изменениям предусматривает своевременную разработку новых или внесение дополнений в действующие нормативно-правовые акты по требованиям времени.

Эффективность ГМП в значительной степени зависит от состояния правовых норм относительно условий обеспечения гарантий функционирования и реализации прав молодых граждан. Важнейшей задачей должно быть, прежде всего, соблюдения государством провозглашенных в отношении молодежи и законодательно закрепленных прав, активизация усилий по практическому воплощению в жизнь задекларированных положений. Чтобы политика государства в отношении молодого поколения не была декларативной, следует также прекратить практику принятия правовых актов, связанных с механизмом реализации прав и свобод молодежи (например, устанавливаются льготы или социальные выплаты), которые не могут быть обеспечены возможностями государственного бюджета.

Требует рассмотрения также механизм принятия правовых актов, решений органов государственного управления в сфере молодежной политики. Речь идет о необходимости обеспечения органами власти участия общественности в процессе формирования молодежной политики. В этом случае, считаем, необходимо способствовать широкому общественному обсуждению проектов законов, концепций молодежной политики, государственных программ и других мероприятий, касающихся молодежи, особенно на региональном и местном уровнях.

Как свидетельствует европейский опыт, работу над проектами государственных решений следует начинать с их широкого обсуждения

на всех уровнях. Механизм консультирования является составляющей деятельности всех институтов ЕС в рамках законодательного цикла, начиная от определения направлений политики и подготовки предложения о принятии закона и заканчивая его внедрением. Европейский опыт консультирования между властью и гражданами признает граждан субъектами этого диалога. В России мало что делается в этом направлении.

Введение практики общественного обсуждения проектных документов, касающихся молодых граждан, в России может происходить путем проведения общественных слушаний и консультаций на всех уровнях управления, обсуждения на сайтах государственных органов по делам молодежи, привлечения совещательных молодежных органов.

Молодежь и представители общественности могут проводить общественную экспертизу законопроектов, предоставлять соответствующим органам проекты нормативно-правовых актов, информацию, экспертные заключения и рекомендации по проблемным вопросам. Общественная экспертиза может происходить путем участия молодежи в семинарах, конференциях, слушаниях, круглых столах, проводимых с целью предварительного обсуждения определенных решений. С помощью таких мероприятий молодые граждане делают экспертную оценку политики правительства и государственных институтов, проводят мониторинги осуществления решений, анализируют достигнутые результаты.

Безусловно, позиции молодежи, общественности, выраженные в законопроектах, должны находить свое продолжение в доработке специалистами предложенных инициатив и доведении их до логического завершения, т. е. принятия законов, нормативно-правовых актов в парламенте. Поддержка таким образом законотворческих начинаний молодежи очень важна, поскольку не только позволяет изучать и учитывать позиции молодых людей по решению собственных проблем, но и способствует совершенствованию и развитию новых действенных механизмов государственной поддержки молодежи, развивает механизмы лоббирования общественными организациями своих интересов в органах власти. Такие консультации власти с молодежью и общественностью позволяют выявить незамеченные проблемы и разрешить конфликт интересов уже на начальных стадиях, а не после принятия нормативного акта. Тем самым консультации обеспечивают поддержку и понимание решений власти общественностью и готовность их выполнять.

В связи с этим актуальным становится создание законодательной базы, которая бы гарантировала обязательное систематическое изучение общественного мнения и обязывала властные структуры принимать решения с учетом воли и интересов общественности. Опыт развитых

стран свидетельствует, что участие общественного мнения в государственном управлении и принятии политических решений должно обеспечиваться рядом демократических гарантий – юридическими, политическими и общественными.

Привлечение молодых граждан к законотворческой деятельности связано с необходимостью обеспечения надлежащего уровня их осведомленности по вопросам действующей правовой базы, которое является крайне неудовлетворительным. В демократической правовой стране граждане должны не только знать свои права, но и иметь возможность их защитить. На сегодняшний день информация о принятых нормативно-правовых актах, касающихся непосредственно молодых граждан, публикуется только в официальных изданиях. Учитывая, что молодежь в подавляющем большинстве не пользуется такого рода изданиями, возникает необходимость применения других средств, которые будут обеспечивать доведение правовой информации до ее потребителя, в нашем случае – молодежи.

В связи с этим органы исполнительной власти должны облегчать молодежи доступ к информации о своих правах, расширяя их знания посредством государственных и общественных ресурсов. Например, это могут быть: предоставление электронных услуг молодежи по разъяснению прав, льгот и помощи, гарантируемых им государством; формирование системы консультационной службы органов по делам молодежи; расширение сети государственных информационно-ресурсных центров при РЦКСОДМ, поддержки и обеспечения деятельности общественных информационно-аналитических, ресурсных центров, служб, агентств; поддержка и создание молодежных изданий и радиостанций; размещение информации в электронном виде в учебных заведениях, молодежных клубах, библиотеках и т. п. Таким образом молодежь сможет не только узнать о законодательстве по обеспечению своих прав, но и при необходимости их защищать, вносить собственные предложения относительно волнующих ее вопросов.

Важным признаком и основной функцией государственного управления является контроль. Развитие гражданского общества напрямую зависит от процесса принятия оптимальных решений и осуществления эффективного государственного контроля за их своевременной и полной реализацией.

В современных условиях на первый план деятельности правительственного аппарата должно выйти осуществление контроля за неукоснительным соблюдением законов РФ, выполнением указов и распоряжений президента, постановлений кабинета министров, других центральных и местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления относительно молодых граждан. Правильно организованный

контроль позволяет иметь оперативную информацию о состоянии дел, дает возможность своевременно принять меры предосторожности. Обеспечение органами государственного управления в молодежной сфере надлежащего контроля за выполнением законодательных и нормативно-правовых актов относительно молодежи должно не только предусматривать анализ количественных показателей этого процесса, но и учитывать их качество, т. е. своевременное выявление проблем, применение мер по обеспечению выполнения заданий. Ведь именно качество исполнения (в установленные законодательством сроки) является критерием соблюдения законности в государственном управлении.

Усиление контроля позволит, по нашему мнению, обеспечить эффективность, качество и четкое выполнение задач, определенных законодательными и нормативно-правовыми актами, высокий уровень исполнительской дисциплины. Причем такой контроль должен быть как внутренним, проведенным в рамках структур молодежной политики, так и внешним – с помощью привлечения экспертных кругов (научных, профессиональных), а также общественности, молодых граждан (общественный контроль).

Заметим, что только диалог между властью и гражданами, который соответствует принципам функционирования демократии участия, формируется на основе совместного владения информацией, предполагает и равные права по контролю за реализацией совместно принятых политических решений. Так, представители общественных организаций указывают, что для влияния на процесс принятия политических решений им не хватает механизмов общественного контроля за деятельностью органов власти, а также информации об основных решениях, которые принимаются. Весомость этого вопроса диктует необходимость разработки правовых актов, которые закрепляют механизмы общественного контроля.

Общественный контроль в молодежной политике – это один из видов социального контроля, который может осуществляться молодыми гражданами и их объединениями, с целью повышения ответственности перед молодежью за свои решения и достижения взятых на себя обязательств. Он является важной формой реализации демократии и способом привлечения молодежи к управлению обществом и государством. Объектом общественного контроля является деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений и организаций, работающих с молодежью.

Общественный контроль призван своевременно выявлять отклонения от поставленных целей, путей и сроков, их достоверные причины и производить варианты исправления ситуации. С его помощью субъект государственного управления получает информацию для корректировки

управленческой деятельности, что в конечном итоге способствует повышению эффективности ГМП. Он может осуществляться в форме: общественного мониторинга подготовки и выполнения решений органов исполнительной власти; экспертизы их эффективности; участия и представления экспертных предложений.

Современная ГМП должна осуществляться с учетом мирового опыта поддержки молодежи. Учитывая этот факт, важным предстает подписание правовых документов в сфере обеспечения гражданских прав молодежи, разработанных европейским сообществом. Это, в свою очередь, предусматривает создание действенных механизмов внедрения европейских норм и стандартов в социальной сфере в национальное законодательство, их адаптацию путем принятия соответствующих законодательных актов, внесение дополнений и изменений в уже существующие, других соответствующих средств. Результатом такой деятельности должно стать совершенствование правового регулирования отношений с участием молодежи в российском обществе, что будет способствовать повышению уровня социальной защищенности молодых граждан, а также укреплению авторитета России на международной арене.

Становление и демократизация гражданского общества в целом, развитие местного самоуправления в России обуславливают развитие государственной молодежной политики на региональном и местном уровнях. Этот процесс, безусловно, должен сопровождаться учетом положений Европейской хартии участия молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровнях, принятой Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы (2003 г.).

В этой связи рекомендуем местным органам исполнительной власти и органам местного самоуправления при разработке и реализации направлений политики на соответствующей территории придерживаться ее требований. Речь идет об обеспечении активного участия молодежи в процессе принятия решений и деятельности на указанных уровнях, предусматривает поддержку и стимуляцию участия молодежи в общественной жизни с помощью различных форм, которые будут определяться по согласованию и совместно с молодежью и ее представителями. Местным и региональным органам управления следует понимать, что отраслевая политика должна содержать молодежный компонент. То есть политика в отношении спорта, досуга, общественной жизни, поддержания занятости, жилищная политика и транспорт, политика образования и профессиональной подготовки, здравоохранения, гендерного равенства, политика для сельской местности обязаны учитывать потребности и пожелания всех молодых граждан без дискриминации. Органам власти следует привлекать

молодежь к разработке и реализации стратегий регионального и местного развития, решений и программ по социально-экономическим вопросам данной местности.

Другой аспект касается реализации прав молодых граждан на управление государством. Молодежь, которая в значительной степени могла бы обеспечить социальный и политический консенсус, социальную стабильность, только формируется. Это длительный, сложный процесс, ускорить и повысить эффективность которого может лишь конкретное вмешательство государства. Во многих европейских странах законодательно регулируется возрастной состав (в том числе и женская когорта) парламентов, правительств, местных органов власти и т. д., используются различные системы квотирования, которые делают политику, государственную службу, управленческую сферу доступной для молодежи. Дело не в том, чтобы иметь младших политических и государственных лидеров, а в том, чтобы обеспечить право молодых людей претендовать на такие должности и социальный статус.

Считаем, что для повышения социально-политической активности молодых граждан им нужно предоставить гарантии участия и влияния на политические процессы, возможности для самореализации в политической сфере путем установления нормы квотирования для молодых людей при выдвижении различными политическими партиями кандидатов в депутаты федеральных, областных, городских и других избирательных органов.

Следующий аспект совершенствования нормативно-правовой базы касается правового регулирования отношений, возникающих в сфере молодежной политики и касающихся непосредственно урегулирования сотрудничества государственных и негосударственных институтов, в той или иной степени осуществляющих деятельность по содействию социальному становлению и развитию молодежи. Для этого, безусловно, необходима благоприятная юридическая база, которая бы закрепляла принципы и формы такого конструктивного взаимодействия.

Образец для цитирования:

Сайганова Е. В. Совершенствование государственной молодежной политики посредством оптимизации нормативно-правовой базы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 29–32. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-29-32.

Cite this article as:

Saiganova E. V. Perfection of State Youth Policy Through the Optimization of Normative-Legal Base. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 29–32 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-29-32.

УДК 316.77+316.334.4

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИИ

О. Ю. Голуб

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Goloub@inbox.ru

В статье дается понимание медиации в русле теоретических подходов коммуникативистики, раскрывается потенциал медиативных процедур в контексте формирования правовой культуры современного российского общества, определяется роль социальной рекламы как инструмента информационно-разъяснительной деятельности государства в целях популяризации альтернативных способов разрешения споров и конфликтов.

Ключевые слова: коммуникация, социальная реклама, медиация, медиатор, правовая культура.

Perspectives of Mediation in Russia

O. Yu. Golub

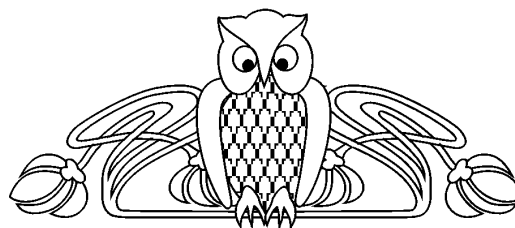
Article deals with the understanding of mediation within the theoretical approaches of the communicative science. Author describes the potential of the mediative procedures in the context of the legal culture development in modern Russian society, defines social advertising as an instrument of official elucidation and promotion aimed at popularization of the alternative means for dispute and conflict settlement.

Key words: communication, social advertising, mediation, mediator, legal culture.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-33-37

Одним из инструментов совершенствования правовой культуры общества может служить развитие альтернативных способов урегулирования споров и конфликтов, в том числе медиации. Для развития медиации как способа самостоятельного разрешения конфликтных ситуаций важно осознание гражданами возможности решать проблемы с участием медиатора. Однако высокая степень конфликтности отношений в обществе, низкий уровень правосознания и правовой культуры, отсутствие навыков и традиций по ведению переговоров, нежелание брать ответственность за разрешение конфликта на себя, недоверие к медиатору не способствуют росту востребованности медиативных процедур. Между тем в силу своих особенностей медиация, как один из перспективных способов разрешения споров, является не только уникальным инструментом для обновленного подхода к конфликту, но и инвестицией в развитие российской правовой культуры.

Основу процедуры медиации составляет транзакционная модель коммуникации, представляющая собой процесс одновременного отправления и получения сообщений, в ходе

которого осуществляются взаимодействия и формируются отношения между партнерами. Между коммуникантами, относящимися друг к другу как к равноправным обладателям определенных смыслов, складываются субъект-субъектные отношения, предполагающие взаимовлияние, принятие во внимание интересов и потребностей противостоящих сторон и способствующие выработке компромиссного решения.

Эффективность передачи информации напрямую зависит от эффективности подбора необходимых сообщений, их кодирования, передачи, точности восприятия коммуникантами. Восприятие и осмысление информации – сложный вид коммуникативной деятельности, отражающий не только коммуникативную компетенцию субъектов, но и их психологические и интеллектуальные характеристики. Очевидно, что обмен информацией с использованием обратной связи более точен и повышает уверенность в правильности интерпретации сообщений, эффективнее снимает напряжения, способствует изменению поведения.

Процедура медиации подразумевает, что только сами участники при наличии желания и стремления смогут разрешить конфликтную ситуацию в процессе социальной коммуникации. Выход из кризиса может быть найден и осуществлен при условии предельной концентрации интеллектуальных и психических сил, глубоко заинтересованного, личного отношения к решаемой проблеме всех участников. Сотрудничество возможно только в том случае, если стороны готовы открыто и честно обсуждать возникшую ситуацию, заявлять в конструктивной форме о своих потребностях и интересах, понять интересы другой стороны. На этой основе поэтапно достигается согласование разных позиций, взглядов, пониманий с ориентацией на объединение их для принятия единого взаимоприемлемого решения. Результатом успешной коммуникации является создание общего смысла, достижение соответствующего уровня развития общего коммуникативного действия и согласия. Таким образом, только личная заинтересованность спорящих сторон может побудить воспользоваться услугами независимого посредника – медиатора.

В дополнение к этому побудительными мотивами к использованию медиативной проце-

дуры могут служить следующие моменты. Во-первых, медиация менее затратна по времени и ресурсам. Во-вторых, урегулирование спора в медиации исключает дальнейшее обжалование итогового судебного акта, предотвращает подачу новых исков, в связи с добровольным исполнением медиативного соглашения нет необходимости прибегать к мерам принудительного исполнения. В-третьих, судебный спор публичен, а процедура медиации конфиденциальна, негласна. В-четвертых, как следствие, при разрешении судебного спора возможны последующие репутационные потери. В-пятых, судебный спор связан с разрешением определенного предмета спора и не может выходить за его пределы; возможности же медиативного соглашения не ограничены предметом, оно может учитывать отношения спорящих сторон и вне предмета этого спора, т. е. регулировать их взаимоотношения на будущее¹.

Толкование сущности медиации в теоретико-методологическом ключе современной коммуникативистики позволяет определить ее как относительно самостоятельный социальный институт урегулирования конфликтов, как особый вид намеренной, целенаправленной, планируемой коммуникации, имеющей целью совместное разрешение спора. Медиация как особая коммуникативная деятельность опирается не на директивность или давление одной из сторон и не на вынесение решений или даже предложения таких решений третьей стороной, но на сотрудничество равноправных партнеров. Она ориентирована на интересы самих сторон и на достижение ими консенсуса, достигаемого в результате удовлетворения потребностей и истинных интересов спорящих сторон

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», «процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора»².

Важно обратить внимание на то, что роль посредника заключается лишь в том, чтобы поддерживать коммуникацию сторон, организовать переговорный процесс с нацеленностью на выработку соглашения в пределах сжатого времени и максимально учитывающего интересы обеих сторон, и ни в коем случае не предполагает предложения рекомендаций по разрешению спора или дачи заключения о перспективах разрешения спора в суде или ином юрисдикционном органе. Вместе с этим успех медиации зависит не только от медиатора, но и от самих договаривающихся сторон, их коммуникативной компетентности, осознания возможностей мирного конструктивного поиска выхода из конфликта, более приемлемого с точки зрения сохранения

нормальных деловых, дружеских отношений и своей репутации, в целом – от уровня их правовой культуры.

В принятом в 2014 г. «Лигой медиаторов» профессиональном стандарте зафиксированы требования к необходимому для профессионального медиатора набору знаний и компетенций³. Помимо знания законодательства о медиации, изменений и дополнений к нему, знания основ гражданского права, принципов и технологии процедуры медиации, особенностей проведения ко-медиации, большой перечень требуемых для медиатора знаний и умений связан с наличием коммуникативных знаний и коммуникативных навыков. Прежде всего, необходимы знания: основ социальной коммуникации; особенностей коммуникации в конфликте и межличностной коммуникации; основ теории переговоров и методов переговорной аргументации; теории компромисса и способов поиска совместных решений; критериев прочного взаимовыгодного соглашения; факторов возникновения постконфликта и способов его профилактики. На всех этапах подготовки и проведения процедуры медиации профессиональный медиатор должен уметь:

- управлять кризисными ситуациями, анализировать ситуацию конфликта, его структуру и стадию, быстро и адекватно реагировать на неожиданное изменение ситуации;

- владеть методами быстрого сбора информации до и в процессе общения;

- осуществлять адекватную коммуникацию со сторонами и иными участниками конфликта, управлять процедурой переговоров и дискуссией;

- управлять межличностной коммуникацией, владеть различными способами установления контакта со сторонами, обеспечивать баланс сил сторон, учитывать гендерные особенности участников коммуникации;

- применять техники эффективной коммуникации, расширять ресурсы сторон, работать с возражениями, использовать вопросы в целях урегулирования коммуникации и определения интересов, организации рефлексии, определения предложений, проверки их на реалистичность, рефрейминга позиций у стороны во время индивидуальной беседы; применять метод структурированной обратной связи, различные виды слушания;

- распознавать и использовать техники нейтрализации манипуляции сторон, сдерживать агрессию и преодолевать сопротивление;

- распознавать, рефлексировать и корректировать эмоциональное состояние участников процедуры медиации;

- применять принципы организации помещения и пространственной среды для проведения медиации.

Европейский кодекс поведения для медиаторов (European Code of Conduct for Mediators)

содержит комплекс этических принципов деятельности медиатора, соблюдение которых является критерием профессионализма. В частности, подчеркивается, что медиатор обязан «следить за соответствием результатов своей работы интересам общества в целом, стремиться к профессионализации и гуманизации управленческих отношений и повышению уровня деловой культуры в обществе»⁴.

Таким образом, очевидно, что функции медиатора прежде всего коммуникативные, они направлены на организацию переговорного процесса, установление и соблюдение правил реализации всех процедур, осуществление эффективной коммуникации со всеми участниками медиативного процесса, обеспечение комфортных условий и регулирование всех аспектов взаимодействия. Медиатор должен: быть психически уравновешенным, проявлять нейтральность, равноправное отношение, деликатность, доброжелательность, вежливость, настойчивость в ситуациях агрессии и неопределенности; обеспечивать этичный процесс взаимодействия участников во время процедуры медиации; формировать благоприятный психологический климат и создавать атмосферу доверия – иначе говоря, обладать высоким уровнем коммуникативной компетентности.

Разрешение конфликта не является исчерпывающим результатом процедуры медиации, так как, помимо этого, закладывается основа для урегулирования возможных будущих разногласий и преодоления иных проблем. Результативность медиативных процедур способствует повышению культуры примирения в ситуации конфликта, что, в свою очередь, является показателем нового уровня культуры общения между людьми. Именно благодаря медиации у сторон в конфликте появляется возможность быть услышанными и понять истинные потребности и интересы друг друга. И только в этом случае возможно достижение согласия, тем более что использование медиации гарантирует выгоду для обеих сторон.

Одной из важнейших черт медиации является добровольная исполнимость медиативного соглашения, так как оно должно быть реалистичным, поскольку стороны сами принимают решение, взвешивая имеющиеся возможности и желания, что предполагает сознательность и добросовестность участников процедуры. Поэтому для эффективного использования медиации в обществе необходимы достижение достаточно высокого уровня правосознания населения и наличие психологической готовности к компромиссу при урегулировании конфликта.

Несмотря на явные преимущества медиации, она на практике используется пока еще крайне редко, недостаточно интегрирована в российскую деловую и правовую культуру. Причины такого положения много. На наш взгляд,

одна из главных причин – недостаточная информированность общества о ее содержании, процедурах и достоинствах, которые она в себе несет и, как следствие, внутреннее сопротивление и предубежденность к применению данных процедур. Представляется, что, в первую очередь, государство должно проявлять большую заинтересованность в развитии института медиации в России в контексте формирования принципиально иной культуры урегулирования споров и пропаганды альтернативных способов разрешения правовых конфликтов. Очевидна необходимость деятельности по широкому информированию общества о преимуществах проведения медиации, добровольного стремления к урегулированию возникшего спора, и именно от государства, о чем свидетельствует опыт других стран, должна исходить инициатива пропагандистско-просветительской работы. Следует активизировать информационную работу на уровне государственных органов всех уровней и органов местного самоуправления, средств массовой информации, профессиональных объединений медиаторов в целях интеграции данной процедуры в функционирующее гражданское общество.

Между тем, говоря о реальной деятельности в этом направлении на уровне органов государственной власти и местного самоуправления, следует отметить отсутствие у них достаточной мотивации к продвижению примирительных процедур. Ведение пропаганды процедуры профессиональными объединениями медиаторов естественно и отвечает законам рынка. В средствах массовой информации, в том числе в новых социальных медиа, начинают появляться адресованные широким слоям населения материалы о преимуществах процедуры, ориентированные на продвижение медиации в отдельных городах и регионах. Проводятся разного уровня конференции, круглые столы, семинары по вопросам примирительных процедур с привлечением представителей юридического сообщества и общества в целом.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р утверждена Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года⁵. Приоритетной задачей Стратегии является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. Правовые механизмы реализации Стратегии включают среди прочих развитие инструментов медиации для разрешения потенциальных конфликтов в детской среде и в рамках образовательного процесса, а также при осуществлении деятельности других организаций, работающих с детьми. По-

коление людей, воспринимающих посредничество как нечто обыденное и привычное, с большей вероятностью пойдет к медиаторам, нежели нынешнее, путающее медиацию с медитацией.

Влиятельным коммуникационным инструментом информационно-разъяснительной деятельности, воздействия на эмоциональное состояние человека, мотивы его деятельности, сами поступки и формирование новых социальных норм и ценностей в современном обществе выступает социальная реклама.

К настоящему времени в целом реклама сложилась как универсальное социокультурное явление, развитие которого продолжается. Реклама испытывает на себе позитивные и негативные воздействия социально-культурного контекста, что заставляет совершенствовать содержательные, художественно-творческие и другие стороны рекламной деятельности, усиливать ее социальную направленность, уходить от использования откровенно манипулятивных технологий влияния на общественное мнение. Современная реклама достаточно четко улавливает все общественные изменения и незамедлительно на них реагирует, видоизменяясь внутренне и порождая к жизни все новые артефакты – модификации и вариации культурной формы⁶.

Рекламная коммуникация как социокультурная форма активно вовлекает массовое сознание в процессы перераспределения заложенных в ней культурных смыслов, формирования, воспроизводства социально значимых, нравственных, духовных ценностей. По мнению В. И. Козловского, одна из важнейших характеристик культурной формы (в том числе и рекламы. – *О. Г.*) состоит в том, что причиной (прямой или опосредованной) ее происхождения является потребность общества в новых функциональных нормах и стандартах деятельности и взаимодействия, в новых смысловых образах, отвечающих структурным социальным установкам⁷.

Технологии рекламных коммуникаций не только продуцируют стереотипы поведения, но и детерминируют определенные социальные статусы и социальные функции применительно к определенной социальной системе. Особую нагрузку в этом смысле выполняет социальная реклама. Согласно ст. 3 Федерального закона «О рекламе», социальная реклама представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей⁸. Основная цель социальной рекламы – не продвижение товара, а приобщение аудитории к некоторым духовным ценностям. Современная социальная реклама – один из влиятельных факторов общественной коммуникации. Ее потенциал направлен на привлечение внимания к значимым общественным проблемам, и, стимулируя действия по их решению, она в значительной мере формирует мировоззрение личности, ее ценностные ориентации, способ-

ствует формированию новых типов социальных отношений и в конечном итоге изменению поведенческой модели, сопряженной с российским национальным менталитетом. Как вполне справедливо отмечает П. Н. Киричёр, «социальная реклама затрагивает высокие сферы жизнедеятельности общества и ориентируется на качественные иные (нежели у коммерческой. – *О. Г.*), цели:

– она раскрывает проблемы человеческого общежития в публично-непривычных для граждан ракурсах;

– она вещает с точки зрения абсолютной правоты и непререкаемой заботы об их полном (гармоничном), а не выборочном (материальном) благополучии. По этой причине общественный, групповой, индивидуальный эффект от социальной рекламы может быть очень существенным⁹. Реклама как вид воздействующей коммуникации оперативно отражает все изменения в социальной, эмоциональной и эстетической сферах жизни общества, опирается на наиболее сильные воздействующие сигналы и наиболее ярко отражает специфику массово-коммуникативных процессов.

Исходя из того, что целью социальной рекламы является изменение отношения общественности к какой-либо социальной проблеме, а в долгосрочной перспективе – выработка новых социальных ценностей, понимание социальной рекламы как одного из способов работы с общественным мнением, осознание ее воспитательной и адаптивной функций сказывается на эффективности деятельности государства, активно присутствующем на рынке информационной деятельности.

Понимание важности налаживания конструктивного диалога, усвоение навыков переговоров, формирование правовой и коммуникативной культуры – факторы, способствующие развитию института медиации. Осознание того, что «коммуникация значит все меньше – передавать послание, редко – делиться с кем-нибудь, чаще всего – договариваться, и в конечном итоге – сосуществовать»¹⁰, составляет основу формирования в России институтов гражданского общества, социального согласия и стабильности.

Примечания

- 1 См.: Проблемы медиации в арбитражном процессе // Информационный бюллетень. Спецвыпуск (№ 84) 2014 г. С. 26.
- 2 Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2013). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 30.03.2016).
- 3 См.: Профессиональный стандарт «Специалист в обла-

- сти медиации». URL: <http://arbimed.ru/professionalnyu-standart-specialist-v-oblasti-mediacii/> (дата обращения: 30.03.2016).
- ⁴ Кодекс медиатора. URL: http://arbimed.ru/kodeks_mediatora/ (дата обращения: 30.03.2016).
- ⁵ См.: Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/18312/> (дата обращения: 13.03.2016).
- ⁶ См.: Козловский В. И. Реклама как универсалия культуры // Вестн. МГУКИ. 2013. № 6 (56). С. 68.
- ⁷ Там же. С. 71.
- ⁸ О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 08.03.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 21.04.2016).
- ⁹ Киричѐк П. Н. Информационная культура и рекламная коммуникация // Вопр. теории и практики журналистики. 2014. № 4. С. 157–158.
- ¹⁰ Вольтон Д. Информация не значит коммуникация / пер. с фр. Н. Н. Цветковой ; отв. ред. К. Г. Сальберг-Вачнадзе. 2-е изд. М. : ПОЛПРЕД Справочники, 2011. С. 23.

Образец для цитирования:

Голуб О. Ю. Перспективы развития медиации в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 33–37. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-33-37.

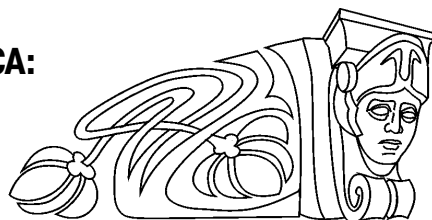
Cite this article as:

Golub O. Yu. Perspectives of Mediation in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 33–37 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-33-37.

УДК 316.334.2

БЛАТ И ГУАНШИ КАК ОСНОВА ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА: АНТРОПОЦЕНТРИСТСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК

А. М. Нагимова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: nagais@mail.ru

А. Ю. Михайлов

Центр перспективных экономических исследований Академии
наук Республики Татарстан, Казань
E-mail: skygroove@mail.ru

В данной статье предпринята попытка сопоставления предметного поля блат и гуанши с проявлениями коррупционной составляющей.

Ключевые слова: блат, гуанши, коррупция, ревизионистская школа, антропологический подход, социология коррупции.

**Blat and Guanxi as a Basis of Doing Business:
Anthropological Perspectives to the Study of Corruption**

A. M. Nagimova, A. Yu. Mikhaylov

This article is an endeavor to seize the definition of blat and guanxi in comparison with corruption.

Key words: blat, quanxi, corruption, revisionists' school, anthropological perspectives, sociology of corruption.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-38-41

Коррупция представляет собой острейшую проблему современного общества, угрожая его безопасности и стабильности. В силу высокой актуальности коррупция остается одной из наиболее часто встречающихся тем научных исследований наук социального цикла. Как заметила Арвинд Джейн – известный ученый, занимающийся изучением коррупции в ракурсе политической экономии, «исследования коррупции достигли собственного совершеннолетия...»¹. Учитывая тот факт, что ее небезызвестный «Обзор коррупции» вышел в далеком 2001 г., можно говорить о накоплении серьезного массива данных и теоретических изысканий ученых на тему коррупции. Тем не менее, в большинстве случаев самыми распространенными методами исследования по-прежнему остаются экономические². По замечанию Давиде Торселло, несмотря на «бум интереса» к коррупции со стороны социальных наук, антропоцентристский подход к рассмотрению коррупции относительно непопулярен в научной среде³. Более того, детальный анализ библиографии научных трудов по тематике коррупции и антикоррупционной политике профессора Гарвардского университета Мэтью

Стэфенсона по состоянию на январь 2016 г. позволил выявить интересный факт относительно динамики роста исследований коррупции с точки зрения антропоцентристского подхода: по отношению к аналогичной библиографии, изданной ранее (датированной июнем 2015 г.), наблюдается рост всего лишь на 10 позиций с прямым упоминанием антропологической перспективы в теме научных трудов⁴. В то же время и сам удельный вес таких трудов остается предельно малым (порядка 60 трудов, связанных с использованием антропологического метода, против более чем 3500 трудов по состоянию на январь 2016 г.).

Относительное затишье в использовании антропологического подхода обусловлено рядом факторов. Наиболее четко их определили Нэнси Постоеро при исследовании племен индейцев, проживающих в Парагвае, а также Крис Шор и Диатар Халлер во введении к монографии по теме исследования коррупции с точки зрения антропологической перспективы. В частности, они выделяли следующие пункты:

– ученые-антропологи с неохотой критикуют собственных информантов, поскольку рассуждения с точки зрения обозначения аморальности поступков может быть оценено как предательство и окончательная потеря доверия со стороны информантов, что, в свою очередь, исключает возможность повторного исследования. Существует боязнь быть попросту откинутым на второй план очередным витком информационного потока⁵;

– люди склонны держать неформальные практики в секрете⁶;

– быть исследователем – или включенным наблюдателем в случае с «должным» антропологическим исследованием – не всегда так просто или вообще возможно в случае с таким явлением, как коррупция.

Именно поэтому исследования коррупции в русле антропологии развиваются преимущественно при исследовании форм так называемой эндемической коррупции – совокупности социальных отношений, носящих традиционный характер, но оцениваемой современным обществом как отрицательное явление. К проявлениям «эндемической» коррупции, без сомнений, можно отнести блат в советской и постсоветской России, а также многовековую практику общественных отношений «гуанши» в Китае.

Несмотря на отличную природу формирования данных явлений, попробуем отметить крае-

угольные точки соприкосновения блата и гуанши в социальной реальности. В частности, отправной точкой оценки блата и гуанши является их отклонение от стандартов западного общества, где данные практики однозначно оцениваются как коррупционные. В то же время в самих обществах они входят в основу построения отношений в сфере бизнеса (блат с этой точки зрения в современном российском обществе трансформируется в общественном дискурсе в понятие «по знакомству») ⁷. Также немаловажным фактом является высокий уровень межперсонального доверия при проведении транзакции в проявлениях как блата ⁸, так и гуанши. Отметим их специфические черты каждого из явлений, важных для анализа с точки зрения антропоцентристского подхода.

Блат, прочно вошедший в лексикон советского и российского человека еще со времен «турбулентных 30-х гг. XX в.», определяется наиболее просто как совокупность «личных контактов (каналов, сетей) для получения доступа к общественным ресурсам... и привилегиям» ⁹. Формирующийся в условиях тотальной нехватки ресурсов общего пользования, блат выступает в качестве социального регулятора, обходящего распределительный механизм государства. В постсоветскую эру он все больше переходит к условиям, наиболее благоприятствующим развитию бизнеса в каждом конкретном случае, но с поправкой на нарушение негласных правил добросовестной конкуренции в той или иной области. По справедливому замечанию А. В. Леденевой, блат очень часто не идентифицируется у обывателей как нечто незаконное, поскольку переплетается с личными отношениями и представлен сквозь призму риторики дружбы, родства и т. п.

Китайская практика отношений гуанши, в отличие от блата, подразумевает под собой процесс взаимного дарения подарков для последующего поддержания «добрососедских отношений» ¹⁰. Гуанши как часть социальной реальности поддерживается практически во всех сферах жизни общества, в том числе и в бизнесе (для поддержания отношений с партнером более важны многие неформальные признаки, нежели формальные в виде письменных договоренностей). Несмотря на относительную однородность блата и гуанши в вопросе становления социальных взаимоотношений на патримониальной основе, существует значимая разница в векторах направленности (по отношению к кому осуществляются те или иные действия): блат выступает как средство решения проблем из уже существующего узкого круга знакомых, в то время как гуанши – инструмент реакции на новые реалии и становится базисом для расширения деловых связей.

Весьма полезным инструментальным подходом в рассмотрении блата, учитывая социальную однородность рассматриваемых явлений, в данном свете становится применение классификации практик гуанши, приведенное Джейкобом

Хардингом. В частности, он рассматривал два типа практик гуанши – легальную и нелегальную. Под первым типом отношений он понимал традиционный обмен подарками, влекущий за собой процесс «знакомства» заинтересованных групп, переходящий в многолетнюю историю взаимовыгодных отношений. В случае же перехода частоты и материальной ценности подарков в качественно иное русло Хардинг говорит уже о неэтичной части гуанши, перерастающей в коррупцию.

Данное разграничение перехода подарков в русло коррупционной составляющей в рамках практики гуанши может быть применено и в российских реалиях – блат, хотя и в его традиционном значении вообще исключает материальный обмен, тоже может быть условно разделен на две части с точки зрения его социальной опасности. Только единственным индикатором коррупционной составляющей будет уже не качественное увеличение материальной ценности подарка, а вовлечение общественных (в противовес частным) ресурсов в процесс взаимовыгодного обмена. Поэтому взаимовыгодный обмен возможностями, нарушающими конкуренцию в частной сфере при помощи привлечения предпочтений негосударственного характера, представляется куда более безобидной альтернативой предоставлению за счет личного круга знакомств условно бесплатных государственных ресурсов в личное пользование. Расширительная трактовка блата, отходящая от традиционного определения его как использования круга контактов для достижения труднодоступных ресурсов в сторону использования еще и возможностей частного сектора, более известная как ведение дел «по знакомству», позволяет провести условный знак равенства с практикой гуанши с ее разделением на этичную и неэтичную практики.

Таким образом, блат и гуанши как инструменты ведения бизнеса справедливо можно разделять по степени социальной опасности в зависимости от вовлечения или отсутствия общедоступных ресурсов, распределением которых занимается государственный аппарат. Поэтому можно признать, как минимум, несправедливыми однозначно негативные оценки блата и гуанши как вида коррупционного поведения – это касается лишь их крайней части – пересечения так называемой точки невозврата – незаконного распределения государственных ресурсов. В то же время взаимоотношения на базе блата и гуанши в частном секторе нарушают лишь добросовестную конкуренцию в ее чистом, идеалистическом понимании (таблица).

Данные приведенной таблицы позволяют провести довольно четкую разделительную линию между китайской практикой гуанши и российским блатом, а также вывести условие перехода использования личных контактов в ведении бизнеса в ранг коррупции. Исследования перехода из относительно безобидного состояния нарушения добросовестной конкуренции в качественно иное общественно опасное деяние являются популярными

Соотношение предметного поля блата и гуанши с коррупцией

Блат = Коррупция	Блат ≠ Коррупция	Гуанши = Коррупция	Гуанши ≠ Коррупция
Доступ к общественным ресурсам	Совокупность личных (старых) связей и контактов, каналов и сетей для доступа к ресурсам (преимуществам в частной сфере)	Увеличение цены подарков по сравнению с относительной неизменностью качества отношений	Обмен подарками, влекущий за собой процесс «знакомства» заинтересованных групп, переходящий в многолетнюю историю взаимовыгодных отношений

в академической среде. В частности, достаточно привести работы коллектива авторов под руководством Рэя Фридмана (Фубин Сун, Энхай Ю)¹¹, исследовавших воздействие практик гуанши на принятие юридических решений, а также труд Йинг Фан, касающийся социальной «стоимости» гуанши¹². Среди исследователей блата особо следует выделить Алену Леденеву, давшую многогранное отображение блата в политической системе и описавшую такие негативные явления, свойственные российским реалиям, как теневой бартер, двойная бухгалтерия и круговая порука¹³. Также следует упомянуть исследования ученых, направленные на выявление общих черт и различий блата и гуанши как социальных явлений, – это работа Снежины Михайловой и Вернера Ворма, в которой блат и гуанши противопоставляются западному образцу ведения дел¹⁴. В частности, они выделяют шесть ключевых отличий условного «восточного» типа использования личных контактов от противоположного западного. Среди них особо следует отметить частоту «вступления в контакт» и персональную/неперсональную направленность действий.

В большинстве трудов так или иначе затрагивается тема отсутствия внимания к персональной составляющей экономической деятельности сквозь призму простого преобладания в численном отношении западных ученых, проповедующих неприменную важность исследования рынков и организационных структур, над остальным миром. Условия ведения бизнеса являются ключевым моментом, определяющим качество экономического развития. Поэтому весьма значимым фактором в данном вопросе является роль блата и гуанши в облегчении ведения деятельности вне зависимости от предполагаемой сферы экономической активности. Такая точка зрения весьма созвучна с мнением школы ревизионистов, предполагавших наличие позитивного воздействия коррупционных факторов на экономическое развитие, так как подразумевает под собой альтернативные пути решения существующих проблем. Поэтому весьма интересным представляется вопрос относительно полезности блата (в нашем случае использования благ «по знакомству») и гуанши в ведении бизнеса. Поскольку эмпирически исследовать практику гуанши весьма затруднительно, остановимся на так называемом блате или же, если отражать трансформацию дискурса в современное состояние, понятии «по знакомству».

Нами было проведено социологическое исследование влияния личных знакомств на деловую активность¹⁵ на основе метода глубинного интер-

вью. Для упрощения дальнейшей систематизации полученных данных было взято по три респондента – представителя малого бизнеса (речь идет именно о представителях малого бизнеса, поскольку средний и крупный бизнес представляется трудно измеряемым на предмет коррупционного фона), относящихся, соответственно, к трем сферам занятости – производство, сфера услуг и торговля (далее соответственно – П, СУ, Т). С респондентами было проведено глубинное интервью, затрагивающее следующие основополагающие моменты:

- общая оценка роли личных связей в ведении бизнеса;
- роль личных связей в инициации бизнеса на уровне стартапа;
- готовность идти на уступки ради сохранения качества личных связей с кем-либо;
- способы расширения круга связей.

При общей оценке роли личных связей в ведении бизнеса наблюдается абсолютное преобладание мнения, что личные связи – это одна из важных составляющих ведения любой экономической деятельности. В частности, лишь один респондент из девяти, представляющий сферу услуг, высказался об обратном. При вопросе о степени важности личных связей лишь три респондента однозначно отметили их исключительную важность, преобладающую над большинством экономических показателей (2-П, 1-Т). Остальные затруднились дать однозначный ответ.

При оценке роли личных связей в инициации бизнеса (т. е. личные связи стали главной причиной, «триггером» открытия собственного дела) наблюдается преобладание респондентов, отметивших другие причины материального и нематериального характера (деньги, успех, престиж и др.). Лишь три респондента отметили влияние круга знакомств на открытие дела (2-П, 1-СУ).

В вопросе готовности пойти на уступки ради сохранения качества личных связей наблюдается разделение мнений. В частности, четверо из девяти респондентов (1-П, 1-СУ, 2-Т) отметили вариативность собственного поведения в зависимости от важности клиента. Один респондент воздержался от комментариев (1-Т). Остальные опрошенные настояли на позиции унифицированной политики относительно клиентов знакомых и незнакомых (2-П, 2-СУ), при этом один отметил скорее важность объема заказа и качества последующего делового сотрудничества (1-П).

Последний вопрос вызвал наибольший разброс ответов респондентов. Среди самых популярных способов были названы расширение базы

клиентов (4: 1-П, 1-СУ, 2-Т), а также освоение нового вида деятельности, влекущего за собой новый виток расширения связей (2: 1-П, 1-СУ); два респондента (1-СУ, 1-Т) отметили случайный характер расширения личных связей и лишь один респондент (1-П) – собственный подход к заведению «полезных», целенаправленных знакомств.

Как видно из характера отмеченных вопросов, главным результатом проведенного исследования становится вычленение глубинных посылов респондентов на следующих ключевых позициях:

- воздействие личных связей;
- предпочтения в выборе первопричины откровения дела;
- приоритет осуществляемой деятельности, ее важность.

Таким образом, в результате проведенного глубинного интервьюирования напрашивается вывод о существенной роли блата в решении проблем бизнеса. Зачастую круг личных связей становится одной из главных причин инициации экономической деятельности, способной принести прибыль. Также весьма высоко присутствие респондентов с исключительно деловым подходом к ведению бизнеса, но, тем не менее, не отрицающих важную роль личных связей. Весьма интересным представляется наличие среди респондентов мнения о необходимости заведения нужных знакомств, с которыми бизнес будет показывать лучшую динамику развития по сравнению с обычными условиями, что вполне соответствует логике практик гуанши.

Отметим, что блат, или же использование преимуществ «по знакомству», является существенной стороной функционирования бизнеса в российских условиях. Практика общественных отношений гуанши, имеющая сходства с блатом, в свою очередь, обладает существенным объяснительным потенциалом в решении проблем российского общества, так как базируется на таких же основах – приоритете коллективного над индивидуальной выгодой. Именно исследование мотивов действий, предполагающих выбор между коллективно-групповыми интересами и личными, может позволить несколько приоткрыть латентность коррупции как социального явления.

Примечания

¹ Jain A. K. Corruption : A Review // Journal of Economic Surveys. 2001. Vol. 15, № 1. P. 71.

- ² См.: Rose-Ackerman S. Corruption and Development // Annual Bank Conference on Development Economics. The World Bank. Washington, D.C., 1997. P. 58–61.
- ³ См.: Torsello D. Corruption as Social Exchange : the view from anthropology // The Quality of Government (2014). Working Paper. P. 5.
- ⁴ См.: Stephenson M. Bibliography on Corruption and Anti-Corruption // Harvard University. Site. URL: <http://www.law.harvard.edu/faculty/mstephenson/2016PDFs/Stephenson%20Corruption%20Bibliography%20Feb%202016.pdf> (дата обращения: 02.03.2016).
- ⁵ См.: Postero N. A Case Study of Land Loss and Leadership in a Guaraní Village // Paper delivered at 2000 AAA meeting. San Francisco, 2000. P. 1.
- ⁶ См.: Haller D., Shore C. Introduction – Sharp Practice : Anthropology and the Study of corruption // Corruption : Anthropological Perspectives / ed. by D. Haller, C. Shore. L. : Pluto Press, 2005. P. 7.
- ⁷ См.: Леденева А. В. Личные связи и неформальные сообщества : трансформация блата в постсоветском обществе // Мир России. 1997. № 2. С. 104.
- ⁸ См.: Aliyev H. Post-Communist Informal Networking : Blat in the South Caucasus // Demokratizatsiya : The Journal of Post-Soviet Democratization. 2013. Vol. 21, № 1. P. 92.
- ⁹ Леденева А. Блат и рынок : Трансформация блата в постсоветском обществе // Информационная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М. : Логос, 1999. С. 111.
- ¹⁰ См.: Harding J. Corruption or Guanxi? Differentiating between the Legitimate, Unethical, and Corrupt Activities of Chinese Government Officials // Pacific Basin Law Journal. 2014. Vol. 31, № 2. P. 131.
- ¹¹ См.: Chen Y., Friedman R., Yu E., Sun F. Examining the positive and negative effects of guanxi practices : A multi-level analysis of guanxi practices and procedural justice perceptions // Asia Pacific Journal of Management. 2011. Vol. 28. P. 730–732.
- ¹² См.: Fan Y. Guanxi's Consequences : Personal Gains at Social Cost // Journal of Business Ethics. 2002. Vol. 32, № 4. P. 372.
- ¹³ См.: Ledeneva A. How Russia really works : The informal practices that shaped post-Soviet politics and business. Ithaca ; L. : Cornell University Press, 2006. P. 3–5.
- ¹⁴ См.: Michailova S., Worm V. Personal Networking in Russia and China : Blat and Guanxi // Copenhagen Business School Working Paper. 2002. № 15. P. 5.
- ¹⁵ Исследование было проведено среди представителей малого бизнеса г. Казани в период с июля по сентябрь 2016 г.

Образец для цитирования:

Нагимова А. М., Михайлов А. Ю. Блат и гуанши как основа ведения бизнеса : антропоцентрический подход к исследованию коррупционных практик // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 38–41. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-38-41.

Cite this article as:

Nagimova A. M., Mikhaylov A. Yu. Blat and Guanxi as a Basis of Doing Business: Anthropological Perspectives to the Study of Corruption. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 38–41 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-38-41.

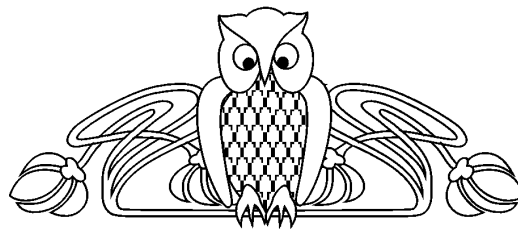
СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.334.2 (470+571)

СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ю. Э. Андропова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: andronova.91@inbox.ru

В статье выделены и содержательно проанализированы основные исследовательские стратегии феномена социального предпринимательства: структурные характеристики предпринимательства, социальный портрет предпринимателей, факторы риска и мера реализации гражданского долга в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социально-экономическая группа предпринимателей, гражданский долг.

Strategy Research of Social Entrepreneurship

Yu. E. Andronova

The article highlighted and meaningful analysis of the main research strategies of social entrepreneurship phenomenon: the structural characteristics of entrepreneurship, the social image of entrepreneurs, risk factors and measure the implementation of civic duty in business.

Key words: social entrepreneurship, socio-economic group of entrepreneurs, civic duty.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-42-46

Предпринимательская деятельность является центральным элементом рыночной экономики, движущей силой развития современного рыночного хозяйства, так как она способствует укреплению рыночных отношений, основанных на демократии и частной собственности. Одним из общественных институтов, способных эффективно справиться с решением значимых общественных проблем, привлечь дополнительные финансовые ресурсы в отрасли социальной сферы, следует считать социальное предпринимательство.

Термин «социальное предпринимательство» является относительно новым, а само явление имеет давнюю историю. Для решения ряда социальных проблем в XVIII в. в США были созданы организации самопомощи и благотворительности различного типа. По наблюдениям Дж. Лоуга, США и государства Запады являются странами с десятками тысяч гражданских организаций, которые не связаны с властями штатов или правящей партией. Церкви, фермерские хозяйства, торговые ассоциации, гражданские и молодежные организации, этнические сообщества и различные клубы можно считать первыми организациями, преобразующими социальную жизнь коммун и сообществ. Дж. Мэйр и И. Марти отме-

чают, что предпосылки к появлению социального предпринимательства можно наблюдать в европейских странах в XIX в., а в Азии – в первой половине XX в., где социальное предпринимательство характеризуется как широкий процесс, который включает в себя ресурсы для создания возможностей ускорения социальных изменений и удовлетворения социальных потребностей¹.

Социальное предпринимательство как профессия и академическая научная дисциплина сформировалось в конце 1990-х гг. благодаря усилиям Г. Диза. По его мнению, в современном обществе различные социальные проблемы необходимо решать за счет предпринимательства. Это можно связать с тем, что множественные попытки государственных и благотворительных организаций оказались далеки от ожидаемых результатов, а большая часть институтов общественного сектора все чаще рассматривается как нерезультативная, неэффективная и безответственная. Социальные предприниматели нужны для того, чтобы создать новые модели социально значимой деятельности «для нового века». Социальным предпринимательством следует считать применение образа мыслей, процессов, инструментов и технологий обычного предпринимательства на благо общества и экологии². Мы определяем социальное предпринимательство как предпринимательскую деятельность, направленную на смягчение или решение социальных проблем, характеризующуюся следующими основными признаками: социальное воздействие, инновационность, финансовая устойчивость, предпринимательский подход. Одной из важных характеристик социального предпринимательства является то, что оно отдает приоритет созданию общественного продукта над прибылью и использует для достижения социального блага социальные и экономические инновации, что в результате способствует ускорению социальных изменений и удовлетворению общественных потребностей. При этом социальное предпринимательство выступает в многообразных формах в зависимости от социально-экономических и культурных условий, а также конкретных задач, которые ставит перед собой.

Рассмотрим следующую классификацию стратегий исследования феномена социального

предпринимательства, где первая группа стратегий представлена направлением, акцентирующим внимание на структурных характеристиках предпринимательства. Социально-экономическая группа предпринимателей конституируется действием, обладающим внутренним смысловым единством и связанным с реализацией ненасильственного контроля над дефицитными ресурсами в целях достижения цели. Социально-экономическая группа предпринимателей определяется следующими критериями социальной стратификации: политический потенциал группы (объем властных и управленческих функций); экономический потенциал (масштаб собственности); а также социокультурный потенциал (уровень образования, квалификации)³.

Для определения более широкого круга лиц, причастных к предпринимательской деятельности, Т. Заславской был введен термин «бизнес-слой», объединяющий лиц, в той или иной степени занятых предпринимательской деятельностью, начиная с собственников предприятий, банков и заканчивая наемными работниками, в свободное время занимающимися собственным бизнесом. Концепт бизнес-слоя получает дальнейшее развитие и устанавливается его отношение с «социальной группой предпринимателей», когда идеальный тип интерпретируется как социальная норма, другими словами, собственники частного капитала, которые лично руководят своими предприятиями, трактуются как «эталонная» группа, обладающая всеми признаками, конституирующими социальный слой предпринимателей⁴.

Возможен ряд оснований структурных изменений внутри данной группы. Социально-экономическая группа предпринимателей является неоднородной: статусы, способы деятельности и поведение предпринимателей сильно отличаются друг от друга в зависимости от масштабов дела. Анализируя социально-экономическую группу предпринимателей, обратимся к статистике. Основные показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в России публикуются Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) ежегодно по результатам обследований субъектов малого и среднего предпринимательства. На текущий момент состояние и динамику развития сектора малого и среднего предпринимательства (МСП) за последние 5 лет позволяют оценить материалы сборника Росстата «Малое и среднее предпринимательство в России», опубликованного в декабре 2015 г. По данным опроса, проведенного Институтом общественного проектирования, доля предпринимательского класса в составе населения составляет всего 3% от общего числа опрошенных респондентов. Исследование включало в себя количественный опрос 16 200 респондентов по всероссийской репрезентативной выборке. Эти данные хорошо согласуются с результатами социологических опросов, проводившихся в рамках

других исследовательских проектов. В частности, регулярные опросы ФОМа, ВЦИОМа и Левада-Центра по репрезентативной всероссийской выборке также дают цифру 2–3%⁵. В РФ зарегистрировано и действует 4,5 млн субъектов малого и среднего предпринимательства, на которых занято более 18 млн человек, что составляет 25% от общего числа занятых в экономике. Доля предпринимателей практически одинакова на всей территории России – во всех федеральных округах и во всех типах поселений, включая Москву.

Предприниматели имеют более высокие показатели материальной обеспеченности в сравнении с населением в целом. Однако это не говорит о хорошей материальной обеспеченности всех предпринимателей. Доля соответствующих по своему потребительскому статусу среднему классу и выше составляет не более 44% от общего числа предпринимателей. Интересным представляется и гендерный состав: доля мужчин выше – 63% против 47% женщин – в предпринимательстве. Возрастной фактор не искажает данной картины, поскольку такое соотношение характерно не только для всех опрошенных, но и для респондентов в трудоспособном возрасте. Наиболее высокой предпринимательской активностью отличаются лица в возрасте от 25 до 44 лет. По этническому составу доля русского населения среди предпринимателей снижена, но не радикально (среди всего населения – 84%, среди предпринимателей – 77%).

Доля людей с высшим образованием (включая лиц с неполным высшим образованием, в том числе и студентов вузов) среди предпринимателей несколько повышена (всего по массиву – 19%, среди предпринимателей – 26%). Эта тенденция характерна для всех типов поселений, хотя более выражена в мегаполисах, больших и средних городах. Тем не менее, образовательный состав российских предпринимателей схож с образовательной структурой населения – люди без высшего образования составляют абсолютное большинство. Тенденция повышения среди предпринимателей доли людей с высшим образованием характерна только для старших возрастов, в возрастной группе 25–34 лет она практически равна средней величине, а среди 18–24-летних немного снижена⁶.

Предприниматель в своей деятельности обязан руководствоваться не только личной выгодой, но и государственными и общественными интересами. У него должны возникать представления о пользе его дела для общества и государства, что способствует ориентации на социальное предпринимательство. Поэтому предпринимательство следует оценивать через призму социальной пользы, так как социальная значимость предпринимательства состоит в ориентации производства на потребности клиента, создание рабочих мест, способствует увеличению мобильности членов общества. Коммерче-

ский сектор является силой, способной дать населению те товары и услуги, которые не может дать государство. Социальная значимость малого и среднего предпринимательства выражается в учете потребностей местных сообществ, работе на локальных рынках с учетом устоявшихся традиций страны. За счет своего масштаба малое и среднее предпринимательство оказывается более адаптивным к изменяющимся экономическим условиям⁷.

В качестве еще одной группы стратегий следует выделить конструирование социального портрета предпринимателей, в том числе и социальных предпринимателей. Предпринимательская деятельность весьма многообразна. Поэтому предприниматель должен обладать способностями, которые реализуются в практической деятельности. Кроме того, существуют самые разнообразные формы предпринимательской деятельности, выбор которых может быть продиктован как объективными, так и субъективными (мотивы и психологические особенности предпринимателя) причинами. Попытки составить социально-психологический портрет предпринимателя делались как за рубежом, так и в нашей стране.

Определяя набор социально-психологических качеств группы предпринимателей, следует выделить ее характерные черты. Социально-психологический портрет типичного предпринимателя, согласно классификации Й. Шумпетера, предполагает:

- особый взгляд на вещи, волю и способность выделять наиболее важные моменты действительности и реально их оценивать;
- способность идти в одиночку, не боясь неопределенности и возможного сопротивления;
- способность воздействовать на других людей⁸.

Портрет предпринимателя, по данным Американской ассоциации управления, включает:

- поиск возможностей и инициативность;
- упорство и настойчивость;
- готовность к риску;
- ориентация на эффективность и качество;
- целеустремленность;
- стремление быть информированным;
- систематическое планирование и наблюдение;
- способность убеждать и устанавливать связи;
- независимость и уверенность в себе⁹.

В России попытки составить социально-психологический портрет предпринимателя в основном сводятся к выделению и описанию различных типов предпринимателей или различных характеристик предпринимателя, которые можно объединить в несколько групп. К характеристикам лидерства относят такие черты, как стремление к самостоятельности, автономности, независимости, к достижениям в трудовой дея-

тельности, к карьере и власти, а также решительность и уверенность в себе. При этом отмечают также и особые деловые качества: инициативность и предприимчивость, деловая активность, умение действовать в условиях недостатка информации, настойчивость и умение брать ответственность на себя. Особые интеллектуальные способности предпринимателя характеризуются следующим образом: гибкость мышления, умение генерировать идеи, в том числе коммерческие, творчески мыслить, уметь находить нестандартные решения. Как предрасположенность к предпринимательской деятельности отмечают также и особые психологические характеристики личности: восприимчивость к переменам, склонность к новаторству, инновациям, риску и одновременно устойчивость к стрессам. И последнюю группу особых качеств предпринимателя составляют коммуникативные способности: умение понимать людей и выстраивать с ними взаимоотношения, умение подбирать себе коллег и исполнителей, а также выстраивать отношения в интересах дела.

Характеризуя социально-психологическими чертами социальных предпринимателей, отметим присущие им, как и прочим бизнесменам, страсть, изобретательность, новаторство, упорство, способность планировать, а также ориентированность на рост для решения самых насущных социальных проблем. Кроме того, социальные предприниматели альтруистичны, болезненно реагируют на любое проявление несправедливости¹⁰.

Третья группа стратегий, которую мы выделяем, концентрирует внимание на факторах риска в предпринимательстве. Риск присущ любой сфере человеческой деятельности и связан со множеством условий и факторов, которые приводят к положительному или отрицательному исходу принятых решений. Он имеет объективную основу из-за неопределенности внешней среды по отношению к предпринимательской фирме. Внешняя среда включает в себя объективные экономические, социальные и политические условия, в рамках которых фирма осуществляет свою деятельность и к динамике которых она вынуждена приспосабливаться. Неопределенность ситуации предопределяется тем, что она зависит от множества переменных, контрагентов и лиц, поведение которых не всегда можно предсказать с приемлемой точностью. Наличие предпринимательских рисков следует считать оборотной стороной экономической свободы. Другими словами, свободе одного предпринимателя сопутствует одновременно свобода других предпринимателей, следовательно, по мере развития рыночных отношений в нашей стране будет усиливаться неопределенность и предпринимательский риск. Устранить неопределенность будущего в предпринимательской деятельности невозможно, так как она является элементом

объективной действительности. Риск присущ и социальному предпринимательству, являясь его неотъемлемой частью.

Сложность классификации предпринимательских рисков заключается в их многообразии. С риском предприниматели сталкиваются всегда при решении как текущих, так и долгосрочных задач. Существуют определенные виды рисков, действию которых подвержены все без исключения предпринимательские организации, но наряду с общими есть специфические виды риска, характерные для определенных видов деятельности.

Одну из первых классификаций рисков предложил Дж. М. Кейнс. Он рассматривал риски со стороны субъекта, осуществляющего инвестиционную деятельность, и выделил три группы рисков:

- предпринимательский риск – неопределенность получения ожидаемого дохода от вложения средств;
- риск «заимодавца» – риск невозврата кредита, включающий в себя юридический риск (уклонение от возврата кредита) и кредитный риск (недостаточность обеспечения);
- риск изменения ценности денежной единицы – вероятность потери средств в результате изменения курса национальной денежной единицы.

Дж. М. Кейнс указывает, что перечисленные риски тесно переплетены: так заемщик, участвуя в рисковом проекте, стремится получить как можно большую разницу между процентом по кредиту и нормой рентабельности; кредитор же, учитывая высокий риск, стремится также максимизировать разницу между чистой нормой процента и своей процентной ставкой. В результате риски «накладываются» друг на друга, что не всегда замечают инвесторы¹¹.

В зависимости от области возникновения различают внутренние и внешние риски. Внутренние риски непосредственно обусловлены деятельностью предприятия или его контактной аудиторией и подразделяются на три вида:

- производственные (связаны с особенностями технологического процесса на конкретном предприятии, уровнем квалификации работников, организацией поставок сырья и материалов и осуществлением транспортных перевозок);
- инвестиционные (несут потенциальную угрозу неполучения запланированного результата);
- коммерческие (обусловлены неправильно проведенными маркетинговыми исследованиями, недооценкой конкурентов на товарном рынке, ошибочной ценовой политикой).

Источником внутренних рисков является сама предпринимательская фирма. Эти риски возникают в случае неэффективного менеджмента, ошибочной маркетинговой политики, а также в результате внутрифирменных злоупотреблений. Основными среди внутренних рисков являются кадровые риски, связанные с профессиональным уровнем и чертами характера сотрудников пред-

принимательской фирмы. Источником возникновения внешних рисков выступает внешняя среда по отношению к предпринимательской фирме, среди этих рисков выделяют:

- политические (связаны с политической обстановкой в стране и деятельностью органов государственной власти);
- законодательные (изменение действующих норм с выходом новых законодательных и нормативных актов);
- природные (связаны с возможными стихийными бедствиями и загрязнением окружающей среды);
- региональные (обусловлены состоянием отдельных регионов, их законодательством);
- отраслевые (зависят от тенденций развития отрасли);
- макроэкономические (обусловлены развитием экономических процессов в стране и в мире).

Предприниматель не может оказывать на внешние риски влияние, он может только предвидеть и учитывать их в своей деятельности¹².

С точки зрения длительности во времени предпринимательские риски можно разделить на кратковременные и постоянные. К группе кратковременных относятся те риски, которые угрожают предпринимателю в течение известного отрезка времени (транспортный риск, когда убытки могут возникнуть во время перевозки груза). К постоянным относятся риски, непрерывно угрожающие предпринимательской деятельности в данном географическом районе или в определенной отрасли экономики (риск неплатежа в стране с несовершенной правовой системой).

По степени правомерности предпринимательского риска могут быть выделены правомерный и неправомерный риски. Возможно, это наиболее важный для предпринимательского риска элемент классификации, имеющий наибольшее практическое значение. Для разграничения оправданного и неоправданного предпринимательского риска необходимо учесть в первую очередь то обстоятельство, что граница между ними в разных видах предпринимательской деятельности, в разных секторах экономики различна.

Кроме того, существует классификация, разделяющая предпринимательские риски в соответствии с возможностью страхования: страхуемые и нестрахуемые. Предприниматель может частично переложить риск на другие субъекты экономики, в частности, обезопасить себя, осуществив определенные затраты в виде страховых взносов. Таким образом, некоторые виды риска, такие как риск гибели имущества, риск возникновения пожара, аварий, предприниматель может застраховать.

Выделяют группу рисков статистических и динамических. Особенность статистических рисков заключается в том, что они практически всегда несут в себе потери для предпринимательской деятельности. При этом потери для фирмы,

как правило, означают и потери для общества в целом. В соответствии с причиной потерь статистические риски могут далее подразделяться на следующие группы: вероятные потери в результате негативного действия на активы фирмы стихийных бедствий; вероятные потери в результате преступных действий; вероятные потери вследствие принятия неблагоприятного законодательства для предпринимательской фирмы; вероятные потери в результате угрозы собственности третьих лиц; потери вследствие смерти или недееспособности ключевых работников фирмы либо основного собственника предпринимательской фирмы. В отличие от статистического, динамический риск несет в себе либо потери, либо прибыль для предпринимательской фирмы¹³.

Особенностью четвертой группы стратегий является тот факт, что социальное предпринимательство рассматривается как мера реализации гражданского долга. По мнению Дж. Мэйр и Э. Нобо, основными предпосылками для мотивации социальных предпринимателей являются опыт и контент¹⁴. В понятие «опыт» здесь следует включить воспитание, участие в различных социальных взаимодействиях, влияние семьи, друзей, религиозные убеждения. Также опыт включает личностные черты, определяющие степень чувствительности к конкретной социальной проблеме. Контент же представляет собой зону взаимодействия прежнего опыта предпринимателя с социальным сектором. Именно в рамках контента предприниматели обращают внимание на социальные проблемы. Социальными предпринимателями движет сочувствие к обездоленным членам общества и понимание, что это «неправильно» с моральной точки зрения. Именно эти чувства являются определяющими для создания социального предприятия.

Итак, мы рассматривали социальное предпринимательство через призму предпринимательской деятельности. Предпринимателей относят к отдельной социально-экономической группе, обладающей рядом характеристик: социально-демографические показатели (возраст, пол), этничность, уровень образования. Кроме того, предприниматели обладают особыми социально-психологическими чертами характера, способствующими успешному занятию предпринимательской деятельностью. Существует ряд рисков, характерных для любой предпринимательской активности, с которыми сталкивается также и социальный предприниматель. Безусловно, социальное предпринимательство требует концен-

трации внимания на миссии, а не на прибыли. Социальные предприниматели создают возможности для социально-экономического развития и его стабильности, делают общество более справедливым и обеспечивают будущее развитие всего общества, считая это своим долгом.

Примечания

- 1 См.: Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России. URL: <https://www.hse.ru/data/378/039/1237/soc-pred.pdf> (дата обращения: 30.06.2016).
- 2 См.: Бусыгин А. В. Предпринимательство М. : Дело, 2001. С. 89.
- 3 См.: Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М. : Инфа-М, 2001.
- 4 См.: Заславская Т. И. Бизнес-слой российского общества : понятие, структура, идентификация // Экономические и социальные перемены : Мониторинг общественного мнения. 1994. № 5. С. 8–14.
- 5 См.: Предпринимательский класс в России. URL: <http://www.sbelan.ru/index.php/ru/economika/31-predprinimatelskij-klass-v-rossii> (дата обращения: 25.06.2016).
- 6 Там же.
- 7 См.: Социализация бизнеса и социальная ответственность современных корпоративных объединений // Молодежный научный форум : Общественные и экономические науки : электр. сб. ст. по материалам XIX студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. М. : МЦНО, 2014. № 12 (19). URL: [http://nauchforum.ru/archive/MNF_social/12\(19\).pdf](http://nauchforum.ru/archive/MNF_social/12(19).pdf) (дата обращения: 12.09.2016).
- 8 См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М. : Экономика, 1995.
- 9 См.: Социально-психологический портрет предпринимателя. URL: <http://www.psycademy.ru/pages/525/> (дата обращения: 25.09.2016).
- 10 См.: Кикал Д., Лайонс Т. Социальное предпринимательство : Миссия – сделать мир лучше : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2014.
- 11 См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег : пер. с англ. М. : ЗАО «Бизнеском», 2013.
- 12 См.: Предпринимательские риски. URL: <http://www.risk24.ru/predriski.htm> (дата обращения: 27.10.2016).
- 13 См.: Подходы к классификации предпринимательских рисков. URL: <http://topknowledge.ru/upravlenie-riskami/4365-podkhody-k-klassifikatsii-predprinimatelskikh-riskov.html> (дата обращения: 30.10.2016).
- 14 См.: Кикал Д., Лайонс Т. Указ. соч.

Образец для цитирования:

Андропова Ю. Э. Стратегии исследования социального предпринимательства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 42–46. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-42-46.

Cite this article as:

Andronova Yu. E. Strategy Research of Social Entrepreneurship. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 42–46 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-42-46.

УДК 301

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. А. Калинин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: naiperlit347@gmail.com

Изучение социальной коммуникации является актуальной темой в свете глобализации и текущих тенденций развития коммуникационных технологий. В статье представлена специфика социальной коммуникации во временном аспекте, выделены тенденции ее развития, являющиеся общими для всех периодов человеческой истории. Дополнено имеющиеся определение новой виртуальной среды – киберпространства, представляющее собой новый этап эволюции социальной коммуникации.

Ключевые слова: социальная коммуникация, дискурс, эволюция, коммуникационные каналы, Киберпространство, Интернет.

Transformation of Approaches to the Research of the Social Communication Phenomenon

A. A. Kalinkin

Contemporary trends of globalization and progress in communication technologies make studies of social communication a very important topic. This article strives to shed some light onto specifics of social communication in the temporal aspect, and highlights tendencies in its development, common for all periods of human history. This article also amends definition of a new virtual medium – Cyberspace, which represents a new stage in evolution of social communication.

Key words: social communication, discourse, evolution, communication channels, Cyberspace, Internet.

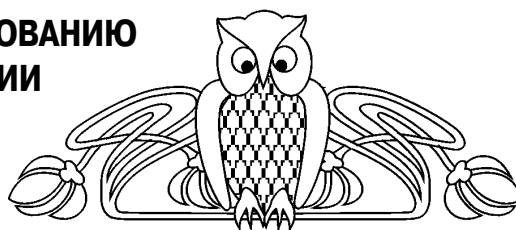
DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-47-49

Социальная коммуникация – сфера социологической науки, исследующая процессы передачи и механизмы распределения информации в социуме. Она представляет собой комплексный и полиаспектный процесс обмена социальными смыслами в социальном пространстве и времени. Эти смыслы по-разному представлены в различные периоды социокультурной эволюции и обладают разными формами презентации¹.

Существующие методологические подходы изучения данного феномена позволяют рассмотреть это многогранное и сложное явление в различных контекстах.

В частности, С. В. Бориснев считает, что коммуникация – это процесс, детерминированный социумом и являющийся средством передачи социальных смыслов, как в интересубъективном, так и глобальном взаимодействии, с использованием многообразия всех средств социальной интеракции².

М. С. Андрианов утверждает, что коммуникация – это всего лишь изучение смысловых моментов общественной интеракции³.

Для Н. Лумана, коммуникация – это исторически-конкретное явление, присущее исключительно социальным системам, при котором наблюдается перераспределение информации, а не просто передача семантических смыслов от одной психической системы к другим⁴.

С учетом многообразия взглядов на такой феномен, как коммуникация, выделены основные **характеристики и виды** взаимодействий в социуме. Социальная коммуникация представляет собой:

– обмен знаниями, идейными и эмоциональными смыслами с помощью различных средств коммуникации;

– процесс, объединяющий различные уровни социума в одно комплексное явление ;

– механизм управления, позволяющий транслировать волю одного человека или группы людей на представителей социума.

Виды социальной коммуникации обычно представлены следующими ракурсами:

– количеством коммуникантов – интересубъективная, групповая, массовая;

– типом передаваемых сведений – формальная, неформальная;

– коммуникационным каналом – вербальная, невербальная.

Коммуникационный канал – это по настоящему существующий или воображаемый путь контакта, посредством которого происходит распределение информации между коммуникантами. Присутствие контакта обязательно для осуществления коммуникационной активности в любом ее формате. Канал коммуникации дает субъектам интеракции возможность передавать и получать информацию, т. е. символы, естественные и искусственные языки, шифры, физические средства хранения данных, электронные технологии.

Необходимо отметить один важный фактор – каналы коммуникации дают возможность социальным смыслам распространяться в материальном пространстве и времени. Активность, порождаемая коммуникантами, представляет собой циркуляцию информации в общественном пространстве, и следствием этой активности выступает направленное распространение смыслов или хаотичное изменение настроений и тенденций в обществе. Следовательно, для реализации коммуникационной активности требуются ма-

териально-технические системы, роль которых играют коммуникационные каналы.

Процесс формирования цивилизации – от варваров каменного века до постиндустриального общества – характеризуется неумолимой количественной и качественной аугментацией коммуникационных каналов вследствие образования искусственных коммуникационных каналов, возникающих в процессе антропогенеза и расширяющих возможности естественных каналов.

Естественные коммуникационные каналы утилизируют физиологические особенности Homo Sapiens, посредством которых возможен обмен информацией в реальном времени, – тело и органы речи. Они образуют невербальный и вербальный каналы⁵.

Применение тех или иных искусственных коммуникационных каналов детерминировано степенью развития культуры, а также спецификой каждого конкретного социума – особенностями и средствами записи, хранения и распространения информации.

Опираясь на культурный инвентарь в виде используемых каналов, можно выделить три основных типа социальной коммуникации:

- устная, характеризующаяся преобладанием естественных невербальных и вербальных каналов, которыми человек наделен с рождения;
- документная, использующая различные символичные носители информации, в круг которых входят наскальные рисунки и письмо;
- электронная, использующая последние достижения цивилизации, позволяющая передавать информацию любого рода в реальном времени по всей планете.

Эти три типа посредством различных комбинаций создают смешанные каналы коммуникации, возникающие при внедрении разнообразных инноваций в устном и письменном общении.

Эволюция способов осуществления социальной коммуникации, обусловленная развитием цивилизации, детерминирована не волей случая, а неадекватностью существующих коммуникационных каналов постоянно меняющимся социокультурным характеристикам человеческой жизнедеятельности. Постоянные изменения социокультурного ареала затрудняют реализацию коммуникационных потребностей как индивидов, так и социума. Снижение нагрузки на существующие каналы возможно посредством бифуркации⁶. Бифуркация – это изменение в обычном режиме работы той или иной системы. Применительно к коммуникации можно сказать что это раздвоение коммуникационного канала при достижении критического состояния системы⁷.

Прогресс социальной коммуникации детерминирован эволюцией культуры, возникновением и падением цивилизаций.

Культурное развитие человечества обычно описывается как пять временных периодов, в

которых обязательно выделены составляющие коммуникации:

1) пракультура (1 500 000–40 000 лет назад) – эпоха антропосоциогенеза, эпоха выделения Homo Sapiens как отдельного вида;

2) архекультура (40 000 – III тыс. лет до н. э.) – каменный век, эпоха возникновения духовной культуры, представленной магией, культами, мифами, наскальными рисунками и музыкой;

3) палекультура (III тыс. лет до н. э. – XV в. н. э.) – этап развития античной культуры и последовавшего за нею Средневековья;

4) неоккультура – период Высокого Возрождения и Реформации, после чего настала эпоха Просвещения (XVII–XVIII вв.) и эпоха индустриализации (XIX в.);

5) постнеоккультура (с последней четверти XX в. по наст. время) – современность, характеризующаяся заменой линейных текстов гипертекстами, Интернетом и киберпространством⁸.

Следует указать на то, что понятия «Интернет» и «киберпространство» не являются тождественными: Интернет является технологией, физическим каналом коммуникации, в то время как киберпространство – это восприятие человеком совокупности социальных смыслов, доступ к которым ему открыт посредством Интернета.

Киберпространство – абстракция, часто применяемая в философских и информационных науках, подразумевает виртуальную реальность, находящуюся в различных устройствах (серверные и персональные ЭВМ, смартфоны и другие мобильные устройства) и вычислительно-коммуникационных физических сетях, которые они образуют⁹.

А. Е. Войскунский считает, что метафора «киберпространство» предполагает существование виртуальной реальности, порождаемой в сознании индивидов и являющейся местом скопления информации в виде гипертекстов как вербального материала с добавлением фотографий, видео- и аудиофрагментов. Следовательно, киберпространство является социотехнической структурой, компонентами которой выступают люди и создаваемые ими блоки информации – вербальные сообщения разной степени истинности, тексты, изображения¹⁰.

В связи с этим особого внимания заслуживает концепция М. Маклюэна, согласно которой прогресс человечества опосредован уровнем развития средств социальной коммуникации, т. е. коммуникационными каналами. По его мнению, история Homo Sapiens опосредована преобладающими инструментами коммуникации и разделена на четыре периода, которые соответствуют культурным периодам, описанным выше:

– эпоха архекультуры характеризуется появлением такого коммуникационного канала, как членораздельная речь, воспринимаемая слухом;

– эпоха палеокультуры создала новый коммуникационный канал – письменные тексты;

– эпоха неокультуры использует книгопечатание и индивидуальное чтение как основной канал коммуникации;

– современная эпоха постнеокультуры характеризуется появлением электронных средств передачи социокультурных смыслов, давая возможность обществу использовать принципиально новый канал коммуникации¹¹.

Таким образом, все этапы эволюции культуры коррелируют с эволюцией средств социальной коммуникации. Более того, эти два феномена находятся в постоянном процессе взаимовлияния и взаимодействия, что представляет собой основную причину и условие прогресса цивилизации.

Примечания

¹ См.: Могилевич Б. Р. Эволюция социологического осмысления процессов социальной коммуникации // Вестн. Саратов. госагроун-та им. Н. И. Вавилова. 2007. № 5. С. 99.

² См.: Бориснев С. В. Социология коммуникации : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 14.

³ См.: Андрианов М. С. Невербальная коммуникация : психология и право. М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2007. С. 10.

⁴ См.: Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 113–114.

⁵ См.: Столяр А. Д. Происхождение первобытного искусства. М. : Искусство, 1985. С. 298.

⁶ См.: Грязнова Е. В. Виртуально-информационная реальность в системе «Человек – Универсум». Н. Новгород : ННГУ, 2006. С. 255.

⁷ См.: Лебедев С. А. Философия науки : Словарь основных терминов. М. : Академический Проект, 2004. С. 320. (Серия «Gaudeamus»)

⁸ См.: Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. С. 117.

⁹ См.: Strate L. The varieties of cyberspace : Problems in definition and delimitation // Western Journal of Communication. 1999. 63 (3). P. 382.

¹⁰ См.: Войскунский А. Е. Метафоры Интернета // Вопр. философии. 2001. № 11. С. 64–79.

¹¹ См.: Маклюэн М. Галактика Гутенберга : Становление человека печатающего. М. : Академический Проект, 2005. С. 103.

Образец для цитирования:

Калинин А. А. Трансформация подходов к исследованию феномена социальной коммуникации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 47–49. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-47-49.

Cite this article as:

Kalinkin A. A. Transformation of Approaches to the Research of the Social Communication Phenomenon. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 47–49 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-47-49.

УДК 654.197.01:316

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ МОЛОДЕЖИ

М. Н. Лукьянова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: mariabmn@yandex.ru

В статье представлены результаты авторского социологического исследования взаимодействия телевидения и его молодежной аудитории, на основе которых были созданы социально-демографический портрет регионального телепотребителя и модели идеального и фактического облика телевидения в системе оценок молодежной аудитории.

Ключевые слова: телевидение, социальные функции, телеаудитория, телепотребление, телесмотрение.

The Potential and Real Social Functions of Television in Young People's Opinion

M. N. Lukyanova

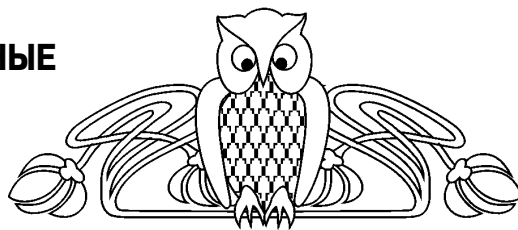
The article presents the results of the author's sociological survey on the interaction between television and its young audience, upon which the author creates a socio-demographic profile of a regional television user and constructs the models of an ideal and real image of television according to the young audience's evaluation system.

Key words: television, social functions, television audience, television consumption, television viewing.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-50-55

Актуальность исследования связана с тем, что телевидение внедрилось в повседневную жизнь человечества и охватило большую часть досуга, стало универсальным общедоступным источником получения информации об окружающем нас мире, именно на арене телевидения теперь сходятся социально-политические, культурные, духовные, образовательные интересы аудитории. Информационные взаимодействия и средства передачи и обработки массовой информации играют большую роль в социализации молодежной аудитории, преемственности социально-культурных и духовных ценностей и традиций разных поколений. Становится необходимым изучение различных взаимодействий между телевидением и одной из его самых распространенных групп потребления – молодежью.

Опыт социологического осмысления социальной роли телевидения очень велик, изучению и анализу функционирования телевидения, его роли и функций в социокультурных и духовных процессах уделялось существенное внимание иностранными учеными (Р. Мертон и П. Лазарфельд¹, Г. Лассуэлл, М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др.²). Исследованию социальных функций теле-

видения, специфики функционирования современного телевидения и характера его влияния на общество посвящены работы таких отечественных ученых, как В. П. Коломиец³, И. А. Полуэхтова⁴. В рамках отечественной научной традиции телевидению всегда по праву отводилась значительная роль, однако в большинстве случаев оно преимущественно рассматривалось лишь как глобальное средство информирования, культурного и идеологического воздействия на массовую аудиторию.

Представленная литература свидетельствует о многообразии подходов к функционированию телевидения в современном обществе. Однако влияние телевидения на процесс социализации молодежи не изучено полностью, так как большинство работ имеет смещение в сторону рассмотрения телевизионной аудитории как пассивного реципиента, на которое активно воздействует телевидение, при этом мало учитываются потребности и мнение самой телеаудитории. Актуальность темы исследования определяется необходимостью анализа еще недостаточно изученного направления – специфики взаимодействия современного телевидения как средства массовой информации с такой наиболее активной группой, как молодежь.

Эмпирической базой данной работы являются результаты авторского исследования, которое было проведено в 2014 г. в г. Саратове. Опрошено 200 человек по многоступенчатой квотной-районированной выборке, результаты исследования по данной проблематике опубликованы в печати.

Создадим институционально-функциональный образ телевидения для современного молодого саратовца. Перейдем к анализу идеального облика телевидения. По мнению большинства саратовцев, необходимо, чтобы современное телевидение было направлено на грамотное воспитание подрастающего поколения, т. е. доминирующей институциональной функцией была выбрана социализирующая. Около трети опрошенных считают, что в идеале главной целью работы телевидения является интеграция общества или государства, что, в понимании респондентов, тождественно; для 15% опрошенных необходимо, чтобы телевидение стремилось к созданию универсальной индустрии развлечений, и самая немногочисленная группа предпочла курс на поднятие рейтингов и кассовость.

Социальные функции телевидения распределяются по значимости в представлениях

саратовцев таким образом: наиболее важной является информационная (80,0% опрошенных), далее следует развлекательная или рекреативная (66,5%), затем роль интеграции общества или государства (53,5%) и роль приобщения к духовным ценностям (53,0% респондентов).

Теперь сравним представленный выше образ с мнением саратовской молодежной аудитории о фактически сложившейся ситуации. Отечественное телевидение, по мнению трети опрошенных, является бизнесом, еще треть считают его средством развлечения, 21,0% видят в телевидении средство пропаганды и лишь 1,5% респондентов считают его средством просвещения и искусством.

Что касается оценки реализации функций телевидения, то наиболее высокую оценку получила развлекательная функция, менее реализованной была обозначена функция информирования населения, а функции прививания духовных ценностей и объединения общества отмечены как слабо реализованные или не реализованные вовсе.

Сравнение идеального образа и фактического телевидения показало, что саратовский телепотребитель оценивает современное телевидение как потенциально могущественный источник влияния на общество, который мог бы решить множество фундаментальных проблем, однако растрчивает свое влияние на развлечения масс и ведет к их деградации.

Анализ критических представлений о параметрах содержания телеэфира показал недопустимые, по мнению саратовской молодежи, явления: недостоверность информации (79,5%), аморальность (73,5%), демонстрация сцен насилия (63,5%), ненормативная лексика (62,5%). Молодежная аудитория не приемлет недостоверности и искажения информации, так как в условиях современного общества обладание информацией становится значимой общественной ценностью. Также заметно неприятие нарушения норм морали, большинство опрошенных высказались против наличия ненормативной лексики в телеэфире.

Приемлемы, по оценкам опрошенных: пропаганда и навязывание ценностей (81,5%), пропаганда западного образа жизни (67,0%), скандальность (51,0%), субъективность в освещении событий (49,5%). Занесение этих явлений в ранг допустимых можно объяснить тем, что российский телезритель привык доверять информации из уст различного рода профессионалов и экспертов, и зачастую излишняя оценочность суждений незаметна для аудитории.

При оценке существования факта влияния телевидения на формирование ценностей молодежи было выявлено некоторое противоречие в суждениях: 65,0% признали влияние телевидения на формирование человеческих ценностей и 69,9% при этом отрицают тот факт, что телевидение

влияет на их собственный ценностный мир. Это можно оправдать тем, что человеку сложно судить о том, как окружающий мир влияет на его внутренний и изменения вообще, гораздо проще заметить это на примере больших групп или когда изменяются окружающие люди.

Проанализируем мнение респондентов о том, на какие ценности влияет телевидение. Наиболее сильно, по мнению саратовцев, телевидение воздействует на восприятие таких ценностей, как развлечения, жизнь, уважение к обществу, материальный достаток, добро, семья, честность, здоровье, самореализация, бескорыстие, трудолюбие. Причем необходимо подчеркнуть, что измерялась интенсивность влияния на восприятие ценности индивида, а не его характер.

Для того чтобы определить, какую подлинную социальную роль выполняет современное телевидение в жизни молодежи Саратова, проанализируем количественные параметры телепросмотра и его содержание. Определим, какое место среди досуговых предпочтений занимает просмотр телевизора. Наиболее популярным времяпрепровождением является активный отдых – его предпочли 36,7% саратовцев, на втором месте у молодежи Саратова компьютерные развлечения – 21,3%, за ними следуют прогулки по магазинам – 10,6%, далее были выбраны такие варианты, как личная жизнь, походы в театры, кино и музеи. Самыми непопулярными вариантами проведения выходных стали семья и родители. За телепросмотром готовы проводить свое время 3,7% опрошенных. Общие результаты показывают, что для респондентов приоритетны выездные виды проведения досуга (активный отдых, поездки по магазинам) и интернет-развлечения. Телевидение же не занимает высоких позиций в рейтинге.

Смотрят телевизор для развлечения 31,3% опрошенных, для 30,8% саратовцев телевидение – это источник информации, 26,8% включают телевизор, чтобы создать фон, для 4,5% опрошенных телевидение – это способ занять время и лишь 1,0% используют телевидение для обучения. У мужчин на первый план выходит информационная цель телесмотра, далее следует развлекательная, потом восприятие телевидения как фона каких-либо дел.

Для того чтобы выявить, какое место телевидение занимает в повседневной жизни респондента, необходимо проанализировать количественные параметры телепотребления: количество дней в неделю и среднее количество часов, которые респондент проводит у телевизора.

В первую очередь нас интересуют временные показатели, характеризующие, сколько времени опрошенные проводят у экранов телевизоров. Треть молодых саратовцев смотрят телевизор каждый день, 20% – 4–6 раз в неделю, 26% – 2–3 дня в неделю и 21% опрошенных включают телевизор реже 1 раза в неделю. У

большинства респондентов телепросмотр длится в среднем от 1 до 3 часов, треть проводит у телевизора менее часа и 10% – от 3 до 5 часов.

Итак, временные показатели распределились следующим образом: большинство саратовцев смотрят телевизор более 4 дней в неделю, у 66,8% среднее время просмотра телевизора составляет 3 часа в день. При сопоставлении данных выявлено противоречие: телевидение не признается в качестве желаемого способа проведения досуга, однако фактически занимает значимое место в повседневности саратовцев. Это явление связано с доступностью данного вида досуга и его малой энергозатратностью.

Каковы тематические и жанровые предпочтения молодежи города Саратова? Большинство смотрят фильмы, информационные передачи, далее в рейтинге предпочтений следуют музыкальные, развлекательные и научно-познавательные программы, менее популярны спортивные передачи и мультфильмы.

Что касается тематики телепередач, то вкусы опрошенных таковы: самым популярным жанром являются музыкальные и юмористические передачи – 46,7% опрошенных, на втором месте научно-популярные и познавательные – 37,2%, биографические передачи предпочитают 31,2% респондентов, передачи о политике – 20,1%, 18,6% – поклонники реалити-шоу, 16,1% выделяют программы о моде и светскую хронику, 14,6% любят спортивные передачи, 12,6% выбрали криминальные передачи, передачи об искусстве предпочитают 10,6% ответивших. Самыми непопулярными у респондентов стали сериалы (9,0%) и экономические передачи (7,5%).

Судя по результатам, наиболее интересны для респондентов развлекательные передачи (музыкальные и юмористические – 46,7%, реалити-шоу – 18,6%, модные программы и светская хроника – 16,1%). Это дает повод предположить, что основная цель телесмотрения – развлечь себя. Но также высокие позиции занимают познавательные передачи (научно-познавательные программы – 37,2%, биографические – 31,2%, политические – 20,1%, экономические – 7,5%): в сумме эти результаты говорят о том, что телепотребитель видит в телевидении не только инструмент развлечения, но и возможность развиваться, узнавать что-то новое. Неожиданным стал низкий процент предпочтения реалити-шоу, так как именно этот вид телепередач является самым кассовым и продвигаемым на телевидении.

При составлении рейтинга телеканалов мы получили такие данные: самым популярным телеканалом для молодежи Саратова является ТНТ, за ним следуют (с незначительно отличающимися результатами между собой) СТС, кабельные каналы, МТВ, Первый, Ю. Наименьшей популярностью среди молодежи Саратова пользуются телеканалы «Россия» и НТВ, ТВ-3, Рен-ТВ, и самые непопулярные – 5 канал, ТВЦ, ДТВ.

Неудивительно, что именно телеканал ТНТ занял первое место в рейтинге, так как целевая аудитория ТНТ – люди в возрасте от 14 до 30 лет, что как раз охватывает нашу генеральную совокупность полностью. Именно на канале ТНТ представлен весь спектр самых популярных телепередач, которые нравятся молодежной саратовской телеаудитории: в изобилии фильмы, юмористические программы, реалити-шоу, светская хроника, присутствуют областные новости, что также может привлечь саратовцев. Целевая аудитория СТС несколько отличается (от 6 до 54 лет). СТС позиционирует себя как телеканал для семейного просмотра, в сетке представлено множество юмористических телепередач, самая популярная научно-познавательная передача «Галилео», разнообразные фильмы, преимущественно комедийные, мультфильмы. Следом идут музыкальные телеканалы развлекательной направленности МТВ и Муз-ТВ. На одном уровне с ними Первый канал. Это можно обосновать тем, что молодежь интересуют и информационные телепередачи, которые составляют значимую долю телеэфира Первого, а также, что данный телеканал одним из первых показывает премьеры кассовых кинофильмов и самые значимые спортивные обзоры.

Саратовские телезрители отметили нехватку фильмов, соответствующих молодежным предпочтениям, научно-познавательных и информационных передач. Лишь 11,0% опрошенных содержание телеэфира полностью устроило, а 7,0% саратовцев считают телеэфир перенасыщенным. Фильмы все так же остаются одним из самых любимых предметов телепросмотра, и именно их не хватает саратовской молодежной аудитории, далее следуют научно-познавательные передачи, однако они слабо представлены в сетке телепередач. Тот факт, что респонденты отмечали нехватку информационных, спортивных, музыкальных, развлекательных передач, которые достаточно представлены как на региональном, так и на федеральном телевидении, говорит о несоответствии их содержания вкусам потребителей молодежной аудитории.

Рассмотрим способы телесмотрения саратовской молодежи. Саратовцы чаще всего занимаются фоновым просмотром – 37,4%, но 28,9% опрошенных смотрят что-то определенное и внимательно досматривают до конца, 27,9% приветствуют такой способ, как заппинг (переключение с канала на канал), 3,7% ответивших смотрят что-либо лишь до первой рекламы и 2,1% совмещают все указанные способы телесмотрения. Приоритет таких способов, как фоновое телесмотрение и заппинг, свидетельствуют о том, что современный саратовский телепотребитель не склонен глубоко вовлекаться в телепросмотр, он служит скорее как способ уйти от реальности, чем как источник информирования.

Большой отрыв показателей влияния телевидения на развлечения свидетельствует о том,

что главный вектор деятельности телевидения, по мнению молодежи, основан на распространении и продвижении развлечения как приоритетной ценности, при этом, с позиции телевидения, остальные уходят на задний план. Но из результатов сопоставления важности таких моментов в деятельности телевидения, как воспитание духовных ценностей, уважения к обществу и государству, следует вывод, что саратовская молодежь считает наличие этих двух направленностей необходимыми для современного телевидения, но не реализуемыми.

При выявлении доли постоянной аудитории телевидения были получены следующие результаты: постоянными телезрителями являются 79% саратовской молодежи. Особенности телепотребления проявились в таких компонентах, как среднее время телепросмотра, стили телесмотра и жанровые предпочтения. Среднее время телепросмотра – 3 часа в день. Стили телесмотра саратовской молодежи таковы: приблизительно одинаковые результаты получили фоновое смотрение, заппинг и просмотр со вниманием до конца передачи. Цели использования телевидения распределились таким образом: развлечение, информирование, фон во время деятельности.

Предпочтения по видам телепередач распределились следующим образом: 61,0% – фильмы, 42,0% – информационные передачи, 36,0% – музыкальные передачи, 30,0% – научно-познавательные передачи, 28,5% – развлекательные телепередачи, спортивные телепередачи – 17,0% и мультфильмы – 14,0%.

Что касается тематик телепередач, то вкусы опрошенных таковы: самый популярный жанр – музыкальные и юмористические передачи, на втором месте – научно-популярные и познавательные, биографические передачи, передачи о политике, реалити-шоу, программы о моде и светская хроника, спортивные передачи, криминальные передачи, передачи об искусстве. Наибольшим спросом пользуются фильмы, информационные и развлекательные передачи (музыкальные и юмористические).

Не хватает на телевидении, по мнению саратовской молодежи, фильмов, научно-познавательных передач, информационных передач. Содержание телеэфира устраивает 11,0% опрошенных и 7,0% из них отметили, что эфир перенасыщен.

Наиболее сильными факторами, детерминирующими особенности телесмотра саратовской молодежи, являются гендерный признак и род занятости респондентов. Исходя из этого, целесообразно разделить две таких категории, как мужское и женское телесмотрение, которые будут иметь свои специфические черты. Мужское телепотребление отличается большей степенью рациональности. Главной целью телепросмотра является получение информации (42,4%), пред-

почитаемые тематики телепередач – политические (34,0%), спортивные обзоры (26,0%) и экономические (13,0%). Телепотребление носит более вовлеченный характер, выбор стиля телесмотра ложится на внимательное телесмотрение (35,4%). Женщины менее вовлекаются в содержание просматриваемых передач, что выражается в приоритете развлекательной функции и соответственных тематических предпочтений, таких как: мультфильмы (23,0%), светская хроника и телепередачи о моде (30,3%), передачи олобиографической тематики, т. е. о жизни людей (44,0%). Выдвижение у женщин на первый план фонового смотрения (48,9%) иллюстрирует тот факт, что они воспринимают телепросмотр как некоторый второстепенный вид деятельности, здесь телевидение воспринимается как отвлечение во время совершения каких-либо действий, будь это домашние обязанности, уход за собой и т. п., что влечет за собой неглубокое проникновение в суть передаваемой информации и оправдывает выбор именно развлекательных телепередач, которые не требуют высокой концентрации внимания.

В свою очередь, телепотребление по уровням занятости имеет свою специфику: своеобразие телепотребления трудоустроенных групп населения состоит в том, что приоритетно для них будет получение информации (47,8%), предпочитаемые тематики телепередач соответствующие. По мнению этих групп, основным вектором деятельности телевидения должна быть общественная интеграция (40,3%), а главная институциональная функция заключается в информировании масс (33,3%). Такой мощный и всесторонний акцент на информировании указывает на то, что эти группы имеют активную гражданскую и социальную позиции и стремятся быть всячески осведомленными и вовлеченными в общественную жизнь.

Характеристика телепотребления учащихся заключается в ее развлекательной направленности (47,9%), выборе музыкальных телепередач, и идеальная направленность деятельности телевидения для этой группы – грамотное воспитание подрастающего поколения (45,9%), что можно заключить в тезисе: развлекаюсь, развиваясь. Данная группа возлагает большие надежды на телевидение как агента социализации (15,3%).

Телепотребление самой занятой группы – совмещающих работу и учебу – отличается тем, что для этой группы приоритетно фоновое телесмотрение (35,7%), а основным наполнением телепросмотра являются музыкальные передачи (33,3%). Идеальный вектор направленности телевидения для данной группы – социализация, главным образом, подрастающих поколений (76,3%), ведущая социальная роль – информирование (48,8%).

Также было выявлено влияние целей телепросмотра на выбор стиля телесмотра. Внима-

тельное телесмотрение наиболее популярно среди тех, кто выбирал основной целью телепросмотра информирование, и тех, кто не смог определиться между информированием и развлечением; заппинг и фоновое телесмотрение предпочитают опрошенные с развлекательным приоритетом и те, кто заполняют телепросмотром свободное время; те, кто используют телевидение как фон, предпочли фоновое телесмотрение.

При выявлении факторов влияния на мнение о значимости функций телевидения как социального института для саратовской молодежной аудитории были выявлены несколько групп факторов: возраст, количество телепросмотров, среднее время, проводимое у телеэкранов. Полученные результаты иллюстрируют убывание значимости рекреативной функции с уменьшением количества телепросмотров в неделю. Развлекательная функция представляет большую значимость для тех, кто чаще смотрит телевизор, и практически теряет свою значимость у групп, которые практически не смотрят телевизор.

На мнение о значимости интегративной функции телевидения как социального института влияли такие факторы, как возраст респондентов и количество телепросмотров.

Рассматривая мнение саратовской молодежи о современном телевидении, необходимо отметить, что оно оказалось сложным, многоуровневым конгломератом самых разнообразных оценок и точек зрения. Тщательно проанализировав полученные данные, была сформирована следующая картина: телевидение как социальный институт и его функционирование идентифицируются региональной молодежью как бизнес-структура или развлекательная индустрия, нацеленная на получение прибыли любыми путями, зачастую пренебрегающая моральными ценностями и оказывающая пагубное влияние на свою аудиторию.

Идеалом для саратовцев является телевидение как источник информирования населения, главная цель которого – грамотное воспитание талантливой личности. Фактическая ситуация, по оценкам опрошенных, такова, что информационная функция реализуется недостаточно, так же как интегративная и просветительская, а рекреативная функция отмечена как избыточная настолько, что увеличение количества развлечений в телеэфире вызывает отторжение у аудитории. Таким образом, саратовцы видят в телевидении потенциального мощного агента социализации, но эта потребность не реализуется.

Региональная молодежь признает влияние телевидения на формирование собственных ценностей, но с некоторым противоречием. Большинство опрошенных признают присутствие влияния телевидения на ценностный мир окружающих, но отрицают влияние на себя.

Место в досуговых предпочтениях саратовцев неоднозначно, телевидению отведено

предпоследнее место в рейтинге видов проведения досуга, но 79,0% ответивших являются постоянными телезрителями и средняя длительность телепросмотра в день составляет 3 часа. Сложившаяся ситуация иллюстрирует тот факт, что, несмотря на невысокую позицию в рейтинге досуговых предпочтений, телевидение занимает значимое место в жизни молодежи.

Особенности телепотребления саратовской молодежной телеаудитории проявились в таких компонентах, как среднее время телепросмотра, стили телесмотрения, и в жанровых предпочтениях. Среднее время телепросмотра составляет 3 часа в день. Приблизительно с одинаковой частотой саратовцы используют фоновое зрелище, заппинг и просмотр со вниманием до конца передачи.

Мнение о спектре телепередач у саратовской молодежи таково: предпочтение принадлежит фильмам, за ними следуют информационные, музыкальные и научно-познавательные телепередачи. Среди приоритетов по жанрам: музыкальный и юмористический, затем научно-популярный и биографический. Самыми популярными являются ТНТ, СТС, МТВ – телеканалы с преимущественно развлекательной направленностью. И не хватает на телевидении, по мнению саратовской молодежи, фильмов, научно-познавательных и информационных передач; четверть опрошенных содержание телеэфира полностью устраивает. Преобладание выбора рекреативных компонентов телеэфира для просмотра раскрывает перед нами противоречие с приоритетом цели информатизации, но это может быть оправдано тем, что телепотребителя не устраивает содержание и подача информации, представленной в телеэфире.

Наиболее сильными факторами, детерминирующими особенности телепотребления саратовской молодежи, являются гендерный признак и род занятости респондентов. Исходя из этого, целесообразно разделить две таких категории, как мужское и женское телепотребление, которые имеют свои специфические черты. Телепотребление мужчин отличается большей рациональностью, основной целью является получение информации, а основным стилем – внимательное телесмотрение. Специфика женского телепотребления такова, что в основе – приятное времяпрепровождение и стремление занять время, а как следствие – предпочтение фонового зрелища.

По градации занятости телепотребление приобретает такую особенность: трудоустроенные группы ставят во главу информатизацию, обучающиеся – просвещение и социализацию, остальные – развлечение.

Также выбор стиля телесмотрения у регионального телезрителя зависит от цели телепросмотра: обращающиеся к телевидению за

информацией предпочитают внимательное теле-
смотрение, желающие развлечься чаще прибегают к фоновому телесмотрению и заппингу.

Что касается особенностей мнения аудитории о функциях телевидения, то значимость развлекательной функции возрастает у тех, кто чаще и дольше смотрит телевизор.

Сообразно с реалиями сегодняшнего российского телевидения возникает необходимость модернизации не только операционального компонента вещания, но и его воздействия на духовно-просветительскую сферу общества. Ведь сегодня для региональной телеаудитории и общества в целом более насущной потребностью является не сверхкачественная картинка, а моральное здоровье, социальное и культурное благополучие его членов.

Примечания

- ¹ См.: Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие : пер. с англ. // Макаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире. М. : Аспект-пресс, 2000. С. 12–23.
- ² См.: Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. С. 123–129 ; Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб. : Медиум, Ювента, 1997. С. 149–209.
- ³ См.: Коломиец В. П. Телепространство глобального мира // Телефорум. 2002. № 4. С. 28–35.
- ⁴ См.: Полуэхтова И. А. Российская аудитория телевидения : социологический дискурс. М. : Наука ; Флинта. 2008. С. 16–27.

Образец для цитирования:

Лукьянова М. Н. Потенциальные и реальные социальные функции телевидения в общественном мнении молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 50–55. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-50-55.

Cite this article as:

Lukyanova M. N. The Potential and Real Social Functions of Television in Young People's Opinion. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 50–55 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-50-55.

УДК 316. 2

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ (на примере студентов вузов)

С. С. Шматова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: svshmatova@mail.ru

В статье представлены новые подходы к рассмотрению социальных практик здоровьесберегающего поведения. На основе современного прочтения теории понимающей социологии М. Вебера и феноменологической социологии А. Шюца здоровьесберегающее поведение представлено как особый вид целерационального действия в повседневных практиках студенческой молодежи. Выявлены основные детерминанты, способствующие здоровому образу жизни молодежи. К ним отнесены четыре группы факторов: окружающая среда, удовлетворение потребностей, режим жизни, социальные институты. Сделан вывод о необходимости введения аксиологического фактора в изучение здоровьесберегающего поведения.

Ключевые слова: социальные практики, повседневность, молодежь

Social Determinants of Healthcare Behavior of Students

S. S. Shmatova

In article we showed new approaches to consideration of social practices on example of healthcare behavior. On the basis of modern interpretation of theory of understanding sociology (by M. Veber) and phenomenological sociology (by A. Shutz) we showed the healthcare behavior as a special form of purposeful and rational activity in casual practices of modern youths. We revealed main determinants, which contribute to healthy lifestyle of youths. There are four groups of factors: environment, satisfaction of needs, lifestyle and social institutes. We concluded that it necessary to include axiological factor in study of healthcare behavior.

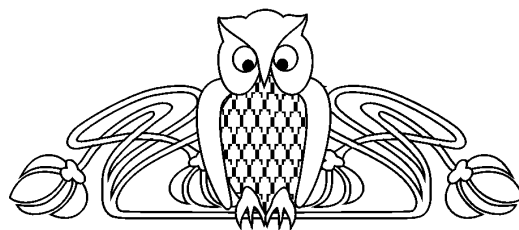
Key words: social practices, casual, youth.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-56-58

По мере того как проблема здоровья нации занимает все более заметное место в российском обществе, здоровьесберегающее поведение становится востребованным предметом социологических исследований.

Интерес к данному феномену актуализируется в контексте фокусировки значительной части социологической теории на сфере повседневности, а также выделения категории «социальное поведение» в самостоятельную область и формировании нового подхода к исследованию здоровья российского общества на основе понятия «социальные практики».

К теориям, которые способствовали концептуализации понятия «здоровьесберегающее поведение», можно отнести понимающую со-

циологию М. Вебера, согласно которой социальное поведение – это особый тип ориентации на поведение другого социального субъекта¹. При этом здоровьесберегающее поведение следует рассматривать как вид целерационального поведения. К этим теориям относим также феноменологическую социологию А. Шюца, полагающую, что человек в любой момент своей повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т. е. в определяемом им физическом и социокультурном окружении, в котором он занимает определенное место. В теоретической схеме Шюца повседневность встроена в физическую реальность, повседневность является коммутатором и смысловые связи устанавливаются только через нее². Мир социальной феноменологии – это мир изначальных обыденных интерпретаций, функционирование определенной системы жизненных смыслов, объединяющих людей в социокультурное общество. Поэтому здоровьесберегающее поведение может рассматриваться как ситуативное восприятие личностью повседневных практик, как особый тип социального поведения, закрепляемый в повседневной реальности.

Однако практическая реализация сознательного отношения индивида к своему здоровью как к социальной ценности в современном российском обществе, как показали исследования³, находится на низком уровне. Населению мешают заботиться о своем здоровье недостаточность материальных средств, нехватка времени, отсутствие бытовых условий, неэффективность медицинского обслуживания, нервная обстановка в семье и на работе.

В этой связи возникает необходимость выявления детерминант, которые бы закрепляли здоровьесберегающее поведение в повседневных практиках.

Потребность в здоровье наблюдается у людей на биологическом, психологическом, духовном и поведенческом уровнях.

Биологический уровень – уровень роста и развития органов и системорганизма, обеспечивает физическую работоспособность и адекватную адаптацию человека к внешним условиям.

Психологический уровень характеризует состояние психической сферы, которая определяется мотивационно-эмоциональными, мыслительными и нравственно-духовными компонентами. В последнее десятилетие значительное влияние на здоровье оказывают психосоциальные факто-

ры: психосоциальный стресс и тесно связанные с ним тревожные и депрессивные состояния.

Духовный уровень – это система ценностей человека, позволяющих ему устойчиво существовать и развиваться. Духовное здоровье предполагает доброе отношение к людям, отсутствие в характере человеконенавистнических черт, уверенность в будущем, положительный настрой на преодоление трудностей, что очень важно для создания благожелательного фона человеческих отношений в обществе и реализации здоровьесберегающего поведения.

Поведенческий уровень выражается в жизненной позиции человека по отношению к своему здоровью. Он также включает и межличностные отношения, которые определяют адекватность взаимодействия с внешней средой и способность личности эффективно трудиться.

В наибольшей степени эти составляющие здоровьесберегающего поведения выражены в повседневных практиках молодежи, так как, во-первых, данной категории труднее всего соблюдать правила здорового образа жизни, а во-вторых, в молодом возрасте формируется устойчивая, индивидуальная система ценностных ориентаций, способная обеспечить здоровьесберегающее поведение на весь последующий образ жизни.

Для выяснения вопроса, как относится к проблеме здорового образа жизни учащаяся молодежь в возрасте от 18 до 24 лет, было проведено авторское социологическое исследование методом формализованного интервью. Было опрошено 100 студентов саратовских вузов, из них 65,3% составляли мужчины и 34,7% женщины.

По итогам опроса, 66% респондентов считают, что состояние здоровья зависит от усилий самого человека, 24% – что состояние здоровья скорее зависит от усилий человека, чем нет, а 10% – что скорее не зависит.

Парадигма социального пространства, представленная в работах П. Бурдьё⁴, объективно способствует обращению исследователя к анализу образа жизни человека. Комплекс жизненных процессов, определяющий сознательное отношение индивида к своему здоровью как социальной ценности, составляет здоровый образ жизни. Видимо, поэтому большинство опрошенных (68,2%) считают, что состояние здоровья зависит от образа жизни, 24,4% респондентов ответили, что скорее зависит, чем нет, 7,4% считают, что скорее не зависит.

Здоровый образ жизни зависит от ряда факторов, которые можно разбить на четыре группы.

Первая группа факторов – все то, что окружает человека, что называется средой (квартира, улицы, транспорт, природа, люди вокруг). Оценивая значимость данного фактора, 55% опрошенных ответили, что состояние здоровья в большой степени зависит от состояния окружающей среды, почти 35% считают, что скорее

зависит, чем нет, и 10% ответили, что состояние здоровья не зависит от состояния окружающей среды или зависит в небольшой степени.

Вторая группа факторов включает в себя удовлетворение потребностей человека: потребление продуктов питания, лекарств, никотина, алкоголя, наркотиков. Более половины опрошенных заявили, что отсутствие вредных привычек совершенно необходимо для заботы о здоровье. Следует отметить как положительный момент, что 99% респондентов не употребляют наркотические средства и только 1% употребляют от случая к случаю.

Результаты опроса показали, что 74% респондентов не курят, 20% курят, но редко, 6% курят постоянно, выкуривая до 0,5 пачки в день. На вопрос о частоте употребления спиртных напитков 67% ответили – только по праздникам, 21% – что употребляют спиртные напитки 3,4 раза в неделю, 11% не употребляют вообще, 1% ответили – по настроению.

Третью группу факторов составляет режим жизни (труд и отдых, сон и бодрствование, ритмичность в работе), т. е. то, что человек делает с собой в результате волевых усилий и осознания необходимости своих действий. Сюда можно отнести занятия физической культурой и спортом, закаливание, традиции в сохранении здоровья. Исследование показало, что студенты вузов в заботе о здоровье на первое место ставят нормальный режим питания, занятия физкультурой и спортом, соблюдение режима отдыха и сна. Так ответили почти 80% опрошенных.

Важность соблюдения режима труда и отдыха, ритмичности в работе была отмечена в трудах С. Г. Струмилина. Ученый обосновывал необходимость рационального сочетания свободного труда и отдыха для сбалансированного развития человека. Он обращал внимание на тот факт, что 8-часовой рабочий день является оптимальным и с точки зрения физиологии, и с точки зрения максимальной продуктивности труда⁵.

Четвертую группу факторов образует воздействие функционирования социальных институтов (системы здравоохранения, образования), социальные нормы здорового образа жизни.

Одним из важных показателей в оценке успешности здоровьесберегающего поведения является индекс человеческого развития (ИЧР). Он показывает, насколько в стране созданы условия для развития личностного потенциала. В этом индексе три компонента: средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении – отражающая эффективность здравоохранения; среднее число лет обучения взрослых и ожидаемое число лет обучения детей и молодежи – характеризующая доступность образования; индекс валового национального дохода на душу населения⁶. За последнее десятилетие в России отмечался экономический рост, который способствовал росту ИЧР. По данным ООН, в 2011 г. в

рейтинге стран по ИЧР Россия входила в группу 187 стран с высоким значением этого показателя и занимала 66-е место. Бывшие страны Балтии, для сравнения, занимают по ИЧР: Эстония – 34-е, Литва – 40-е, Латвия – 43-е места⁷.

Однако в России ИЧР характеризуется несбалансированностью своих компонентов. Поэтому расчет индекса необходимо проводить с учетом не только здравоохранения и образования, но и реализуемой государством социально-экономической политики⁸. Следует отметить, что в последнее время в России осуществлялась активная законодательная деятельность. Был принят Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», утверждена Правительством РФ «Государственная Программа развития здравоохранения РФ до 2020 года», действует Национальный проект «Здоровье». Немаловажным обстоятельством в здоровьесберегающем поведении населения является качество медицинской помощи⁹. По результатам проведенного интервью выяснилось, что во время заболевания большинство учащейся молодежи (55%) обращается к врачу только за больничным листом, 20% обращаются к врачу на 4–5-й день болезни, не обращаются совсем 15%, обращаются в первые дни недомогания 10% опрошенных.

Рассмотренные в работе факторы доказывают, что здоровьесберегающее поведение – это система социальных и поведенческих практик, определяющих благоприятные условия жизнедеятельности человека, уровень его поведенческой культуры, гигиенические навыки, желание поддерживать оптимальное качество жизни. Однако структура мотивации здорового образа жизни, в основе которой лежит потребность сохранить и укрепить здоровье, в среде студенческой моло-

дежи г. Саратова представлена весьма нечетко. Поэтому необходимо усилить изучение аксиологического фактора в здоровьесберегающем поведении, считая здоровье высшей жизненной ценностью.

Примечания

- ¹ См.: Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990.
- ² См.: Шюц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 31.
- ³ См.: Шматова С. С. Опыт социологической интерпретации практик здоровьесберегающего поведения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 58–60.
- ⁴ См.: Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Алетей, 2007. (Серия Gallicinium)
- ⁵ См.: Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М. : Наука, 1982. С. 53.
- ⁶ См.: Шилова Л. С. Модернизация российского здравоохранения : вызовы, ожидания и реальность // Вестн. Ин-та социологии. 2013. № 6. С. 146–162.
- ⁷ См.: Программа развития ООН : Индекс человеческого развития в странах мира в 2011 году // Центр гуманитарных технологий : [сайт]. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/11/03/3705> (дата обращения: 12.10.2016).
- ⁸ См.: Носкова Е. П., Ермолаева П. О. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // Социс. 2015. № 4. С. 120–129.
- ⁹ См.: Шарабчиев Ю. Т., Дудина Т. В. Доступность и качество медицинской помощи : слагаемые успеха // Медицинские новости. 2009. № 12. С. 6–12. URL: <http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=4477> (дата обращения: 28.10.2016).

Образец для цитирования:

Шматова С. С. Социальные детерминанты здоровьесберегающего поведения (на примере студентов вузов) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 56–58. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-56-58.

Cite this article as:

Shmatova S. S. Social Determinants of Healthcare Behavior of Students. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 56–58 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-56-58.

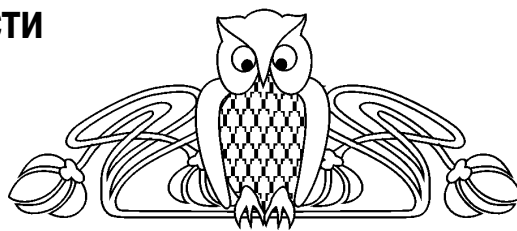

УДК 316.422.42

ОПК КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА

И. Н. Юренков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: www.igor1992@gmail.com

В статье рассматривается оборонно-промышленный комплекс как фактор существования и развития государства. Особое внимание уделяется базовым элементам и понятиям в области ОПК.
Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, развитие, прогресс, обороноспособность, потенциал, мощь.

Military-Industrial Complex as an Important Factor of Stability of Social System of the State

I. N. Yurenkov

The article deals with the military-industrial complex as an important factor of stability of social system of the state. Particular attention is paid to the basic elements and concepts in the field of defense industry.
Key words: military-industrial complex, development, progress, defenses, potential, power.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-59-61

Проблемы развития государства в современных экономических условиях, решение которых определяет возрождение индустриальной и оборонной мощи страны, тесно связаны со сложной совокупностью научных, производственно-экономических и социальных вопросов, требующих приоритетного внимания со стороны государства и различных институтов гражданского общества.

Исключительно высокая неоднородность условий инновационной деятельности в различных отраслях промышленности России является существенной особенностью современной российской экономики.

На сегодняшний день очевидна важность создания научно обоснованной программы развития оборонно-промышленного комплекса, который продолжает оставаться важнейшим столпом государства. В 2010–2014 гг. предприятия ОПК показали положительную динамику развития, увеличили объем производства, удалось обеспечить выпуск на основе использования технологий двойного назначения конкурентоспособной на внутреннем и внешних рынках высокотехнологичной продукции¹.

По данным АО «Рособоронэкспорт», компанией к 2015 г. продукции военного и двойного назначения на экспорт было поставлено на сумму свыше 115 млрд долл. США². Важным фактором наметившихся положительных тенденций стала политика, направленная на интеграцию в ОПК. Например, в авиастроении функционирует Объ-

единенная авиастроительная корпорация, в судостроении – судостроительная корпорация.

Но кроме государственного финансирования развития оборонно-промышленного комплекса необходимы действенные механизмы, направленные на укрепление обороноспособности государства. Следуя логике, целесообразно раскрыть основные слагаемые понятия «обороноспособность». В сегодняшней военно-экономической литературе понятия «обороноспособность» и «военная мощь» трактуются как очень схожие по смыслу или вообще отождествляются. Оборонноспособность или военная мощь – это общность материальных и духовных сил на конкретный период, предназначенная для того, чтобы обеспечить существование и безопасность³.

Военная мощь определяется всей системой потенциальных возможностей государства, а экономический потенциал является основой других ее составляющих, так как он подразумевает их экономическое обеспечение.

Экономический потенциал – это существующие ресурсы, которые государство имеет для создания материальных благ и оказания услуг, чтобы удовлетворить свои объективные потребности. Эти ресурсы рассчитываются, опираясь на количество и качество существующих в доступе факторов производства. При всем этом разделяют материальный фактор и человеческий, они имеют определенные показатели, с помощью которых возможно рассмотреть экономические потенциалы различных государств. Характеристиками экономического потенциала выступают количество и состав трудовых ресурсов, производственных основ, природных ресурсов, топлива, энергии. Экономический потенциал зависит также от территориального размещения государственного хозяйства. Разумное и целесообразное расположение производительных сил есть важнейшее условие для развития экономической мощи.

Базовым элементом экономического потенциала является военно-экономический потенциал – возможность государства иметь и развивать вооруженные силы, способствовать прогрессу их боеготовности и боеспособности, постоянно направлять обученные кадры, поставлять ВС современные виды оружия и военной техники, снабжать армию всеми необходимыми видами довольствия в мирное и военное время.

Важно подчеркнуть, что реальной базой военно-экономического потенциала, а значит, и военной мощи, являются экономические возможности государства. Экономические показатели, грамотное использование экономического потенциала способствуют количественным и качественным параметрам Вооруженных сил. Исходя из всего этого и выходит понятие «экономические основы обороноспособности государства».

К тому же экономический потенциал показывает реалистичное состояние общественного производства. Реальное же удовлетворение многообразных потребностей общества в конкретный период называется экономической мощью. Чем больше используется потенциал, тем максимальнее экономическая мощь. Базовыми показателями экономической мощи являются: уровень валового внутреннего продукта, показатели национального дохода, объемы общественного производства, и, конечно, динамика производства соответствующих видов товаров⁴.

Анализируя укрепление обороноспособности, необходимо не только предметно рассматривать экономический потенциал и экономическую мощь государства, но и оценивать ту их часть, которая потенциально может быть использована для погашения военно-экономических потребностей. Вместе с тем касательно обороны экономическая мощь показывается с двух сторон: есть необходимость постоянной поддержки удовлетворительного состояния военной мощи в мирное время и максимально возможного состояния военно-экономического напряжения в условиях ведения войны.

Для того чтобы поддержать обороноспособность и существование страны, необходима военная экономика. Ее количественные параметры определяют военно-экономическую мощь государства, именно те области экономической мощи, которые будут задействованы для поддержания военных потребностей в конкретный временной отрезок.

Военно-экономический потенциал показывает реальные экономические возможности, которые будут готовы для использования и в случае необходимости могут быть задействованы для решения оборонных вопросов.

Характеризуя обороноспособность государства, важно учитывать такие параметры экономического обеспечения военных потребностей, как экономическая мобилизация, военно-экономическая готовность и военно-экономическая мобильность. Экономическая мобилизация обеспечивает процесс перестройки экономики в целях удовлетворения потребностей войны, т. е. коренное изменение всех воспроизводственных пропорций для многократного увеличения производства оружия и прочих продуктов военного назначения⁵.

Военно-экономическая готовность и военно-экономическая мобильность обеспечивают необходимые сроки для превращения экономической мощи в военно-экономическую мобильность и показывают способность военной экономики к

переходу на производство и передачу войскам новейших видов продукции военного характера ввиду изменения потребностей военных.

В области структурных компонентов военно-экономического потенциала важное место занимает та часть промышленно-производственного потенциала страны, которая обеспечивает выпуск продукции военного назначения. К ним следует отнести отрасли, которые функционально и организационно образуют оборонно-промышленный комплекс, представляющий целостную организационно-экономическую систему, объединяющую предприятия и организации различных форм собственности и организационно-правового статуса, предназначенные для выполнения исследований, разработок, производства, ремонта и утилизации товаров оборонного назначения⁶.

Деятельность ОПК ведется, прежде всего, в следующих направлениях: освоение новейших разработок военного и двойного использования; изобретение и сборка вооружений и техники для армии; производство вооружений для поставок за рубеж в сфере военно-технического сотрудничества; изобретение и сборка товаров гражданской сферы для собственной экономики и поставок на экспорт.

Эффективность сферы военного производства прямо или косвенно зависит от: численности и доли людских ресурсов, занятых в производстве ВВТ; объема и доли производственных фондов, используемых в разных областях военной и гражданской экономики; стоимостных и натуральных показателей производства вооружения и другой продукции оборонного назначения; финансовых показателей деятельности предприятий ОПК⁷.

Важно подчеркнуть следующее. Военная экономика должна обеспечить ресурсами военную безопасность, не подрывая при этом экономической и других видов безопасности государства. Значит, система военного-экономического обеспечения военного строительства должна вписываться в систему экономики национальной безопасности как ее элемент, органически связанный с другими элементами⁸.

Таким образом, основными слагаемыми обороноспособности являются численность вооруженных сил, экономические возможности их обеспечения всем необходимым для выполнения конкретных задач по сохранению независимости, суверенитета государства и территориальной целостности; качественное состояние вооруженных сил, их структура, соотношение видов и родов войск, уровень боеготовности и боеспособности, профессиональная и техническая подготовленность личного состава; оснащение ВС эффективными образцами вооружений, специализированной техники, а также качество управления войсками на всех уровнях руководства.

Именно последний элемент – оснащение армии и флота эффективными образцами вооружения, разработка и реализации госпрограмм воору-

жения, создание конкурентоспособной продукции военного назначения – является системной задачей прогресса сферы производства.

Осознание потенциала ОПК и закономерности выделения ему роли локомотива в качественном развитии российской экономики вызвало усиление внимания к обстановке в области «оборонки» почти во всех ветвях государственной власти⁹.

В приоритете стратегически важные предприятия, занимающиеся выпуском продукции в сфере высоких технологий, к которым относится, например, двигателестроение. Не случайно одна из задач, поставленных перед Государственной корпорацией «Ростех», – создание интегрированных структур в двигателестроении и внедрение государственной стратегии в этой сфере¹⁰. АО «НПЦ газотурбостроения “Салют”» заслуженно считается одним из самых успешных предприятий в двигателестроительной области, стало лидером создания интегрированной производственной структуры. В 2015 г. предприятие было преобразовано в акционерное общество и вошло в Объединенную двигателестроительную корпорацию (АО «ОДК»), которая объединяет больше 85% активов отрасли¹¹. Объединенная двигателестроительная корпорация – интегрированная структура, которая производит двигатели для военной и гражданской авиации, космических программ, установки различной мощности для производства электрической и тепловой энергии, газоперекачивающие и корабельные газотурбинные агрегаты. ОДК, в свою очередь, является дочерней компанией Объединенной промышленной корпорации «Оборонпром». В состав ОДК сегодня, помимо НПЦ газотурбостроения «Салют», входят 10 предприятий, между которыми налажены тесные кооперационные связи: АО «Климов», АО «Стар», АО «ОДК – Пермские моторы», АО «ОДК – газовые турбины», АО «ММП им. В. В. Чернышева», ПАО «Кузнецов», АО «НПП “Мотор”», ПАО «УМПО», ОАО «Авиадвигатель», ПАО «НПО “Сатурн”»¹².

Благодаря уникальному «фундаменту», Объединенная двигателестроительная корпорация стала мощнейшим центром двигателестроения. Она объединила лучший производственный, научно-технический, технологический и интеллектуальный потенциал всей отрасли. Именно это позволяет считать ее одним из столпов новейших технологий, разрабатываемых в России.

Развитие государства такого масштаба, как Россия, невозможно при ослаблении ее военной мощи. Разумеется, речь сегодня не может идти

о реанимации советского курса, когда страна проводила в военной области линию, явно не соизмеримую с ее возможностями. Эта линия в значительной мере привела к истощению сил и ослабила национальный экономический потенциал. Однако дальнейшее развитие не может осуществляться в условиях слабости военно-промышленного потенциала. Без сохранения на должном уровне запаса прочности в ОПК при любом повороте международной ситуации может возникнуть непосредственная угроза национально-государственным интересам России.

Современному этапу развития ОПК свойственны высокие темпы обновления и совершенствования. Научно-технический прогресс ускоряет развитие оружия и боевой техники, непосредственно влияет на мощь государства. Таким образом, ОПК является двигателем социально-экономического прогресса.

Примечания

- 1 См.: Отчет Правительства о результатах работы в 2014 году. URL: <http://government.ru/news/17768/> (дата обращения: 30.10.2016).
- 2 См.: Интервью заместителя генерального директора АО «Рособоронэкспорт» Сергея Гореславского МИА «Россия сегодня» к Международному военно-техническому форуму «Армия-2016». URL: http://roe.ru/rus_pr/rus_pr_16_09_06.html (дата обращения: 28.10.2016).
- 3 См.: Военная экономика (актуальные проблемы) / под ред. П. В. Соколова, В. А. Наумова. М., 1997. С. 75.
- 4 См.: Военная экономика. Теория и актуальные проблемы / под ред. А. И. Пожарова. М., 1999. С. 122.
- 5 Там же. С. 75.
- 6 См.: *Морозова В. Д.* Оборонно-промышленный комплекс России в рыночных условиях. СПб., 2000.
- 7 См.: Военная экономика. Теория и актуальные проблемы. С. 79.
- 8 Там же. С. 83.
- 9 См.: *Бажанов В. А., Соколов А. В.* Инновационная значимость оборонно-промышленного комплекса // ЭКО. 2008. № 3. С. 3–20.
- 10 См.: Содействие государственной политике по развитию и модернизации промышленности. URL: <http://rostec.ru/about/article/616> (дата обращения: 24.10.2016).
- 11 См.: Основные значимые даты в истории АО «НПЦ газотурбостроения “Салют”» 1912–2015. URL: <http://www.salut.ru/Section.php?SectionId=2> (дата обращения: 07.11.2016).
- 12 См.: АО «ОДК» – Структура. URL: <http://www.uecrus.com/rus/corporation/structure/> (дата обращения: 07.11.2016).

Образец для цитирования:

Юренков И. Н. ОПК как важный фактор стабильности социальной системы государства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 59–61. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-59-61.

Cite this article as:

Yurenkov I. N. Military-Industrial Complex as an Important Factor of Stability of Social System of the State. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 59–61 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-59-61.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 324+329

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2016 ГОДА

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены участие российских политических партий «второго эшелона» в выборах в единый день голосования 18 сентября 2016 г. и уровень их активности на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, а также на выборах в региональные законодательные (представительные) органы. На основе анализа данных ЦИК выделены группы наиболее активных политических партий в российских регионах, сделан прогноз по возможному изменению конфигурации «ядра» отечественной партийной системы в период следующего электорального цикла.

Ключевые слова: партийная система РФ, партии «второго эшелона», участие партий в региональных выборах, эволюция многопартийности.

The Evolution of the Russian Multi-party System after Election-2016

A. A. Vilkov

The author considers participation of the Russian political parties of the «second echelon» in election within the single voting day September 18, 2016, and the level of their activity during election of the heads of the subunits of the Russian Federation, as well as members of regional legislative (representative) bodies. Based on data from the Central Electoral Commission, the groups of the most active in the Russian regions political parties are distinguished, possible changes in configuration of the «heart» of the party system during the next electoral cycle are foreseen.

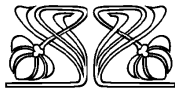
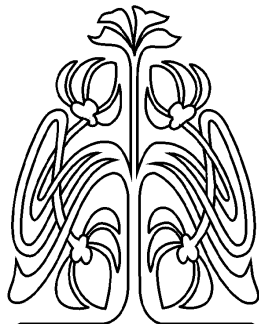
Key words: party system of the Russian Federation, parties of the «second echelon», parties' participation in regional elections, evolution of the multi-party system.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69

Участие российских партий в выборах является не только важнейшим направлением их деятельности, но и законодательно закрепленной обязанностью, без выполнения которой они не могут реализовывать другие партийные задачи¹. В результате внесения поправок 2011 г. в партийное законодательство к весне 2016 г. их количество возросло в 11 раз, и в Минюсте РФ были зарегистрированы 77 политических партий, 75 из которых по действующему законодательству имели право участвовать в выборах.

Всего к выборам в Государственную думу седьмого созыва были допущены 14 политических партий, результаты которых на данных выборах представлены в табл. 1.

Они свидетельствуют, что участие партий «второго эшелона»² в выборах в Государственную думу в сентябре 2016 г. закончилось тем, что ни одна из них не смогла преодолеть 5%-ный барьер и получить право на пропорциональное распределение депутатских мандатов. Победы кандидата от партии «Родина», кандидата от партии «Гражданская платформа», а также одного самовыдвиженца в одномандатных округах не изменили общей картины партийных фракций в Государственной думе, хотя и дали данным партиям определенные преференции в виде доступа к главной парламентской трибуне страны.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

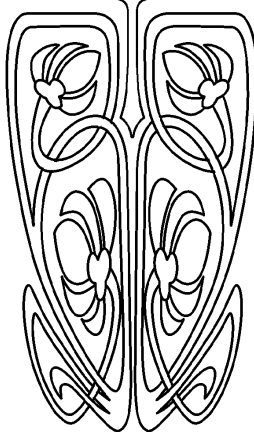

Таблица 1³

Сводная таблица результатов выборов по федеральному избирательному округу на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва

Политические партии	Результаты
1. Всероссийская политическая партия «Родина»	792 226 1.51%
2. Политическая партия «Коммунистическая партия Коммунисты России»	1 192 595 2.27%
3. Политическая партия «Российская партия пенсионеров за справедливость»	910 848 1.73%
4. Всероссийская политическая партия «Единая Россия»	28 527 828 54.20%
5. Политическая партия «Российская экологическая партия “Зеленые”»	399 429 0.76%
6. Политическая партия «Гражданская платформа»	115 433 0.22%
7. Политическая партия ЛДПР – Либерально-демократическая партия России	6 917 063 13.14%
8. Политическая партия «Партия народной свободы» (ПАРНАС)	384 675 0.73%
9. Всероссийская политическая партия «Партия Роста»	679 030 1.29%
10. Общественная организация Всероссийская политическая партия «Гражданская сила»	73 971 0.14%
11. Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия “ЯБЛОКО”»	1 051 335 1.99%
12. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ)	7 019 752 13.34%
13. Политическая партия «Патриоты России»	310 015 0.59%
14. Политическая партия «Справедливая Россия»	3 275 053 6.22%

Ряд российских партий не были допущены до выборов в Госдуму по различным причинам и обстоятельствам. Предусмотренные предвыборные съезды в необходимые сроки провели 14 партий, имевших право на участие в выборах без сбора подписей, а также 11 партий, которые должны были собрать 200 тыс. подписей в поддержку выдвигаемых партийных списков. Уже на этом этапе начался процесс «фильтрации» «новичков» на основе проверки соблюдения ими всех процедурных требований. В результате ЦИК РФ не признал правомочным съезд партии «Альянс зеленых», которая не уведомила о точном времени проведения своего мероприятия. Партии «Добрых дел» и «Народ против коррупции» провели предвыборные съезды, предусмотренные законодательством, но в силу ряда причин не предоставили необходимые документы в ЦИК РФ⁴.

Из 22 партий, сдавших документы, 19 заявили о выдвижении федеральных списков по единому избирательному округу, а партия «Возрождение аграрной России», Партия Возрождения Села и Партия родителей будущего выдвинули только списки кандидатов-одномандатников в мажоритарных округах. В результате проверки было выявлено, что у Партии социальных ре-

форм в списке отсутствуют региональные группы, и ей было отказано в регистрации.

Партия Великое Отечество (ПВО) и «Союз труда» не были допущены к выборам в Государственную думу в связи с тем, что в результате проверки ЦИК было выявлено превышение процента забракованных подписей⁵. Партия «Воля» не смогла собрать необходимые 200 тыс. подписей в свою поддержку⁶.

Лидеры ПВО попытались в судебном порядке оспорить данное решение, апеллируя к тому, что «принятая Постановлением форма подписного листа и 44-е требования к его заполнению ущемляет законные права граждан, выступающих в поддержку той или иной партии. Попраны гарантии защиты персональных данных людей, ставящих подписи в подписном листе»⁷. Однако Верховный Суд отклонил все обвинения ПВО о том, что действующее Постановление, определяющее работу Центральной избирательной комиссии, противоречит Конституции и ФЗ «О защите персональных данных». В итоге ПВО заключило соглашение о поддержке на выборах ВПП «Родина», что само по себе может быть расценено как одна из предпосылок для интеграционного процесса патриотических сил в современной России.

Родная Партия не была зарегистрирована в связи с выявлением нарушений о предоставлении в ЦИК данных об отсутствии у кандидатов из партийного списка счетов и ценностей в иностранных банках, а также нарушений в процессе сбора подписей⁸.

Однако участие в выборах в Государственную думу не было единственной формой проявления возможностей и целей российских партий. Кроме того, в единый день голосования 18 сентября 2016 г. прошли выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) в Республике Коми, Республике Тыва, Чеченской Республике, Забайкальском крае, Тверской, Тульской и Ульяновской областях. В Карачаево-Черкесской Республике и Республике Северная Осетия-Алания главы избираются региональными парламентами.

Кроме «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» достаточно активно в выдвижении кандидатов на эту должность принимали участие и другие партии⁹. Кандидаты от партии «Патриоты России» были зарегистрированы в Республике Коми и Забайкальском крае (еще один в Республике Тыва отказался от участия). «Коммунисты России» выдвигали

кандидатов в четырех субъектах РФ: Тверской, Тульской и Ульяновской областях они были зарегистрированы, в Республике Коми был отказ в регистрации. «Зеленые» зарегистрировали своего кандидата в Ульяновской области, Аграрная партия России – в Забайкальском крае. Кандидат от «ЯБЛОКО» был зарегистрирован в Ульяновской области, от Партии Роста – в Чеченской Республике. ПАРНАС выдвигал своего кандидата в Республике Тыва, но он не был зарегистрирован. «Российская партия пенсионеров за справедливость» выдвигала двух кандидатов, один из которых был зарегистрирован в Тульской области, а в Республике Тыва получил отказ в регистрации. Партия «ЧЕСТНО» выдвигала кандидата в Республике Тыва, но не сдала необходимые документы. «Демократическая правовая Россия» выдвигала кандидата в Республике Тыва, а партия «Национальный курс» – в Тверской области, но получили отказ в регистрации.

Кроме того, о ресурсах и уровне политической активности партий «второго эшелона» можно судить также по участию в выборах в региональные законодательные (представительные) органы, которые прошли в единый день голосования в Российской Федерации 18 сентября 2016 года (табл. 2).

Таблица 2¹⁰

Сведения о заверении и регистрации списков кандидатов по единым избирательным округам на выборах депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации 18 сентября 2016 года

Партии	Количество субъектов РФ, где были выдвинуты	Количество субъектов РФ, где были зарегистрированы	Выдвинуто кандидатов	Зарегистрировано кандидатов	Зарегистрировано по состоянию на 16 сентября 2016 г.	Отказы в заверении	Отказались от участия в выборах либо не представили документы на регистрацию	Отказы в регистрации	Отмена регистрации по решению суда
«Единая Россия»	39	39	2936	2920	2902	–	–	–	–
КПРФ	39	39	2574	2551	2509	–	–	–	–
ЛДПР	38	38	2161	2140	2099	–	–	–	–
«Справедливая Россия»	39	39	2428	2387	2354	–	–	–	–
«ЯБЛОКО»	29	27	1101	1061	1020	–	–	–	–
«Патриоты России»	23	18	968	795	787	–	–	–	–
Партия Роста	24	13	1039	722	537	1	1	9	–
«Коммунисты России»	26	9	1685	570	442	–	–	15	2
Российская партия пенсионеров за справедливость	15	9	614	365	359	1	1	4	–
«Родина»	23	8	1290	541	343	–	–	14	–
«Зеленые»	7	5	447	274	273	–	–	2	–
«Гражданская платформа»	5	3	164	124	124	–	–	2	–
Партия пенсионеров России	3	2	84	70	68	–	–	1	–
«РОТ ФРОНТ»	5	2	199	91	89	–	–	3	–
Народная партия «За женщин России»	3	2	174	114	113	–	–	1	–

Окончание табл. 2

Партии	Количество субъектов РФ, где были выдвинуты	Количество субъектов РФ, где были зарегистрированы	Выдвинуто кандидатов	Зарегистрировано кандидатов	Зарегистрировано по состоянию на 16 сентября 2016 г.	Отказы в заверении	Отказались от участия в выборах либо не представили документы на регистрацию	Отказы в регистрации	Отмена регистрации по решению суда
Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС)	2	2	103	99	98	–	–	–	–
Партия Великое Отечество	10	1	336	41	41	–	2	7	–
«Союз Труда»	6	1	183	65	62	–	1	4	–
Партия «Добрых дел»	6	1	105	19	19	–	2	3	–
«Альянс зеленых»	2	1	88	57	57	–	–	1	–
Казачья партия Российской Федерации	2	1	52	34	33	–	–	1	–
ПАРНАС	1	1	23	23	23	–	–	–	–
«Гражданская сила»	1	1	17	17	17	–	–	–	–
Трудовая партия России	1	1	107	101	100	–	–	–	–
Партия Дела	1	1	18	18	18	–	–	–	–
Партия садоводов	1	1	74	69	64	–	–	–	–
«Женский диалог»	1	1	77	71	71	–	–	–	–
Партия Возрождения России	1	1	101	98	84	–	–	–	–
Партия Возрождения Села	1	1	89	75	75	–	–	–	–
«Российский общенародный союз»	2	0	47	–	–	1	–	1	–
«Народ против коррупции»	3	0	206	–	–	–	–	3	–
Партия за справедливость	1	0	30	–	–	–	–	1	–
«Воля»	1	0	33	–	–	–	–	1	–
«Защитники Отечества»	1	0	51	–	–	–	–	1	–
Партия Социальных Реформ	1	0	52	–	–	–	–	1	–
«Оплот России»	1	0	15	–	–	–	–	1	–
Партия родителей будущего	1	0	65	–	–	1	–	1	–

Ранжирование партий по двум основным критериям (выдвижение партийного списка и регистрация данного списка на выборах в региональные парламенты в субъектах Российской Федерации) позволяет выделить несколько групп.

К первой относятся партии-фавориты, партии «первого эшелона», демонстрирующие наличие организационных ресурсов фактически во всех субъектах РФ (исключение составило отсутствие выдвижения списка ЛДПР в Чеченской Республике, где партию считают откровенно националистической), в которых в 2016 г. прошли выборы в региональные парламенты. Для партий-фаворитов участие в данных выборах является не только борьбой за прохождение своих кандидатов в региональные парламенты, но и подтверждением статуса ведущих парламентских партий России и демонстрацией имиджа всероссийских партий, имеющих необходимые ресурсы на территории всей страны.

Во вторую группу входят партии, стремящиеся закрепиться в качестве ведущих политических партий «второго эшелона» и претендующие на то, чтобы попытаться прорваться в группу «первого эшелона». Из табл. 2 видно, что РОДП «ЯБЛОКО», «Патриоты России», Партия Роста, «Коммунисты России», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Родина» выдвигали партийные списки на выборах во многих субъектах Российской Федерации и добивались регистрации в значительной части из них. Наибольший успех продемонстрировала РОДП «ЯБЛОКО», которой удалось принять участие более чем в двух третях региональных выборов и в ряде из них добиться успеха.

К третьей группе можно отнести партии, которые пытались добиться участия в нескольких предвыборных региональных кампаниях: «Зеленые», «Гражданская Платформа», Партия пенсионеров России, «РОТ ФРОНТ», Народная партия «За женщин России», Коммунистическая

партия социальной справедливости (КПСС), Партия Великое Отечество, «Союз Труда», Партия «Добрых дел». Особо можно выделить позицию Партии Великое Отечество, имеющей неплохой лидерский и информационный ресурс на федеральном уровне, но для которой камнем преткновения для регистрации становится сбор необходимых подписей в российских регионах.

Еще в одну группу можно выделить партии, которые выдвигали списки в одном–двух субъектах Российской Федерации и были зарегистрированы в одном из них: «Альянс зеленых», Казачья партия Российской Федерации, ПАРНАС, «Гражданская сила», Трудовая партия России, Партия Дела, Партия садоводов, «Женский диалог», Партия Возрождения России, Партия Возрождения Села. Такая стратегия концентрации ресурсов нацелена на то, чтобы постараться получить представительство хотя бы в одном региональном парламенте, что позволяет в будущем получить возможность участвовать в выборах (в том числе в Государственную думу) без сбора подписей.

Группу «неудачников» составляют также партии, списки которых не были зарегистрированы на данных выборах: «Российский общенародный союз», «Народ против коррупции», Партия за справедливость, «Воля», «Защитники Отечества», Партия Социальных Реформ, «Оплот России», Партия родителей будущего.

Еще одна большая группа партий совсем не участвовала в региональных избирательных кампаниях по выборам в законодательные (представительные органы) субъектов Российской Федерации: «Города России», Демократическая партия России, «Молодая Россия», Аграрная партия России, Народная партия России, Партия свободных граждан, «Союз горожан», Социал-демократическая партия России, Партия социальной защиты, Партия Мира и Единства, Монархическая партия, «ЧЕСТНО», «Народный альянс», «Демократический выбор», Партия ветеранов России, Партия Духовного Преображения России, Политическая партия «Национальной безопасности России», «Против всех», Российская партия народного управления, Российская Социалистическая партия, «Рожденные в СССР», Партия Социальной Солидарности, «Гражданская инициатива», «Развитие России», Объединенная аграрно-промышленная партия России, «Демократическая правовая Россия», «Национальный курс», «Автомобильная Россия», «Достоинство», Родная партия, Партия защиты бизнеса и предпринимательства, «Здоровые силы», Интернациональная партия России, «Возрождение аграрной России», Партия поддержки.

Это явные аутсайдеры среди партий «второго эшелона». Понятно, что совокупность причин отсутствия результативности у каждой конкретной партии будет своя и требует отдельного рассмотрения, но факт массовой пассивности налицо.

На выборах депутатов законодательных (представительных) органов административных центров субъектов Российской Федерации ситуация с участием политических партий «второго эшелона» идентична, и наиболее активно ведут себя партии, обозначенные выше.

Например, на выборах депутатов Совета городского округа города Уфа Республики Башкортостан кроме партий-фаворитов принимала участие партия «Патриоты России», которая в результате смогла преодолеть 5%-ный барьер (5,02%). На выборах депутатов Совета местного самоуправления городского округа Нальчик Кабардино-Балкарской Республики «Патриоты России» набрали 7,83% голосов. Кроме того, в результате выборов в этом органе представлен также депутат от Российской экологической партии «Зеленые» (5,69%).

В Республике Карелия на выборах депутатов Петрозаводского городского Совета кроме партий-фаворитов в выборах принимали участие «родинцы» и представители политической партии «Российский Объединенный Трудовой Фронт», которые хотя и не преодолели барьер в 5%, но смогли закрепиться в информационном пространстве региона.

На выборах депутатов Пермской городской думы РОДП «ЯБЛОКО» получила 7,11% и оказалась представлена в данном органе. На выборах Совета депутатов Калининграда «ЯБЛОКО» получило 5,27%.

Партия Роста участвовала в выборах депутатов Ставропольской городской думы (3,16%) и Пермской городской думы (3,66%).

В выборах депутатов Саратовской городской думы участвовали 9 партий, и хотя 5%-ный барьер преодолели лишь партии-фавориты, уровень конкуренции свидетельствует о том, что региональные отделения партий «второго эшелона» пытаются расширить свое влияние на избирателей.

Анализ материалов ЦИК о региональном уровне участия партий в выборах позволяет выявить ряд интересных политических тенденций в развитии российской многопартийности.

Первая тенденция состоит в том, что значительная часть российских партий, зарегистрированных после поправок о «либерализации» в 2016 г., не проявили себя не только на выборах в Государственную думу, но и на региональных выборах. Главная причина видится в отсутствии работоспособных региональных отделений партий и соответствующих лидеров на местах, способных собрать необходимые документы для участия в выборах и конкурировать с другими партиями. Это свидетельствует о том, что опасения политологов о том, что российским избирателям во время голосования придется выбирать из многих десятков политических партий, не оправдались и процесс «кристаллизации» российской многопартийности объективно неизбежен.

Вторая тенденция состоит в том, что, несмотря на доминирование ведущих политических

партий РФ на региональных выборах, ситуация здесь с позициями партий «второго эшелона» не столь однозначно бесперспективная.

Например, результаты выборов 2016 г. в Карелии (табл. 3) свидетельствуют о том, что концентрация организационных, лидерских и

информационных ресурсов дает возможность добиться успехов в том числе и либеральным партиям. В результате по итогам данных выборов РОДП «ЯБЛОКО» представлена в Заксобрании Республики Карелия тремя депутатами (Э. Э. Слабунова О. Е. Залецкая, А. С. Роголевич).

Таблица 3¹¹

Результаты голосования по партийным спискам на выборах депутатов Законодательного собрания Республики Карелия шестого созыва (18.09.2016 г.)

Партия	Результаты
1. Политическая партия «Справедливая Россия»	32 931 15.54%
2. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»	30 599 14.44%
3. Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО»»	20 958 9.89%
4. Политическая партия ЛДПР – Либерально-демократическая партия России	40 069 18.91%
5. Всероссийская политическая партия «Родина»	3841 1.81%
6. Всероссийская политическая партия «Единая Россия»	70 359 33.20%
7. Политическая партия «Патриоты России»	4000 1.89%

На выборах в Псковское областное собрание «ЯБЛОКО» получило 6,09%, а в Законодательное собрание Санкт-Петербурга – 9,77%. Более трех процентов голосов «ЯБЛОКО» получило также на выборах в Алтайское краевое законодательное собрание (3,13%), в Законодательное собрание Пермского края (3,82%), в Законодательное собрание Вологодской области (3,23%), Калининградскую областную думу шестого созыва (3,36%), в Законодательное собрание Ленинградской области (3,71%), в Законодательное собрание Свердловской области (3,32%), в Законодательное собрание Тверской области (3,02%), в Законодательную думу Томской области (3,91%). На выборах в Московскую областную думу избирательное объединение «ЯБЛОКО – Объединенные демократы» Московской области получило 4,01% голосов, а в Новгородской области – 4,83%. Эти данные позволяют прогнозировать дальнейшее функционирование РОДП «ЯБЛОКО» в качестве одной из ведущих среди оппозиционных партий «второго эшелона». Усилению позиций либерального крыла мешает продолжающаяся конфликтная ситуация лидеров «ЯБЛОКА» с руководством Партии народной свободы (ПАРНАС) и их жесткая негативная позиция по вопросу о возвращении Крыма в состав России и по конфликту на Юго-Востоке Украины.

Партия «Патриоты России» на выборах в Законодательное собрание Красноярского края набрала 6,50%, в Калининградской области – 5,94%, в Народное собрание Республики Ингушетия – 1,28%, в Дагестане – 0,95%, в Карелии – 1,89%, в Республике Чувашия – 1,08%, в Камчатском крае – 2,10%, в Амурской области

– 0,77%, в Московской – 0,74%, Оренбургской – 1,29%, в Псковской – 1,68%, в Свердловской – 0,75%, в Томской – 0,83%, в Тюменской области – 0,82%, в Ханты-Мансийском автономном округе – 1,41%.

Партия «Родина» на выборах в Тамбовскую областную думу набрала 8,82%, в Народное собрание Республики Ингушетия – 2,52%, в Карелии – 1,81%, в Красноярском крае – 1,67%, в Ленинградской области – 2,26%, в Липецкой – 0,95%, в Московской – 2,49%, в Мурманской – 2,03%, в Нижегородской области – 1,60%.

Партия Роста на выборах в Законодательное собрание г. Санкт Петербурга 2016 г. получила 10,72%, в Народное собрание Республики Ингушетия – 1,87%, в Пермской области – 2,48%, в Московской – 2,26%, в Нижегородской – 1,03%, в Омской – 2,98%, в Оренбургской – 1,37%, в Псковской – 1,49%, в Самарской – 1,99%, в Свердловской – 1,72%, в Томской – 2,19%, в Тюменской области – 1,11%.

К активной группе относится также Коммунистическая партия Коммунисты России. В 2015 г. на выборах в законодательное (представительное) собрание Республики Коми список от КПКР был близок к преодолению 5%-ного барьера (4,23%). В Белгородской области они получили 2,17%, в Костромской – 3,57%, в Рязанской области – 1,96%. В единый день голосования 2016 г. на выборах в Законодательное (представительное) собрание Республики Адыгея «Коммунисты России» набрали 2,53%, в Красноярском крае – 2,33%, в Вологодской области – 2,52%, в Кировской – 3,27%, в Липецкой – 2,67%, в Мурманской – 1,54%, в Нижегородской – 2,55%, в

Самарской – 2,39%, в Тверской области – 2,26% голосов избирателей.

Достаточно активно участвует в региональных выборах Российская экологическая партия «Зеленые». В 2015 г. на выборах в Законодательное (представительное) собрание Белгородской области они получили 1,01%, в Костромской – 0,53%, в Рязанской области – 1,13% голосов избирателей. В 2016 г. «Зеленые» приняли участие в региональных выборах в законодательные (представительные) собрания Ставропольского края (1,91%), Курской (2,55%), Московской (1,43%), Свердловской (1,60%) и Томской (2,29%) областей.

Об уровне результативности ряда других партий «второго эшелона» можно судить по следующим данным. Например, Народная партия «За женщин России» в единый день голосования 18 сентября 2016 г. на выборах в Законодательное собрание Амурской области получила 1,45%, а в Свердловской области – 2,22% голосов.

Коммунистическая партия социальной справедливости в 2015 г. на выборах в Магаданскую областную думу получила 1,66%, а в 2016 г. на выборах в Законодательное собрание Амурской области – 2,50% голосов.

Партия пенсионеров России в 2016 г. на выборах в Законодательное собрание Амурской области получила 1,34%, в Калининградской – 3,29%, в Мурманской области – 1,96% голосов.

Партия «Города России» в 2015 г. на выборах в Законодательное (представительное) собрание Костромской области получила 0,24%, Партия свободных граждан на этих выборах получила 0,17% голосов.

Условно их можно отнести к группе партий «второго эшелона» с невысокими, но достаточно стабильными показателями уровня результативности. Тем не менее, у данных партий в ряде субъектов Российской Федерации есть реально функционирующие региональные отделения, есть сайты, на которых имеется открытая и постоянно доступная для российских граждан информация о целях и задачах партии, есть лидеры, умеющие донести позицию партии до российских избирателей.

В рамках данной статьи мы не ставили перед собой задачи подробно рассмотреть участие в выборах в отдельных регионах каждой зарегистрированной партии Российской Федерации. В каждом конкретном случае результат этого участия определяется совокупностью многих внутрипартийных и внешних факторов (уровень и острота конкуренции со стороны других партий, социально-экономическая, социально-политическая и этноконфессиональная ситуация в регионе, имиджевый ресурс кандидатов и их известность в регионе, характер использования административного ресурса и др.).

Кроме того, анализируя отечественную многопартийность, нельзя забывать, что часть

партий изначально создавались как партии-спойлеры, «партии-сателлиты», функционально предназначенные для выполнения специфических задач, которые не прописаны в их программах и уставах и публично не озвучиваются лидерами данных партий. Деятельность таких партий на выборах различного уровня носит «вторичный», не самостоятельный характер и подчинена логике «глобальной» конкурентной борьбы российских партий «первого эшелона», а поэтому требует отдельного всестороннего исследования.

Но даже представленный выше не всеобъемлющий обзор позволяет констатировать, что сложившаяся партийно-политическая конфигурация в современной России представляет собой сочетание относительно устойчивого «ядра» и динамичной и очень разнородной «периферии».

В ядро сегодня входят четыре парламентские партии («первого эшелона»), представленные в Государственной думе. Однако на перспективу данное «ядро» партийных фракций в Госдуме может быть изменено уже на следующих парламентских выборах. Одним из оснований для такого прогноза является недостаточно устойчивая позиция «Справедливой России» в качестве ведущей парламентской партии. Ключевой причиной является искусственный генезис и институциональные противоречия данной партии, соединяющей в себе характеристики оппозиционности и одновременно инструмента реализации стратегических инициатив Президента РФ. Среди вариантов возможной перегруппировки политических сил на «левом» фланге наиболее вероятным видится либо их переформатирование на базе КПРФ, либо объединение в рамках новой партии социал-демократической ориентации.

Другим фактором изменения конфигурации «ядра» (при сохранении смешанной избирательной системы) может стать появление в Государственной думе новых фракций из активных представителей сегодняшних партий «второго эшелона», составляющих вторую концентрическую окружность вокруг «ядра» партийной системы современной России. Многие из них на выборах регионального уровня демонстрируют приверженность стратегии концентрации своих организационных и информационных ресурсов в отдельных субъектах Российской Федерации, для того чтобы накопить в них политический и имиджевый капитал (особенно посредством допуска к региональным парламентским трибунам и активной деятельности своих депутатов в регионах) и создать предпосылки для будущего участия своих лидеров в выборах в Государственную думу по одномандатным округам.

Кроме того, представленность хотя бы в одном региональном парламенте по сегодняшнему законодательству дает партии право на участие в будущих выборах в Государственную думу без сбора подписей¹², что создает

серьезную преференцию перед партиями, вынужденными осуществлять эту непростую и ресурсозатратную процедуру (о жестких критериях проверки этой процедуры свидетельствует тот факт, что ни одна из восьми партий, которые должны были собрать 200 тыс. подписей в 2016 г., не были допущены к выборам из-за отказа в регистрации).

Приведенные выше результаты участия в региональных выборах дают основания прогнозировать достаточно высокий уровень вероятности реализации такой стратегии для целого ряда политических партий современной России, особенно с учетом, что выборы в законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации проводятся в единый день голосования в различные годы. Если учесть также периодические довыборы в региональные парламенты, то возможности для партий в концентрации их усилий на выборах в отдельно взятых регионах значительно расширяются, в том числе по временным рамкам. А это значит, что уровень и характер конкуренции на следующих выборах в Государственную думу будет определяться не только партиями-фаворитами, но и частью партий «второго эшелона».

Примечания

- 1 См.: Феномен многопартийности в российском обществе / В. М. Долгов, А. А. Вилков, Т. Н. Митрохина [и др.]. Саратов : Научная книга, 2006. (Монографии ; вып. 9).
- 2 К ним мы условно относим все российские партии, не представленные в последние электоральные циклы в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации.
- 3 Сводная таблица результатов выборов по федеральному избирательному округу. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvд=100100067795854&vтn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=233 (дата обращения: 25.10.2016).
- 4 См.: На выборы попали не все, кто мог. Предъявить документы ЦИКу успели только 22 партии из 24. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3037775> (дата обращения: 30.07.2016).
- 5 См.: ЦИК зарегистрировал список кандидатов из 14 партий в Госдуме. URL: <https://ria.ru/election2016/20160812/1474219832.html> (дата обращения: 01.12.2016).
- 6 См.: ЦИК не зарегистрировал список партии «Воля» на выборах. URL: <https://ria.ru/election2016/20160805/1473678958.html> (дата обращения: 10.08.2016).
- 7 Партия Великое Отечество подает иск в Верховный Суд. URL: <https://partiyavelikoeotечество.рф/p/28322> (дата обращения: 01.09.2016).
- 8 См.: «Родная партия» снята с выборов. URL: <https://www.pnp.ru/politics/2016/08/10/rodnaaya-partiya-snyata-s-vyborov.html> (дата обращения: 30.08.2016).
- 9 См.: Сведения о выдвижении и регистрации кандидатов на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) 18 сентября 2016 года. URL: http://www.cikrf.ru/analog/vib_180916/sved_kand/sved_kand_vdl.html (дата обращения: 01.12.2016).
- 10 Таблица составлена по данным ЦИК. Участие партий в довыборах в ряде российских регионах не рассматривалось (См.: Сведения о заверении и регистрации списков кандидатов по единым избирательным округам на выборах депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации 18 сентября 2016 года. URL: http://www.cikrf.ru/analog/vib_180916/sved_kand/sved_kand_ovg.html (дата обращения: 25.10.2016)).
- 11 См.: Выборы депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия шестого созыва. URL: http://www.karel.vybory.izbirkom.ru/region/region/karel?action=show&root=1&tvд=2102000495319&vтn=2102000495314®ion=10&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=2102000495319&type=379 (дата обращения: 25.11.2016).
- 12 В предвыборной кампании в Государственную думу 2016 г. такое право имели партии: «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «ЯБЛОКО», «Патриоты России», Партия Роста, ПАРНАС, «Гражданская платформа», «Коммунисты России», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Родина», «Гражданская сила» и «Зеленые».

Образец для цитирования:

Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69.

Cite this article as:

Vilkov A. A. The Evolution of the Russian Multi-party System after Election-2016. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 62–69 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69.

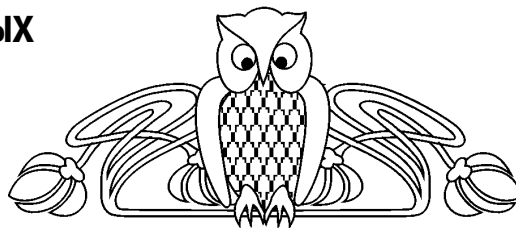

УДК 32:130.3

МИФ «КОММУНИКАЦИИ» В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

В публикации анализируются причины и логика перехода, наблюдающегося в массовом сознании обществ и элит, от представлений о «коммуникации» субъектов политики как средстве решения их конкретных политических проблем к представлению о ней как конечном практическом результате современной политики. Прогнозируются последствия такого перехода для динамики политических процессов различного уровня.

Ключевые слова: политический процесс, политическая коммуникация, политический миф.

The Myth of «Communication» in Modern Political Processes

N. I. Shestov

The publication analyzes the causes and the logic of transition, which is observed in the mass consciousness of society and elites, from the ideas of «communication» of political subjects, as a means of solving their specific political problems, to the idea of it as the final practical result of modern politics. Effects of that transition for the dynamics of political processes at various levels are predicted.

Key words: political process, political communication, political myth.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-70-74

В любой политике, как внутренней, так и международной, когда задействованы значительные общественные и государственные ресурсы, для оценки наукой и массовым сознанием ее состоятельности и перспективности был и остается важным достигнутый ею практический результат. В современной политике имеет место тенденция к пересмотру этой традиционной аксиомы. В последнее десятилетие дипломатами, политиками, а следом за ними и СМИ в качестве значимого и в каком-то смысле наиболее естественного и достаточного для оценки состоятельности той или иной политики результата все чаще позиционируется не действительно относительно законченное и потому практически значимое решение какой-либо конкретной проблемы внутренней политики или международных отношений (например, ликвидация международного конфликта либо гражданского конфликта в одной стране, угрожающего региональной и глобальной безопасности, разрешение споров между действующей властью и оппозицией), а само по себе налаживание коммуникаций между участниками этих отношений. Конечный практический результат в этой ситуации как бы ото-

двигается на второй план. На первый план выходит сама по себе коммуникативная активность субъектов политики. А практический результат из элемента текущей политики превращается в элемент политической перспективы, причем часто отдаленной.

Такое, например, можно сегодня наблюдать в непрекращающейся ни на неделю дипломатической полемике между Россией и Японией по поводу четырех спорных островов Курильской гряды. Каждая сторона в этом дипломатическом споре настаивает на неизменности своих принципиальных позиций, постоянно разными дипломатическими средствами демонстрирует свою «озабоченность» намерениями и действиями партнера. Но при этом публично не презентуются какие-либо конкретные варианты приведения спора к практическому решению. На каждом новом витке переговорного процесса достигнутым результатом и свидетельством продвижения этого процесса вперед стороны предлагают считать свое согласие и дальше не прерывать переговорного процесса на высшем уровне и продолжать текущие консультации на уровне правительств.

Аналогичная тенденция обнаруживает себя в подходах великих держав, обеспокоенных проблемами активизации международного терроризма и обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, к вопросу об оптимальных способах локализации и прекращения, например, внутрисирийского конфликта. Относительно того, что в перспективе можно было бы считать «последней точкой» данного конфликта, США и их союзники, с одной стороны, и Россия и ее союзники, с другой, имеют, по крайней мере, на настоящий момент, совершенно разное мнение. Для одних эту точку обозначает отстранение Б. Асада от власти, для других – осуществление в Сирии свободных выборов. Если в течение последнего года что-то и побуждает мировые державы, участвующие в этом конфликте, не мешать друг другу в решении собственных задач, так это представление о том, что именно при любом варианте развития событий можно будет считать конечным практическим результатом их военного вмешательства в данный конфликт. Таковым представляется момент, когда правительство и вооруженная оп-

позиция от стрельбы друг по другу перейдут к мирным способам политической коммуникации.

Ту же тенденцию можно наблюдать в понимании «начал и концов» нынешнего украинского гражданского конфликта как его непосредственными участниками, так и сочувствующими международными наблюдателями. Логику этого конфликта и его грядущие последствия каждая из сторон и внешние наблюдатели понимают очень по-разному. Но все дружно видят практический результат своих политических усилий именно в том, чтобы политический процесс в Украине нормализовался, т. е. вошел в русло устойчивых коммуникаций, консультаций и переговоров правительства этой страны с руководством Луганской и Донецкой республик, не прерывающихся, как это имеет место сегодня, военными действиями и взаимными санкциями. Для американских и европейских политиков и политических экспертов налаживание устойчивых коммуникаций между сторонами конфликта в Украине выглядит достижением настолько практически, можно сказать, даже символически важным в соотношении с другими конкретными позициями Минских соглашений, даже в соотношении с конституционной реформой, предусмотренной этими соглашениями, что именно в нежелании содействовать таким коммуникациям они часто обвиняют Россию.

Во внутригосударственной политике эта тенденция выражена не так очевидно. В пространстве национально-государственной политики по объективным условиям медленнее меняются устоявшиеся представления граждан и элит о том, что такое практическая политика, а что только разговоры о политике. Во многом потому, что в современном национальном государстве в условиях либеральной демократии любой политический процесс так или иначе вписан в электоральные циклы. Циклы эти имеют относительно четкую правовую регламентацию и осязаемую связь с функционированием государственных и общественных институтов, со сменой политических элит. Здесь объективно меньше условий для того, чтобы отождествлять, например, предвыборные коммуникации участников электоральной кампании с ее практическим результатом (каковыми являются изменение, а чаще корректировка институциональных и режимных характеристик политической системы, смена государственных и общественных лидеров, ротация элит).

Тем не менее, такая тенденция существует и на этом уровне политического процесса. Ее обнаруживает, например, ситуация, все чаще в последнее десятилетие возникающая в разных странах и на разных континентах. В частности, когда по результатам состоявшейся электоральной кампании сторона, проигравшая выборы, всеми средствами, вплоть до организации массовых акций гражданского неповиновения и

дискредитации своей политической системы в глазах мирового сообщества, пытается принудить победившую сторону к отказу от признания итогов выборов окончательным практическим результатом внутригосударственного политического процесса как на данном этапе, так и на весь последующий электоральный цикл. Вместо этого от победившей стороны требуют (иногда при активной поддержке со стороны внешних политических сил) признать выборы несостоявшимися и возобновить полноформатные политические коммуникации с оппозицией. Только в этом случае, как утверждают обычно сторонники такого образа мыслей и действий, можно будет говорить о том, что в данной стране имеет место подлинная демократическая политика, соответствующая «общечеловеческим ценностям» и «международным стандартам».

Это отождествление инструмента политики, каковым являются коммуникации, с ее практическим результатом имеет свою логику, сходную, заметим, с обычной логикой конструирования массовым сознанием политического мифа, то есть стереотипного и эмоционально окрашенного восприятия людьми и обществами политической реальности и по-своему рационального суждения об этой реальности. Рационального в том смысле, что миф трактует политическую реальность, как правило, однобоко, и тем существенно упрощает рядовым участникам политического процесса ориентацию в нем и политический выбор. Миф на первый план массового сознания выводит порой именно самую важную сторону политической реальности, но именно только одну сторону – ту, которая используется для нужд мобилизации участников политического процесса, к другой стороне дела он остается безучастным.

Логика функционирования политического мифа объясняет природу инверсии в представлениях современников о политике. В данном случае на первый план массового сознания выдвигается один из важнейших на данный момент, а возможно, и на обозримую перспективу политического процесса, аспект. Другие аспекты новый миф политики отодвигает на второй план. На самом деле речь идет о достаточно важных вещах. Легко, например, просчитать негативные последствия такой перемены во взглядах современных людей на политику. В частности, уже сегодня в международной политике (а это неизбежно сказывается и на состоянии политического процесса в отдельных регионах мира и странах) имеет место тенденция к переводу в формат многолетних переговоров и консультаций, бесконечных согласований и экспертиз, манипуляций информационными поводами и политическими повестками, а значит, к затягиванию на неопределенный и неопределяемый срок как интеграционных процессов, так и конфликтов. Даже тех конфликтов, в решении которых применяется

прямая военная сила, и вследствие этого можно было бы ожидать их быстрый практический результат – в виде, например, победы одной из противоборствующих сторон, или же в виде силового разъединения конфликтующих сторон миротворческими силами, либо в виде формирования новых государственных и общественных институтов на месте разрушенных, новых форм общежития и правовых норм, его регулирующих. А главное, в виде признания легитимности всей этой новизны большинством граждан и представителей элиты в пространстве состоявшегося и прекратившегося конфликта. Чаше развитие конфликта останавливается где-то в промежутке между разрушением старых политического и культурного укладов и формированием новых.

Эти «зависшие» в пространстве и времени конфликты сегодня наслаиваются друг на друга, и формируется некая «пирамида конфликтности». Наблюдение за тем, как растет эта пирамида, рождает у современных политических экспертов вполне резонные опасения по поводу позитивных качеств того миропорядка, который, как пророчествуют теоретики глобализации, неизбежно придет на смену порядку нынешнему. У человека, наблюдающего, как складывается этот новый миропорядок, возникает впечатление, что движение всей мировой политики происходит хаотично, что еще хуже – неподконтрольно даже тем силам, которые этот хаос породили и поддерживают сегодня в своих геополитических интересах. В этом, вероятно, состоит определенный стратегический риск такой аберрации. Риск с точки зрения будущего политики, в которой в случае дальнейшего развития указанной тенденции будут ослабевать осязаемые для политической науки и практики связи между политическим интересом, политическим ресурсом, вложенным в реализацию этого интереса, и практическим полученным результатом. А значит, будут сужаться возможности контроля и прогнозирования политических процессов.

Но в перемене взгляда современников на суть политики есть и своя положительная сторона, на которой «миф политических коммуникаций», собственно, и сосредоточивает их внимание. В этой аберрации смыслов есть прямая выгода для нынешней либерально-демократической политики. Выгода эта становится особенно понятной в свете претензий нынешних либеральных теорий и практик на роль стратегии глобализации, идейной и институциональной основы будущего миропорядка. У современных, развитых в правовом, культурном и экономическом отношении либерально-демократических систем в Старом и Новом Свете, лидирующих в мировой политике и использующих нынешнюю глобализацию для закрепления своего исторического успеха, есть оптимистичные планы на настоящее. Они касаются настоящего как внутренней, так и внешней политики, проводимой либерально-демократи-

ческими государствами. Но у этих современных государств и управляющих ими элит нет столь же оптимистичных планов на будущее, хотя бы в какой-то мере подобных тем, которые прежде находили аккумулированное выражение в классических идеологиях. Когда властная элита ничего не может сказать позитивного гражданам об их будущем и предлагает поэтому в полной мере сосредоточиться на дне нынешнем и потреблять, потреблять, потреблять материальные блага, то с неизбежностью в массовом сознании современных гражданских обществ усиливаются эсхатологические установки, с одной стороны, а с другой – политический радикализм. Отсутствие планов на будущее объективно работает на снижение легитимности и функциональности либеральных политических институтов и практик. Примеры тому, касающиеся и внутренней, и внешней политики, ежедневно предоставляет жизнь Евросоюза. Идея, что в политике, по определению, ничего не предрешено, что любая политическая ситуация, какой бы она объективной ни выглядела, обсуждаема и потенциально изменяема, эта идея решает очень многое в нынешнем кризисе либерально-демократической стратегии внутренней и внешней политики. Она позволяет элитам показать общества, а обществам увидеть, в чем состоит реальный прогресс современной либеральной политики во всех ее измерениях. Перевод коммуникации между государственными элитами и гражданскими обществами в русло on-line обсуждения внешнеполитических и внутривнутриполитических проблем вместо их решения «здесь и сейчас» позволяет симулировать эффект динамики современной либерально-демократической политики. И даже ее прогресса. Раз политика – это коммуникации между ее субъектами, а коммуникации развиваются и расширяются и внутри государств, и по всему миру, то вот он, очевидный прогресс либерально-демократической политики, и вот основание для нее претендовать на лидерство в ряду других политических стратегий глобализации, возможных для современного человечества.

Дело не только в расширении возможностей элит манипулировать массовым сознанием. За счет «отложенных решений» и активированных коммуникаций у самих национально-государственных элит в современном мире появляются новые возможности маневрирования в мировом и страновом политических пространствах. Чем меньше внимание обществ привлечено к результатам политики и больше – к ее процессу, тем шире образуется пространство для политического маневрирования элит в решении действительно трудных вопросов внешней и внутренней политики, тем больше ресурс времени для выявления, осмысления различных рисков в мире современной политики и выработки подходов к противодействию им. По большому счету, для современных политических элит такой новый

миф политики есть средство противодействия возрастающей динамичности реальной внутренней и особенно внешней политики. Это способ если не на уровне самой политической реальности, то хотя бы на уровне представлений элит и обществ о свойствах этой реальности снизить эту возрастающую динамику до уровня, при котором политические процессы не выглядели бы так хаотично, непрогнозируемо и неуправляемо, а потому рискованно, как они выглядят сейчас. Пока элиты и общества включены в постоянные политические коммуникации, у них есть повод надеяться, что им известен смысл политики и они эту политику контролируют.

Вопрос в том, удастся ли современным развитым социально-политическим системам извлечь для себя эту самую пользу из складывающейся ситуации. С одной стороны, развитие средств массовой коммуникации дает различным субъектам современной политики из года в год все более широкие возможности для организации и поддержания коммуникаций для публичной демонстрации того, что сама по себе коммуникация – это и есть «подлинная политика». Эти технологии, несомненно, будут развиваться и дальше в силу в том числе практической востребованности их плодов, как уже было отмечено, политической практикой либерально-демократических элит и обществ. У элит и обществ складывается определенный мифологический настрой на восприятие политической реальности в том формате, который обеспечивают современные информационные технологии. Иначе говоря, перспектива либеральной политики в современном мире складывается вроде бы удачно.

Общую оптимистичную картину портит вопрос качества той политической информации, которая должна, по идее, быть задействована в этих коммуникациях, быть их «альфой» и «омегой», содержательным наполнением элитарных и общественных представлений о «реальной политике» и аргументом в пользу легитимности и функциональности государственных и общественных институтов и практик. Когда готовился данный материал, в Сети живому обсуждению подверглась инициатива составителей знаменитого Оксфордского словаря. Последние определили «словом года» для 2016 г. слово «постправда». Это, по сути, емкое определение того нового качества, которое приобретает информация, политическая в первую очередь, когда становится наполнением различных, и не только электронных, систем массовых коммуникаций. Издатели Словаря говорят, что это прилагательное, «описывающее обстоятельства, в которых объективные факты менее значимы для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям или личным убеждениям», и что частота его употребления в массовых коммуникациях только за прошедший год возросла в 20 раз¹.

По причине движения по разным каналам массовых коммуникаций больших и плохо поддающихся логическому и содержательному анализу массивов политической информации произошло стирание прежде четкой грани между политическим фактом и его медийной интерпретацией, объективной политической реальностью и ее виртуальным образом, который, тем не менее, фигурирует в пространстве массовых коммуникаций в статусе «несомненного факта»². В такой ситуации у участников любой политической коммуникации любого масштаба нет возможности отделить правду от лжи, составить реальное представление о партнерах по коммуникации, вообще о тех действительных условиях, в которых эта коммуникация развивается. У участников «политики как коммуникации» естественным образом формируется опасение (что и придает современной политике чрезвычайную нервозность) уже даже не только по поводу реальности или нереальности политической субъектности партнера: так ли он в действительности силен и влиятелен, как он сам себя презентует посредством медийных технологий? Опасение неизбежно возникает по поводу реальности самого предмета политической коммуникации, самих вопросов, которые выносятся на обсуждение в качестве повестки внутренней и международной политики. Что обсуждается: реальная политическая проблема или «фейк», умело и преднамеренно сконструированный в виртуальном пространстве и не имеющий ничего общего с политической реальностью? Это сомнение, по сути, в самом факте существования политики в том ее новом измерении, устойчивое представление о котором складывается сегодня в сознании элит и обществ. Время от времени это сомнение прорывается во взаимных упреках партнеров в приверженности политике «двойных стандартов», самый факт наличия либо отсутствия которой никто не в состоянии аргументированно подтвердить, ни опровергнуть, в ведении «гибридной войны». Например, 23 ноября 2016 г. Европарламент, с подачи польского депутата Анны Фотиги, принял резолюцию о враждебной Евросоюзу пропаганде, в которой последняя охарактеризована как элемент «гибридной войны», как манипуляция информацией с целью «исказить правду, посеять сомнения и рознь между странами союза, ослабить стратегическое единство ЕС и его североамериканских партнеров, парализовать процесс принятия решений, дискредитировать институты ЕС и трансатлантическое партнерство»³. В резолюции есть показательный пассаж: «Европарламент признает, что российское правительство агрессивно использует целый спектр средств и инструментов <...> для атак на демократические ценности, для раскола Европы, для обеспечения поддержки внутри страны и создания впечатления о разногласиях между странами Восточного соседства и

ЕС»⁴. Своего рода официальный протест политики, основанной на интересах, против политики, основанной на информационных коммуникациях. Резолюция рекомендует усилить «Оперативную группу по стратегическим коммуникациям на Востоке» (East StratCom Task Force), превратив ее в полноценное ведомство в составе Европейской службы внешних связей (EEAS, фактическое МИД Евросоюза)⁵.

Притом, никто из политиков и дипломатов, критикующих своих партнеров и оппонентов за непоследовательность и корыстный умысел, не может определенно сказать, какой именно «стандарт» (силовой либо коммуникативный) олицетворяет собой реальную и «правильную» политику, а какой выражает ее девиацию. Сомнение в реальности того, что в тот или иной момент выступает предметом политической коммуникации, обуславливает еще большую, чем в прежние времена, взаимную настороженность субъектов политики, их естественное желание вернуть современную политическую игру из виртуального русла в русло реальности, в русло «единого стандарта». А это последнее русло на практике оказывается зарезервировано за силовыми методами решения проблем точно так же, как русло политики на основе коммуникаций оказывается зарезервировано, по большей части, под проблемы виртуального порядка. Представляется,

что данный «когнитивный диссонанс» в восприятии политики современными обществами и элитами маркирует актуальный для дальнейшей организации политических практик и важный для политической науки (в качестве предмета политического исследования) вектор нарастания кризисных явлений во всей мировой системе либерально-демократической политики.

Примечания

- ¹ Мирошниченко А. Мир постправды. Как привыкнуть к новой реальности. 22 ноября 2016 г. URL: <https://republic.ru/posts/76454> (дата обращения: 23.11.2016).
- ² См.: Вилков А. А., Казаков А. А. Политические технологии формирования имиджей России и США в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия. (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Саратов : ИЦ Наука. 2010.
- ³ Европарламент принял резолюцию о противодействии внешней пропаганде. URL: <https://news.mail.ru/politics/27889434/?frommail=1> (дата обращения: 23.11.2016).
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Европарламент принял резолюцию о противодействии российской пропаганде. URL: http://www.rbc.ru/politics/23/11/2016/583588809a79473fba71cf7a?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top3 (дата обращения: 23.11.2016).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Миф «коммуникации» в современных политических процессах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 70–74. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-70-74.

Cite this article as:

Shestov N. I. The Myth of «Communication» in Modern Political Processes. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politics*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 70–74 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-70-74.

УДК 323.2+32.019.51

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИЙНОЙ ГРАМОТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

В статье рассматриваются отдельные положения федеральных законов Российской Федерации («О средствах массовой информации», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»), способствующие формированию медийной грамотности. Обосновано политическое значение медийной грамотности.

Ключевые слова: медийная грамотность, федеральные законы Российской Федерации, политические аспекты медийной грамотности, массмедиа.

Political and Legal Aspects of Providing Media Literacy in Modern Russia

A. A. Kazakov

Certain premises of the federal laws of the Russian Federation (i.e. «About Mass Media», «About Information, Information Technologies, and Protection of Information», «About Providing Access to Information Concerning State and Municipal Bodies' Activity») conducive to the media literacy formation are considered in this article. Political dimension of media literacy is substantiated.

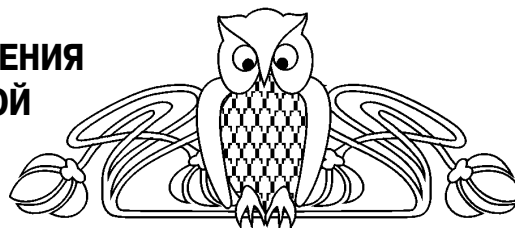
Key words: media literacy, federal laws of the Russian Federation, political aspects of media literacy, mass media.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-75-79

В XXI в. способность ориентироваться в постоянно увеличивающихся потоках информации становится все более необходимой. Та скорость, с которой сегодня неуклонно возрастает объем производимых и распространяемых социально значимых сведений, вкупе с постоянным техническим совершенствованием платформ, при помощи которых их можно получать, серьезно ограничивают возможности человека эффективно перерабатывать обрушивающиеся на него терабайты данных.

Плюс ко всему в мире массмедиа все более заметной становится тенденция, когда информирование аудитории все чаще уступает место манипулированию. При этом в самих материалах и текстах средств массовой информации об этом говорится едва ли не ежедневно: журналисты постоянно «ловят» своих коллег на лжи, передегивании или подтасовке фактов, неверной их интерпретации и тому подобных вещах.

Что сам человек может всему этому противопоставить? На наш взгляд, только осведомлен-

ность о наиболее типичных способах скрытого воздействия на сознание аудитории и умение им противодействовать. В контексте данного исследования мы будем называть это медийной грамотностью. Более конкретно это понятие определяется нами как способность индивида эффективно находить интересующую его информацию, проверять ее достоверность, сопоставлять сведения из различных источников и при наличии соответствующей необходимости самому создавать информационные сообщения.

Анализ работ занимающихся данной проблематикой ученых дал нам основания утверждать, что среди отечественных специалистов преобладает тенденция изучения медийной грамотности в русле либо педагогики, либо журналистики или лингвистики. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что российские ученые предпочитают называть комплекс отмеченных навыков и умений несколько иначе – информационной грамотностью, информационной компетентностью, медийной или информационной культурой.

Не отрицая важности исследования этого феномена в таком контексте, мы, тем не менее, убеждены, что медийная грамотность важна и в сугубо социально-политическом (а порой и в международно-политическом) измерении. Более того, важнейшую роль в ее формировании играют и правовые механизмы.

Проанализировав комплекс правовых документов, в которых содержатся положения, имеющие прямое или косвенное отношение к интересующему нас феномену, мы сочли целесообразным условно разделить их на две группы: концептуальные основы обеспечения права на получение достоверной информации (как правило, они содержатся в Конституции, Концепции государственной информационной политики и Доктрине информационной безопасности Российской Федерации) и целый ряд более частных и конкретных правовых факторов, влияющих на медийную грамотность. В предыдущем выпуске данного журнала нами были рассмотрены те из них, что относятся к первой из выделенных групп¹. Настоящая же статья посвящена анализу комплекса связанных с информацией прав и свобод, прописанных в ряде федеральных законов.

Начать их анализ считаем целесообразным с Федерального закона «О средствах массовой информации», принятого в 1991 г. и впоследствии неоднократно редактировавшегося (на момент

написания данной работы последняя редакция датировалась 5 апреля 2016 г.).

Закрепленная в Конституции Российской Федерации гарантия свободы массовой информации развивается в первой же статье этого Закона: «...поиск, получение, производство и распространение массовой информации; учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение ими; изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации, не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации»².

В ст. 3 Закона «О средствах массовой информации» раскрывается еще одно конституционное положение – о запрете цензуры. При этом отдельно говорится о недопущении создания и финансовой поддержки организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи или функции которых входило бы осуществление цензуры массовой информации.

Не умаляя важности данных положений, отметим, что в контексте вопросов медийной грамотности наибольшую ценность представляет содержащееся все в той же ст. 3 определение цензуры – «требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей»³.

Разделяя общую логику подобного определения цензуры, мы между тем хотели бы обратить внимание на один момент. В современной журналистской практике иногда имеют место случаи, когда сами материалы массмедиа предварительно никто (кроме членов редакции) не просматривает, однако при этом со стороны государственных структур или владельцев того или иного издания существуют вполне определенные негласные установки о том, что можно освещать, а что – нет, о ком писать «хорошо», а о ком – «не очень» и т. п.

С точки зрения духа закона, подобные вещи, на наш взгляд, вписываются в определение цензуры. Однако буквально в рассматриваемом документе они не прописаны. Считаем данный тонкий момент одним из тех, за счет уточнения которых законодательное определение цензуры вполне можно было бы сделать более конкретным и соответствующим имеющей сегодня место действительности.

Не менее важным в контексте медийной грамотности представляется и положение, закреп-

ленное в ст. 38 настоящего Закона: «Граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц»⁴.

Ключевыми в этом положении мы считаем слова «оперативное» (получение информации) и «достоверных» (сведений). Считаем, что именно быстрота предоставления ответа на поступивший запрос и качество предоставляемой информации (с точки зрения ее соответствия действительности) являются критически важными для формирования медийной грамотности гражданина показателями.

С другой стороны, если степень оперативности еще можно хоть как-то измерить количественно, то вот достоверность – вряд ли. Отсюда – возможные споры и конфликты вокруг трактовки данного термина. В плане обеспечения условий для развития медийной грамотности личности эта смысловая неопределенность может иметь серьезное значение.

Совершенно оправданными и необходимыми нам представляются содержащиеся в ст. 40 нормы, конкретизирующие основания для отказа и отсрочки в предоставлении запрашиваемой информации: «Отказ в предоставлении запрашиваемой информации возможен, только если она содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну <...> Отсрочка в предоставлении запрашиваемой информации допустима, если требуемые сведения не могут быть представлены в семидневный срок. Уведомление об отсрочке вручается представителю редакции в трехдневный срок со дня получения письменного запроса информации»⁵.

Как видим, Закон предельно конкретно определяет причины, по которым те или иные сведения не могут быть обнародованы, а также сроки, в течение которых запрашиваемые данные должны быть предоставлены. С точки зрения возможностей конкретного индивида реализовать имеющееся у него право на информацию, эти нормы, безусловно, важны.

Статьи 43, 44 и 46 Федерального закона «О средствах массовой информации» регулируют порядок реализации права на опровержение и на ответ. «Гражданин или организация вправе потребовать от редакции опровержения не соответствующих действительности и порочащих их честь и достоинство сведений, которые были распространены в данном средстве массовой информации <...> Если редакция средства массовой информации не располагает доказательствами того, что распространенные им сведения соответствуют действительности, она обязана опровергнуть их в том же средстве массовой информации»⁶. «Гражданин или организация,

в отношении которых в средстве массовой информации распространены сведения, не соответствующие действительности либо ущемляющие права и законные интересы гражданина, имеют право на ответ (комментарий, реплику) в том же средстве массовой информации»⁷. При этом отдельно четко устанавливаются сроки, объемы и прочие технические аспекты опровержения и ответа.

Разумеется, эти права очень важны для тех, чья репутация и доброе имя пострадали по вине журналистов. Однако полагаем, что это так же важно и для всех остальных, кто формирует свои представления о действительности, исходя из материалов средств массовой коммуникации. Ведь если бы у «пострадавших» не было возможности публично «поправить» массмедиа, у аудитории, в свою очередь, было бы гораздо меньше шансов узнать истину.

Естественно, мы отдаем себе отчет в том, что далеко не каждый зритель, читатель, слушатель или пользователь в ежедневном режиме внимательно отслеживает подобные ситуации. Вместе с тем мы убеждены в том, что, если человек действительно заинтересован в получении максимально объективной информации о происходящем, эти правовые нормы помогут ему в этом. Полагаем, что забота о повышении уровня медийной грамотности – дело не только государства, но и самого человека.

Из комплекса содержащихся в Федеральном законе «О средствах массовой информации» правовых норм хотелось бы отдельно отметить обязанность журналиста проверять достоверность сообщаемой им информации⁸. Вне всяких сомнений, в контексте формирования медийной грамотности аудитории это действительно очень важно. Не имея возможности наблюдать большинство происходящих в мире событий лично, мы вынуждены полагаться на журналистов. Они же, в свою очередь, учитывая социальную миссию своей профессии, должны очень ответственно относиться к тому, что сообщают широкому кругу людей.

Однако во всем этом нам видится как минимум три потенциальных проблемы. Во-первых, как узнать, проверил ли на самом деле журналист эту самую достоверность? И если проверил, насколько тщательно он это сделал? В отдельных массмедиа, например, принято получать подтверждение тому или иному факту из двух или трех не зависящих друг от друга источников. Если бы подобная система была у всех, у критически мыслящей аудитории, скорее всего, было бы меньше сомнений в «качестве проверки» транслируемой ей информации.

Во-вторых, Законом не предусмотрена четкая мера ответственности за невыполнение упомянутой обязанности. Стало быть, не совсем понятно, чем рискует журналист, не способный или не желающий удостовериться в истинно-

сти собственного сообщения. Возможно, иногда сотруднику того или иного средства массовой информации легче (или выгодно) вообще не утруждать себя подобными вещами или же, если предположить самое плохое, вовсе выдавать недостоверный факт за правдивый.

Наконец, в-третьих, как быть с материалами, предполагающими не сообщение фактов, а их интерпретацию и оценку? Что, если журналист просто излагает собственные мысли по тому или иному поводу и при этом вольно или невольно искажает действительность? Вряд ли в таком случае его можно будет обвинить в нарушении обязанности проверять достоверность сообщаемой информации.

Нужно заметить, что в ст. 51 Закона «О средствах массовой информации» отчасти предусматривается опасность злоупотребления журналистами своими правами: «Не допускается использование установленных настоящим Законом прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации»⁹. Однако при этом снова не обозначается характер ответственности за подобного рода правонарушения.

Иными словами, в очередной раз имеет место ситуация, когда в законе совершенно правильно обозначены возможные угрозы формированию медийной грамотности граждан, но при этом не прописаны конкретные меры ответственности за несоблюдение соответствующих норм.

Завершая анализ Закона «О средствах массовой информации» на предмет содержащихся в нем норм, влияющих на информационную компетентность граждан, нельзя не упомянуть еще одно положение. В ст. 54 говорится о том, что «гражданам Российской Федерации гарантируется беспрепятственный доступ к сообщениям и материалам зарубежных средств массовой информации», разъясняется порядок получения разрешения на распространение продукции иностранных массмедиа и прописываются основания для его ограничения¹⁰.

С точки зрения вариантов повышения уровня медийной грамотности личности, доступ к зарубежным источникам информации трудно переоценить. На наш взгляд, возможность соотнести информацию, получаемую от ответственных журналистов, с тем, что и как говорится по этому поводу их иностранными коллегами, является одним из важнейших условий эффективного поиска объективной информации. При этом мы далеки от того, чтобы считать представителей зарубежной медиа-индустрии образцом профессионализма и порядочности. Полагаем, что случаи злоупотребления журналистскими правами встречаются как в России, так и за ее пределами.

Один из свежих (на момент написания данной статьи) примеров ситуаций, когда иностранный журналист проявляет необъективность, – конфликт вокруг внештатного сотрудника немецкого канала ARD Хайо Зеппельта – автора серии фильмов о допинге в российском спорте. Главными героями одной из его лент были легкоатлетка Юлия Степанова и ее супруг, бывший сотрудник РУСАДА Виталий Степанов. Они обвинили российских спортсменов в систематическом употреблении допинга, что стало едва ли не главной сюжетной линией всей картины. Однако позже представители канала и Зеппельта заявили, что, во-первых, они не проверяли утверждения супругов Степановых по состоянию дел в легкой атлетике, а во-вторых, они под протокол подтвердили, что сами считают эти высказывания не соответствующими действительности¹¹.

На самом деле примеров подобной профессиональной недобросовестности можно привести очень много. И именно поэтому в поисках истины нам представляется целесообразным регулярно сравнивать информационный контент отечественной и зарубежной прессы. Убеждены, что чем больше сообщений об одном и том же событии, факте или процессе будет просмотрено (в идеале – вышедших в эфир или опубликованных на различных по своим политическим «ориентациям» ресурсах), тем более близкое к действительности представление о происходящем сложится у конкретного человека.

Зафиксированные в Конституции и иных нормативно-правовых актах права человека в области информации раскрываются и конкретизируются в двух других федеральных законах: «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Первый регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применении информационных технологий и обеспечении защиты информации. Среди прочего, в нем сформулированы принципы правового регулирования отношений в сфере информации, к числу которых в том числе отнесены: «свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом»; «установление ограничений доступа к информации только федеральными законами»; «открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации, кроме случаев, установленных федеральными законами», а также «достоверность информации и своевременность ее представления»¹².

Кроме этого, в данном Законе за физическими лицами закрепляется «право на получение от

государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы» и говорится о том, что не может быть ограничен доступ к информации о состоянии окружающей среды и о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну)¹³.

Режим доступа к информации о деятельности органов власти конкретизируется в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». В контексте медийной грамотности среди затронутых в нем сюжетов наиболее актуальным нам представляется следующее.

Во-первых, это отнесение к числу основных принципов обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления открытости, доступности и достоверности¹⁴. Во-вторых, это упоминание достоверной информации еще в двух аспектах: как одного из прав пользователя информацией и как одного из требований при обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления¹⁵.

Как видим, в данном Законе, как, впрочем, и в большинстве других, рассмотренных выше, постулируются привычные, в общем-то, вещи: доступность, открытость, достоверность информации, оперативность ее предоставления и т. д. Все это, безусловно, является необходимым требованием для обеспечения условий по повышению уровня медийной грамотности. Необходимым, но, к сожалению, недостаточным.

Проблема нам видится здесь в том, что одного только декларирования этих столь важных принципов, как правило, оказывается недостаточно. Отсутствие четко прописанных параметров ответственности за их нарушение, по нашему мнению, существенно снижает их позитивный потенциал в контексте медийной грамотности.

К тому же сами по себе правовые механизмы не в состоянии гарантировать получение объективной информации. Они, скорее, создают необходимые для этого условия. Для достижения же искомого результата человек сам должен прилагать к этому определенные усилия.

В этом смысле нам представляется очень важным внедрение в российских вузах практики преподавания основ медийной грамотности. За рубежом подобные курсы читаются не только для студентов «профильных» специальностей, но и – по желанию – для всех тех, чья будущая работа совсем не связана с журналистикой или

анализом медиа-текстов. Мы убеждены, что подобный шаг был бы очень важен в плане формирования как общей, так и политико-правовой культуры российских граждан. Ведь в конечном итоге медийно грамотная личность – залог успешного и стабильного развития общества.

Примечания

- ¹ См.: Казаков А. Концептуальные основы политико-правового обеспечения медийной грамотности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, № 4. С. 438–443. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-438-443.
- ² О средствах массовой информации : федер. закон от 27.12.1991 № 2124–1 (ред. от 05.04.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.

- ⁶ Там же. Ст. 43.
- ⁷ Там же. Ст. 46.
- ⁸ Там же. П. 2 ст. 49.
- ⁹ Там же. Ст. 51.
- ¹⁰ Там же. Ст. 54.
- ¹¹ См.: Телеканал ARD признал лживыми заявления из фильма о допинге в России. URL: <https://lenta.ru/news/2016/06/11/seppelt> (дата обращения: 11.06.2016).
- ¹² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹³ Там же. П. 2, 4 ст. 8.
- ¹⁴ См.: Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : федер. закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 776.
- ¹⁵ Там же. Ст. 8, 11.

Образец для цитирования:

Казаков А. А. Политико-правовые аспекты обеспечения медийной грамотности в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 75–79. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-75-79.

Cite this article as:

Kazakov A. A. Political and Legal Aspects of Providing Media Literacy in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 75–79 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-75-79.

УДК 323.21:341.218.1

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА

С. В. Тихонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: segedasv@yandex.ru

В статье автор рассматривает концептуализацию публичной сферы в теориях информационного общества. Предлагается периодизация теорий информационного общества, показывается влияние практики государственного реформирования на методологическое содержание конкретных этапов. Анализируется юридизация информационно-коммуникационных технологий как фактор развития электронного государства в публичной сфере информационного общества; выдвигается определение электронного государства.

Ключевые слова: информационное общество, публичная сфера, электронное государство, юридизация информационно-коммуникационных технологий.

Public Sphere of Information Society: Development of the Electronic State

S. V. Tikhonova

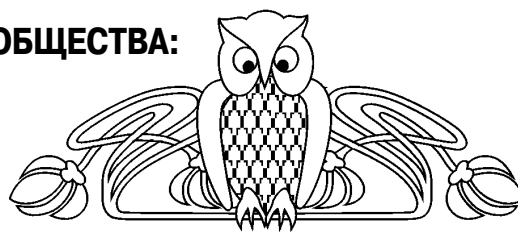
The author considers conceptualization of the public sphere in theories of information society in article. She offers the periodization of theories of information society and shows the influence of state reforming practice to the methodological maintenance of concrete stages. The author analyzes the juridization of information and communication technologies as a factor of development of the electronic state in the public sphere of information society and forwards definition of the electronic state.

Key words: information society, public sphere, electronic state, juridization of information and communication technologies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-80-85

Концепция информационного общества является одной из наиболее влиятельных в современной социально-политической теории. Ее неоднократно критиковали с различных позиций за бессистемность, мозаичность, утопизм, технократизм и дегуманизацию, что не помешало ей стать основой массивных социально-политических реформ, проводимых по всей планете и приносящих весьма ощутимые результаты.

Длительность существования (а первые подходы к определению информационного общества специалисты относят к 60-м и даже 50-м гг. XX в.) теории информационного общества не привела к систематизации ее базовых положений, выдвинутых в рамках различных подходов представителями разных научных отраслей и социально-философских течений. Эпоха постмодерна добавила эклектики и синонимии в ее категориальные ряды. Вместе с тем в процессе

изучения этой теории приходится констатировать небывалый для социальных концепций охват объекта – теоретикам информационного общества пришлось столкнуться с социальной динамикой, затронувшей человечество в планетарных масштабах, и иметь дело с осмыслением социальных последствий технологий, развивающихся так быстро, что конкретные их виды успевали устареть раньше, чем выходила в свет описывающая их работа. Вероятно, специфика современных коммуникационных революций, для которых характерны конвергенция технологий, серия технологических прорывов и лавинообразное расширение, делает незавершенность атрибутивным свойством рассматриваемых теорий. Неизбежное появление новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) детерминирует открытость теории и к новым фактам, и к рефлексивному обращению к собственным основам.

Периодизация развития теории информационного общества

Можно выделить четыре этапа в развитии теории информационного общества, совмещая ретроспективный критерий с категориальным, выделяя хронологические периоды и доминирующие на их протяжении категории, игравшие ключевую роль в интерпретации техногенного развития: информационный, постиндустриальный, глобализационный и сервисный. Рассмотрим их подробнее.

1. Первый, ранний этап формирования информационного общества был связан с процессами компьютеризации экономики и управления. Центральная категория теоретизации этого времени – информация, обрабатываемая с помощью ЭВМ. Пионерами данного периода оказались теоретики и практики государственных реформ в Японии, осуществленных в 60–70-е гг. XX в. Правительство Японии, страны-колыбели робототехники и автоматизации производства, в этот период было заинтересовано в массовой компьютеризации, что означало перенос государственной поддержки из сектора тяжелой промышленности в сферу интеллектуальных инноваций. Термин «информационное общество» был предложен Умэсао Тадао¹, концептуализи-

рован в рамках теоретического анализа в работах Т. Умэсао, Ю. Хаяси, К. Кохиямы, доктринально закреплен в отчетах организаций, работавших на Японское правительство (Агентство экономического планирования, Институт разработки и использования компьютеров, Совет по структуре промышленности), популяризирован в англоязычных трудах Е. Масуды. Совместными усилиями перечисленных авторов сложилась трактовка информационного общества как такого общества, в котором процесс компьютеризации дает людям доступ к надежным источникам информации, избавляет их от рутинной работы, обеспечивает высокий уровень производства. По данным М. И. Савинцевой, сформулированная японскими теоретиками модель информационного общества, обозначенного как «телематическое», была перенесена в Европу Симоном Нора и Аланом Минком, использовавшим этот термин в представленном ими президенту Франции докладе о компьютеризированном обществе². Национальными подходами к осмыслению японской концепции объясняется дальнейшее разнообразие терминов, описывающих состояние информационного общества (телематическое, технотронное, супериндустриальное и т. д.).

Для ранних доктрин информационного общества характерна описательность и футурологичность. Однако уже на первом этапе модель приобретает определенное историософское звучание благодаря работам О. Тоффлера. Первые попытки Тоффлера осмыслить вклад компьютеризации в социальное развитие связаны с используемым им понятием «супериндустриальное общество», под которым подразумевается сложное, быстро развивающееся общество, основанное на передовых технологиях и постматериалистической системе ценностей³. Позднее, обращаясь к волновой теории исторического процесса, Тоффлер создает образ собственно информационного общества, т. е. общества Третьей волны. Оно возникает благодаря информационной революции, сменившей аграрную (Первая волна) и промышленную (Вторая волна)⁴. Повсеместное распространение компьютеров, турбореактивной авиации, гибких технологий определяет его облик. Появляются новые виды семьи, стили работы, жизни, складываются новые формы политики, экономики и сознания. Механистическое восприятие мира уходит в прошлое, на передний план выступают нововведения, для восприятия которых необходимо постоянное развитие познавательных способностей. Ведущая роль в информационном обществе Тоффлера отводится сфере услуг, науке и образованию. Важно отметить, что сам Тоффлер оценивал свою концепцию как «практическую утопию», картину общества, которое придет завтра.

2. Второй этап, пришедшийся на 70–80-е гг. XX в., обозначен как постиндустриальный. Его

основная категория – знания как основа постиндустриальной экономики. Именно новой ролью теоретического знания Д. Белл объяснял происхождение главных черт западного общества последней четверти двадцатого столетия. По его мнению, теоретическое знание превращается в главный источник технологических нововведений, что делает возможным переход от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг. Этот переход является основой доминирования профессионального и технического классов над традиционным пролетариатом, а также появления интеллектуальных технологий, дающих ключ к рациональному планированию технологического и социального развития⁵. Так появляется категория постиндустриального (информационного) общества, играющая весьма важную роль в современных социальных теориях. Изначально Белл формулировал ее как аналитическую конструкцию, а не социальный проект⁶. Известна попытка методологически дифференцировать понятия «постиндустриальное общество» и «информационное общество», связав первое с теорией постмодернити, а второе – с цивилизационным подходом⁷. Тем не менее, как правило, эти понятия очень часто выступают в качестве синонимов даже для самих представителей постиндустриализма и теоретиков информационного общества; их однозначная демаркация – крайне неблагоприятная задача для исследователя. Известны также попытки противопоставления концепций общества знания и информационного общества: например, в 2005 г. в докладе ЮНЕСКО информационное общество трактовалось как технологическое состояние, не учитывающее гуманитарных составляющих в противоположность обществам знания, определение которых строится на более широких социальных, экономических и политических параметрах⁸. На практике, впрочем, это противопоставление сведется к конкретизации телеологии социального развития, поскольку для достижения целей общества знания неизбежно требуется развитая инфраструктура информационного общества.

3. Глобализационный этап (80–90-е гг. XX в.). В этот период понятие «глобализация» становится определяющим в социальном знании. По мнению Э. Гидденса, «глобализация – термин, который должен занять ключевое место в лексиконе общественных наук»⁹, поскольку в те годы он стал своеобразной призмой, сквозь которую рассматривались изучаемые явления. Анализируя мир как глобальную систему, Э. Гидденс говорит о том, что такая система не может рассматриваться в качестве среды, в условиях которой различные общества растут и изменяются¹⁰. Социальные, политические и экономические связи пересекают границы государств и властно вторгаются в судьбы живущих в них людей.

Идеология глобализации – это идеология модерности, навязывающая всем странам мо-

дель развития, в которой главную роль играет «невидимая рука рынка». «Глобальная организация производства и финансов означает, что национальное государство не проводит самостоятельную политику, а только выполняет решения МВФ, ВТО, Всемирного банка и других международных организаций»¹¹. В итоге возникает проблема глокализации, заключающаяся в усилении местных, локальных различий между государствами, нациями, этносами вследствие все большей глобализации.

Социальные эффекты экономических процессов глобализации рассмотрены теоретиками глобализации, описывающими трансформацию социальных пространств, их «открепление» от национальных территорий на основе новых медиа, транспортных сетей, социокультурных практик туризма и миграции. Глобализация равнозначна возникновению транснационального социального пространства, образованного взаимодействием разнообразных транснациональных организаций, органов, групп, личностей, создающих и развивающих паутину социальных отношений, нити которых пролегают через национальные государства.

Транснациональные социальные пространства, населенные пространственно мобильными людьми и неподвижными резидентами, соединенными посредством коммуникаций в разных странах, не только дополняют международное пространство суверенных национальных государств, но и заставляют его пределы существенно сужаться.

Таким образом, теория глобализации усилила концепцию информационного общества, придав ей глобальный статус, и одновременно продемонстрировала значимость коммуникационных революций для социальной динамики. Без развития средств коммуникации глобализация была бы невозможной.

Вместе с тем именно процессы глобализации неразрывно связаны со стихийным распространением технологий. Как справедливо отмечает Д. Е. Прокудин, информационно-коммуникационные технологии отличаются следующими характеристиками: «...трансграничность и дальное действие, т. е. проницаемость для них традиционных межгосударственных барьеров, что делает для них доступным почти любой географический район планеты и подрывает бытующую в мире концепцию создания закрытых для информации зон; мобильность, портативность и универсальность; доступность ... для потребителя, востребованность, привлекательность, что ведет к массовости использования»¹². В итоге ИКТ распространились по всей планете, но это распространение не было равномерным и системным, оно привело к появлению нового вида социальной стратификации (в том числе и в планетарном масштабе), выразившейся в феномене цифрового разрыва.

4. Сервисный этап, центральным для которого стало понятие «публичная услуга», начался в последнее десятилетие XX в. и продолжается по настоящее время. В 90-е гг. XX в. начался коммуникационный бум, связанный с бурным развитием и распространением Интернета. Цифровое неравенство потребовало существенных сглаживающих мер от правительств самых разных стран. Высокими темпами шло формирование технической инфраструктуры информационного общества, неуклонно росло число интернет-пользователей. Сетевая электронная коммуникация с ее оперативностью, простотой и равенством участников рутинизировалась, на ее основе формировались социальные ожидания и коммуникативные обычаи. Контраст между взаимодействием в киберпространстве и традиционными бюрократическими институтами, действующими в публичной сфере, осложнял взаимоотношения между государственными структурами и индивидами, снижая эффективность государственного управления. Стало очевидным, что информационное общество не может не затрагивать сферы политики и права, встал вопрос о содержании этих изменений. В центре внимания исследователей при изучении политико-правового потенциала информационно-коммуникационных технологий, пожалуй, впервые массово оказалась не столько информация, сколько коммуникация, осуществляемая в публичной сфере.

Публичная сфера информационного общества

Рассмотрим процесс становления публичной сферы информационного общества. Во-первых, он начался благодаря включению в проблематику информационного общества политических, а затем и правовых процессов и явлений. Публичный потенциал Интернета был первоначально конкретизирован в проблеме электронной демократии. Интернет как публичное пространство исследователи описывали довольно давно¹³, но чаще всего сводили его социально-политические функции до миссии института формирования общественного мнения. Однако Интернет является не только одним из средств массовой информации, он выступает в качестве инструмента социальной интеграции и социальной солидарности, опирающегося не на пассивную оценку событий, а на активную модель интерактивного взаимодействия, определяющего новую архитектуру публичной сферы.

Как справедливо отмечают М. Ю. Казаков и В. А. Кутырев, дихотомию публичной и частной сферы определяют на основе двух подходов: «1) под “публичными” преимущественно подразумеваются те виды деятельности или полномочия, которые так или иначе были связаны с государством и обществом, тогда как под “частным” понимается деятельность частных граждан; 2) в противопоставлении публичного и частного

выделяют “публичное”, как “открытое” и “доступное для публики”, то есть информацию, которую может получить большинство. Напротив, “частное” – это то, что скрыто от публики, о чем известно лишь ограниченному кругу лиц. Применительно к сфере политики эта дихотомия порождает проблему “публичности” как степени “видимости”, открытости, с одной стороны, государственной власти, с другой – личной жизни граждан»¹⁴. Дуализм публичной сферы не только несет новые риски непотизма, но и выдвигает новые конструкции общественных отношений. Соответственно, в публичной сфере Интернета проектируются, реализуются, обсуждаются и корректируются отношения власти и граждан. Иначе говоря, в киберпространстве представлен как публичный дискурс по актуальной повестке дня, так и интеракции по разрешению насущных проблем.

Во-вторых, модернизация институционального взаимодействия государства, граждан и их объединений привела к переосмыслению государственных функций и коммуникаций. Сначала в Европейском союзе, а за ним и в других странах сферу социальной активности государства стали трактовать как систему служб общего значения. Эта концепция имеет мультипарадигмальный статус, интегрируя французский дюгианский солидаризм, германскую концепцию государственного обеспечения жизнедеятельности населения и англосаксонскую теорию государственного менеджмента. В рамках данной статьи особое значение имеют те ее аспекты, которые привели к развитию доктрины информационного общества.

Понятие публичной (государственной) услуги возможно только тогда, когда имплицитно речь идет о социальной миссии государства, реализуемой в «клиенториентированном» ключе. Конечно, публичные услуги власти оказывали с древнейших времен, начиная от строительства каналов и заканчивая охраной караванов. Вместе с тем «со временем менялись значение и вес публичных услуг в общем объеме производимого публичной властью интегрального организационно-деятельностного продукта, усложнялась внутренняя структура»¹⁵. К XXI в. важнейшими характеристиками качества услуг стали широта доступа, оперативность и прозрачность предоставления, т. е. такие свойства, которые не могут быть обеспечены классической бюрократией, но легко достигаются в условиях киберпространства.

Сервисная сущность современного информационного общества заключается и в новой роли информационных правовых систем, представляющих собой специфические сервисы по работе с правовой информацией. По мнению Д. Б. Новикова, правовую информацию можно определить как массив правовых актов и тесно связанных с ним справочных, нормативных и иных материалов, охватывающих все сферы правовой деятельности¹⁶. Гарантии правового информирования населения предусмотрены ст. 5, 24 и ч. 4 ст. 29

Конституции Российской Федерации. Доведение до населения правовой информации, затрагивающей права, свободы и обязанности человека и гражданина, является важной составляющей деятельности органов государственной власти. Доступ к правовой информации раскрывается также в таких нормативно-правовых актах, как Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов Российской Федерации»; Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». 4 мая 2011 г. Президент России утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан».

Информационная правовая система является ядром, получая и распространяя правовую информацию в электронном виде по территории всей страны¹⁷. Аккумулируя правовые документы, обеспечивая их синхронизацию и обновление, предоставляя удобную оболочку для работы с ними, информационно-правовые системы обеспечивают новое качество работы с правовой информацией, делают ее обозримой и операциональной. Интенсивное развитие информационно-правовых систем характерно для всех развитых стран. Наиболее успешными оказываются негосударственные проекты таких систем, поскольку они отличаются слишком высокой затратностью для бюджета.

В настоящее время в нашей стране существуют и государственные, и негосударственные системы правовой информации. Деятельность первых предусмотрена Федеральным законом от 21 октября 2011 г. № 289-ФЗ, вносящим поправки в Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». В соответствии с Законом, «Официальный Интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) считается источником официального опубликования федерального конституционного закона, федерального закона, акта палаты Федерального собрания. Этот портал, зарегистрированный как сетевое издание и федеральная государственная информационная система, обеспечивает свободный круглосуточный доступ граждан к актуальной и ретроспективной информации по трем разделам: ИПС «Законодательство России» (зарегистрирована как СМИ – электронное периодическое издание); официальное опубликование правовых актов; Свод законов Российской Империи. Кроме того, на портале возможно размещение муниципальных правовых актов и нормативных правовых актов федеральных

органов исполнительной власти, признанных Министерством юстиции России не нуждающимся в государственной регистрации.

К государственным информационным правовым системам относятся также портал «Нормативные правовые акты Российской Федерации» Единой системы информационно-телекоммуникационного обеспечения Минюста России; информационно-правовая система Федерального собрания Российской Федерации. Также в Российской Федерации действуют негосударственные системы правовой информации – «Гарант», «Кодекс», «КонсультантПлюс», Экспертная юридическая система «Lexpro», система «Юрист» и т. д.

Основная проблема сосуществования государственных и негосударственных информационных правовых систем заключается в конфликте качества информации и качества сервиса. Надлежащее качество (точность и достоверность) правовой информации могут обеспечить только компетентные органы государственной власти, тогда как комфортность пользования, оперативность, актуальное обновление и правовое сопровождение эффективнее обеспечиваются коммерческими системами, обладающими достаточными мощностями серверов, профессиональными вебдизайнерами и проч. Вся деятельность негосударственных систем (включая получение прибыли) возможна только благодаря усилиям государственных структур, реализующих свою функцию в условиях жесткого дефицита средств. Коммерциализация же правовой информации чревата потерей открытого доступа для большинства граждан, часто равнозначной неспособности защитить свои права и законные интересы.

Однако, несмотря на издержки и противоречия, связанные с обозначенным конфликтом, информационные правовые системы все чаще используются для работы с правовой информацией как рядовыми гражданами, так и юристами-профессионалами.

В итоге рассмотренных процессов дискурс информационного общества сместился в плоскость артикуляции проблем формирования специфических публичных и государственных сервисов на основе конкретных технологических платформ, т. е. к новым проектам организации публичной сферы, связанным с новыми коммуникативными функциями современного государства. Тематика исследований стала технологической, поскольку ориентировалась на поиск конкретных технических решений.

По сей день технократическая версия концептуализации информационного общества доминирует над знаниевой в силу внедрения в политико-правовую жизнь ИКТ. Осмысление проблем электронного правительства перевело теоретическое мышление от анализа новых экономических эффектов ИКТ к эффектам полити-

ко-правовым, связанным с активным использованием ИКТ в государственном строительстве. Достаточно масштабно изученное увеличение объемов информации уступило исследованиям способов ее движения. Логика «от информации к коммуникации» позволяет не только обнаружить конфигурацию коммуникационной инфраструктуры информационного общества, но и увидеть ее динамику, управляемое развитие. Использование ИКТ подчиняется цели обеспечения перманентной оптимизации партисипативного взаимодействия власти и общества, взаимной открытости к сотрудничеству с заинтересованными в решении проблем субъектами.

Распространение Интернета нередко рассматривают как угрозу национальному суверенитету. Выступая агентом глобализации, Интернет способствует эрозии суверенитета государства, поддерживая паутину транснациональных интеракций. Т. М. Полякова демонстрирует спекулятивность политико-правового идеала информационного общества, предлагающего очередной «общественный договор», который ориентирует на «абстрактного человека» и отказ от национальных интересов¹⁸. Однако цели использования техники определяет человек. Космополитическая реальность информационного общества оказалась утопией – государства сохранили свое национальное своеобразие в разработке конкретных технологических решений электронных инноваций в сфере отношений государства и общества, создании систем разнообразных сервисов, обеспечивающих оперативную и прозрачную поставку услуг государством населению.

По меткому замечанию А. В. Андреева, «современное государство стремится решать все меньше проблем, используя традиционные ресурсы управления, и все чаще вынуждено прибегать к “гибким стратегиям”. Государство в конце XX в. действует в сетях внутрисоциальных и транснациональных взаимоотношений»¹⁹. Новые возможности самоорганизации, которые дает Сеть, государство учится направлять и контролировать. Главным ее инструментом в решении этой задачи является право, которое не может оставаться неизменным в новых условиях. ИКТ становятся неотъемлемым средством решения политико-правовых задач, в результате чего, с одной стороны, политическая и юридическая практика меняются под влиянием информатизации, а с другой, сами технологии адаптируются к решению юридических задач.

В итоге информационно-коммуникационная технология приобретает черты юридической технологии, подчиняясь содержательным и процессуальным требованиям, вытекающим из сущности права.

Таким образом, современный этап развития информационного общества, вызванный информатизацией публичной сферы, представлен интенсивными процессами юридизации ин-

формационно-коммуникационных технологий, обслуживающих построение электронного государства, определяемого как совокупность сетевых сервисов по предоставлению публичных услуг и правовой информации в онлайн-режиме, а также электронных платформ, обеспечивающих деятельность базовых ветвей государственной власти.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Савинцева М. И.* Информационное общество и основы правового регулирования и развития информационно-телекоммуникационной индустрии в Японии // Япония. 2008. № 37. С. 132.
- ² Там же. С. 131.
- ³ См.: *Тоффлер О.* Футурошок. СПб. : Лань, 1997.
- ⁴ См.: *Тоффлер О.* Третья волна. М. : АСТ, 1999.
- ⁵ См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999. С. 18.
- ⁶ Там же. С. 655.
- ⁷ См.: *Иноземцев В. Л.* За пределами экономического общества : постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М. : Academia, Наука, 1998. С. 50.
- ⁸ См.: *Обществом знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО.* Париж : Изд-во ЮНЕСКО, 2005. С. 19.
- ⁹ *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 105.
- ¹⁰ См.: *Гидденс Э.* Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 483.
- ¹¹ *Эванс Т.* Гражданство и права человека в век глобализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. Реферативный журнал. 2002. № 2. С. 11.
- ¹² *Прокудин Д. Е.* Проблемы реализации прав человека в информационном обществе // ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 4. С. 162.
- ¹³ См.: Интернет в общественной жизни : пер. с англ. М. : Идея-Пресс, 2006.
- ¹⁴ *Казakov М. Ю., Кутырев В. А.* Интернет как сетевая публичная сфера // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 449.
- ¹⁵ *Понкин И. В.* Понятие публичных услуг // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. 2014. № 1 (38). С. 137.
- ¹⁶ См.: *Новиков Д. Б.* Основные принципы построения эффективной системы распространения правовой информации. 2000. Апрель. URL: <http://www.consultant.ru/about/nc/legalinfo/doklad/> (дата обращения: 01.08.2016).
- ¹⁷ См.: *Шельменков В. Н.* Роль информационных правовых систем в информационном обществе // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18). С. 60.
- ¹⁸ См.: *Полякова Т. М.* Суверенное государство и политика в информационном обществе // Науч. труды Сев.-Зап. ин-та управления. 2011. Т. 2, № 3. С. 152–165.
- ¹⁹ *Андреев А. В.* Глобализация, информационные технологии и формирование «глобального сетевого общества» // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2012. № 1 (49). С. 58.

Образец для цитирования:

Тихонова С. В. Публичная сфера информационного общества : развитие электронного государства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 80–85. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-80-85.

Cite this article as:

Tikhonova S. V. Public Sphere of Information Society: Development of the Electronic State. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 80–85 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-80-85.

УДК 37.035.6:35.08

СМЫСЛЫ И ПАРАДОКСЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС

Ю. Н. Трифонов

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: liony12345@rambler.ru

В статье показана глубокая и всесторонняя диалектическая взаимосвязь политики и патриотизма. Осуществлен анализ содержания патриотического дискурса в современной России, выявлены имеющиеся противоречия и тенденции дальнейшего развития. Обоснована несостоятельность теоретико-методологических приемов либеральной трактовки патриотизма, представляющей, по сути, псевдопатриотизм.

Ключевые слова: политика, патриотизм, патриотический дискурс, политическое содержание патриотизма.

Meanings and Paradoxes Patriotic Discourse in Modern Russia: Political and Philosophical Foreshortening

Yu. N. Trifonov

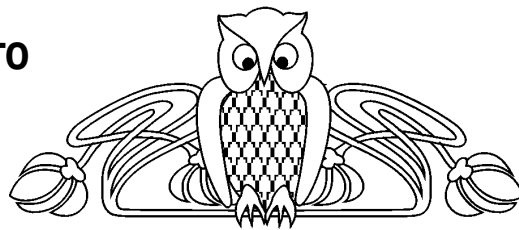
The article shows a profound and comprehensive dialectical relationship of politics and patriotism. The analysis of the content of patriotic discourse in modern Russia, revealed the contradictions and tendencies of further development. It substantiates inconsistency of the theoretical and methodological receptions, liberal interpretation of patriotism, representing, in fact, pseudo-patriotism.

Key words: politics, patriotism, patriotic discourse, political content of patriotism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-86-91

Patriotica традиционно занимает особое место в истории политико-философской мысли. Действительно, патриотическая проблематика во все времена была прочно встроена в политический дискурс, касающийся прошлого, настоящего и будущего стран и мирового сообщества. Это обусловлено тем, что политика и патриотизм, как и иные явления общественной жизни, имеют диалектический характер и оказывают друг на друга весьма существенное влияние. С одной стороны, политикой во многом определяется содержание патриотизма, его направленность и интенсивность. С другой стороны, именно патриотизм является той ценностью, вокруг которой формируется ядро политической культуры любого жизнеспособного общества.

Хорошо известны периоды укрепления и, напротив, ослабления патриотических чувств и умонастроений под воздействием политико-идеологических факторов. Наряду с этим можно привести массу примеров того, что успехи (или, напротив, неудачи) в проводимой политике во многом определялись уровнем патриотизма

граждан. В этом смысле один из наиболее ярких примеров – достижение военно-политических целей в Великой Отечественной войне благодаря жертвенному и героическому патриотизму советского народа.

При этом взаимосвязь политического и патриотического сознания отличается особой глубиной и близостью. Об этом свидетельствует сама сущность политического сознания, отражающего коренные интересы крупных социальных групп, через призму которых выражается отношение к национально-государственному устройству страны, его основным сферам. А это, в свою очередь, определяет политическое содержание патриотизма.

Даже имевшиеся в истории страны периоды, озаменованные разгулом антипатриотической риторики и практики, свидетельствуют, тем не менее, об остроте патриотического вопроса и желании его решить, исходя из определенных политических интересов. Нападки пришедших к власти в 90-е гг. прошлого века политических сил и их идеологов на все советское, и прежде всего на духовный стержень того общества – советский патриотизм, вполне понятны и объяснимы. Организовав борьбу с патриотизмом, отождествив советский (российский) патриотизм с «квасным» патриотизмом и даже более того – объявив его «последним прибежищем негодяев», они весьма преуспели в деле депатриотизации россиян, особенно молодого поколения. Вот только по аналогии с тем, что «целили в коммунизм, а попали в Россию», получилось и здесь: целили в советский патриотизм, а попали в патриотизм россиян, который, как известно, не исчерпывается одной лишь политической составляющей. Справедливо на этот счет утверждение И. Р. Шафаревича о том, что искусственное разрушение патриотизма – самый надежный путь уничтожения народа¹. Последствия той деструктивной политики наблюдаются и по сей день.

К слову сказать, тот период был характерен не только прямыми нападками на патриотизм, но и поиском новой его модели применительно к изменившимся социально-политическим реалиям. В частности, имели место метафизические подходы, выраженные, с одной стороны, в нигилистическом отношении к политическому содержанию патриотизма, а с другой стороны, в его абсолютизации. В связи с этим вспоминается достаточно известная полемика тех лет. Так, Т. М. Глушкова критиковала И. Р. Шафаревича за

то, что, заявив себя антипатриотом советской и патриотом постсоветской России, он тем самым стал «патриотом по обстоятельствам»².

Признавая безусловную правомерность выделения И. Р. Шафаревичем политического содержания патриотизма, нам представляется ошибочным его абсолютизация, при которой не берутся во внимание иные компоненты и проявления патриотизма. Ведь антипатриотизм по отношению к советской России означает не только неприятие существовавшего тогда политического строя и господствующей идеологии, но и всех иных сфер Отечества как объекта патриотизма и, как следствие – достижений советских людей в науке, технике, производстве, культуре, спорте и т. д.

Не права была, наш взгляд, и Т. М. Глушкова, утверждая, что патриотизм не оговаривает какого-либо социально-политического устройства Отечества³. В утверждениях такого рода фактически отрицается социально-политическая составляющая патриотизма, либо же в качестве объекта патриотизма допускается любая социальная и политическая среда, с чем, безусловно, нельзя согласиться.

Наблюдающийся в последние годы всплеск патриотических настроений россиян обусловлен преимущественно историческим воссоединением Крыма с Россией и последовавшими за этим событиями как внутри страны, так и на международной арене. Данное обстоятельство актуализирует необходимость дальнейшего исследования диалектики политики и патриотизма, тем более что их связь и взаимовлияние понимаются по-разному, порой диаметрально противоположно.

Действительно, политический дискурс относительно сути и природы патриотизма весьма противоречив. По мнению А. А. Вилкова и К. Ю. Колесникова, противоречие в трактовке его содержания и мотивационной функциональности вызвано наличием различных мировоззренческих и идеологических позиций исследователей и общественно-политических деятелей⁴. В результате мы имеем достаточно широкий диапазон оценок – от признания патриотизма наивысшей ценностью до полного отрицания его значения. Хотя справедливости ради отметим, что в условиях патриотического тренда отрицание любви к Родине становится весьма одиозным, и поэтому используются иные приемы и методы девальвации патриотических ценностей.

Тем не менее, следует признать, что единого понимания патриотизма как не было, так и нет. Имеющиеся различия усматриваются, прежде всего, в том, что подлинно патриотическим объявляется определенный политический курс – либеральный, социал-демократический, консервативный, либо же какая-нибудь их модификация, а то и радикализация. Тем самым представители различных политических сил пытаются монополизировать право на патриотизм и упрекают своих оппонентов в неправильном его понимании, а

то и в антипатриотизме. Заметим, что определенные основания для таких выводов имеются.

Ясно, что в понятие «патриотизм» вкладывается определенный смысл, исходя из политических пристрастий. Поэтому вполне допустимо говорить о наличии в современном политическом дискурсе России различных «патриотизмов»: «консервативного», «социал-демократического», «коммунистического», «либерального» и т. п. Наличие политически и идеологически окрашенной любви к Родине и порождает извечные споры о том, кто патриот истинный, а кто мнимый (лже-патриот).

Как представляется, для достижения некоего консенсуса в вопросе о том, кто патриот, а кто – нет, следует признать, что все (в той или иной степени) являются патриотами, и это должно объединять. Представители всех политических течений по-своему любят Россию, но для каждого имеется свой желанный образ России – «монархический», «коммунистической», «либеральной» и т. д. А вот это, к сожалению, в наибольшей степени разъединяет. На этот счет в научной литературе справедливо отмечается, что должна «сложиться четкая и полноценная “шкала” политических ориентаций на разные, но конкретные направления стратегического развития страны. Когда патриотические ценности станут ядром политической культуры российских граждан, независимо от их идеологических пристрастий. Когда любой российский гражданин, ориентирующийся в политике по своему идеологическому азимуту, не будет противопоставлять свою позицию как единственно патриотическую в противовес всем другим и, напротив, будет признавать право на патриотическую позицию своих сограждан в рамках выбора иного идеологического вектора стратегического развития страны»⁵.

В целом же на страницах научной и публицистической литературы по политической тематике в настоящее время преобладает преимущественно положительное отношение к патриотизму⁶. Соответствующую риторику используют представители различных политико-идеологических воззрений, причем не только те, кто всегда твердо и последовательно отстаивал патриотические ценности. Например, по образному выражению И. Б. Чубайса, известного своей приверженностью к либерализму, патриотизм – это и есть имунная система общества⁷.

Весьма показательны в этом отношении позиции политических партий в период избирательной кампании в Государственную думу 2016 г. Патриотическая тематика была взята на вооружение практически всеми политическими силами и активно использовалась в качестве весомого аргумента в борьбе за голоса избирателей. В этом усматривается определенный парадокс, связанный с использованием патриотизма теми, кто ранее вел с ним решительную борьбу.

Речь идет о сторонниках либеральной идеи во всех ее новейших модификациях.

Изменившаяся социально-политическая ситуация в России, да и просто наличие определенного здравого смысла заставили нынешних приверженцев либеральных традиций рядиться в «патриотические одежды». Для иллюстрации отметим некоторые пассажи предвыборной платформы Демократической коалиции РПР-ПАРНАС (принятой на съезде РПР-ПАРНАС 5 июля 2015 г.)⁸. В ней (в это трудно поверить, не увидев) заявлено, что «наша платформа – патриотическая». Причем это заявлено даже раньше, чем лозунг о том, что «наша платформа – либеральная».

Внимательное прочтение данного программного документа не вызывает ни малейшего сомнения в том, что либеральный курс – это стратегическое направление парнасцев. Но вот в том, что их платформа – патриотическая, есть большие сомнения. В чем сами авторы предвыборной платформы видят ее патриотичность? Прочитируем дословно:

«Это значит, что мы:

– любим нашу страну, видим ее проблемы, намерены их решать;

– не путаем любовь к своей стране с любовью к начальству и не принимаем подмену патриотизма ксенофобией и шовинизмом;

– уважаем нашу историю и потому намерены восстанавливать преемственность с периодами исторических взлетов, решительно осуждая совершенные государством преступления;

– хотим, чтобы из нашей страны не хотелось уезжать и хотелось в нее возвращаться;

– будем стремиться к тому, чтобы нашу страну уважали без страха, а ее жителям – завидовали»⁹.

Казалось бы, ну наконец-то одумались и взяли на вооружение мощный потенциал патриотизма. Но это, к сожалению, только видимость, реакция на патриотический тренд, так как, помимо этих очевидных деклараций, предлагаемая программа действий имеет мало общего с интересами большинства россиян, а потому вряд ли может быть признана на самом деле патриотической.

Посудите сами, сделанные заявления до того очевидны и банальны, что о реальном патриотическом наполнении самой платформы не дают никакой информации. Да, замечательно, когда говорится о том, что «любим нашу страну, видим ее проблемы, намерены их решать». Но при этом, как известно, любовь к Родине включает в себя не только видение ее проблем и намерение их решать, но и видение ее успехов, достижений как основу движения вперед. Однако чувство гордости за страну и за свершения народа, как известно, либералам чуждо.

Следующая декларация о том, что они не путают любовь к своей стране с любовью к начальству и не принимают подмену патриотизма

ксенофобией и шовинизмом, также вызывает определенное изумление. Любому человеку, интересующемуся теорией патриотизма, ясно, что он не имеет ничего общего не только с любовью к начальству, ксенофобией, шовинизмом, но и многими иными негативными проявлениями. Ну и зачем провозглашать эти «истины»? Очевидно, затем, чтобы упрекнуть россиян, поддержавших политическое решение о воссоединении Крыма с Россией, в «начальствофильстве», верноподданничестве, политическом холуйстве, отождествляя на самом деле любовь к Родине с любовью к государству и его руководителям.

Остальные заявленные банальности парнасцев нет возможности комментировать в силу требований к объему публикации. Позволим только задать вопрос о том, к чему может привести на практике гипотетическая возможность ПАРНАСа реализовать свои политические амбиции? Вот лишь несколько возможных сюжетов. Если, например, будет реализована такая поставленная цель, как категорический отказ от политики территориальных претензий и приобретений в любых формах. Только представим себе, во что, в какие потрясения выльется попытка «вернуть» Крым Украине. И то, что подавляющим большинством россиян категорически не приемлется такой вариант событий, несколько не волнует лидеров и сторонников данной партии.

Дальше последует насаждение подлинных западноевропейских ценностей, таких как легализация однополых браков, полная свобода представителям ЛГБТ-сообщества и т. д. А зачем считаться с тем, что у россиян иные семейные ценности, как говорится, стерпится-слюбится. Дальше, думается, нет необходимости перечислять возможные последствия практической реализации предвыборной платформы Демократической коалиции РПР-ПАРНАС, так как риски для мирной жизни общества достаточно очевидны. Но при этом данное блюдо теперь подается под «патриотическим соусом», что еще более опасно.

Таким образом, можно заключить, что либеральная модель патриотизма представляет собой, по сути, псевдопатриотизм. При этом, оседлав «псевдопатриотического ослика», отечественные либералы совершили политический кульбит и показали во всей красе свое политическое хамелеонство. Но, думается, что в очередной раз им не удастся ввести в заблуждение россиян, даже используя патриотическую риторику.

Для совершения разворота от антипатриотизма к патриотизму либерального толка (а фактически псевдопатриотизму) необходимо было соответствующее теоретико-методологическое обоснование. Пришлось обозначить свое понимание патриотизма, в основу которого положен тезис об его «интимном характере». Суть такой трактовки заключается в том, что якобы патриотизм – дело сугубо личное, интимное, и это чув-

ство не следует выставлять напоказ. Традицию такой интерпретации патриотизма в свое время заложил один из архитекторов перестройки А. Н. Яковлев, утверждавший, что «настоящему патриоту как-то неловко убеждать других, что он любит Родину»¹⁰. В этом ключе продолжают рассуждать представители либеральной интеллигенции. Так, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктов внушает слушателям, что де «патриотизм – это очень интимное чувство, и нечего им размахивать, как бюстгалтером»¹¹.

Однако если согласиться с тем, что любовь к Родине интимна, то следует скрывать это чувство. В результате о нем никто не будет знать, так как оно никак не будет проявляться. То есть патриотизма, по сути дела, нет вообще. Истинная цель внедрения в общественное сознание понятия «интимный патриотизм», на наш взгляд, – ликвидировать подлинный патриотизм россиян, который носит открытый, публичный характер, поскольку проявляется не только в словах, но и, что важнее, в делах и поступках.

Кроме того, в содержание своей модели патриотизма либералы включили критическую позицию по отношению к государству и защиту общества и отдельных граждан от его посягательства на их естественные права и свободы¹².

Однако критика власти у либералов отличается особой избирательностью – ей подвержены все, за исключением самих себя. На этот счет А. А. Вилков обращает внимание на еще один заложенный либералами в 1990-е гг. парадокс, связанный с тем, что борьба за нравственные демократические принципы, воплощенные в Конституции РФ, осуществлялась ими безнравственными способами, противоречащими правовым нормам¹³.

Но наиболее тонким теоретическим инструментом обоснования своего (либерального) понимания патриотизма стало тиражирование размышлений о невозможности его определения (некоей «неопределенности» и даже «непознаваемости» патриотизма) и, как следствие, допустимости различных трактовок данного феномена. По утверждению Н. М. Ильичева, ранее позицию отрицания возможности определения патриотизма занимал Е. Т. Гайдар¹⁴. Прием, как видно, не новый, но несколько адаптированный к сложившемуся социально-политическому контексту. Например, доктор политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН И. Б. Фан утверждает следующее: «Патриотизм историчен... Невозможно раз и навсегда определить патриотизм. Каждое поколение людей делает это по-новому. Приобретенный исторический опыт в рамках конкретного поколения также вносит вклад в конкретное содержательное наполнение патриотизма»¹⁵.

В заданном методологическом ключе, к сожалению, рассуждают в том числе и авторы, не

являющиеся сторонниками либеральной модели патриотизма. Так, по мнению К. Ю. Колесникова, делающего акцент на динамике «патриотизма» в политической культуре общества и индивида, гражданин не только меняет напряженность патриотического чувства, но и порой отказывается от прежнего своего понимания «патриотизма» в пользу какого-то нового понимания¹⁶. На этом основании ставится под сомнение стремление теоретиков выработать универсальное определение патриотизма.

С данными утверждениями, казалось бы, трудно спорить. Но все же попробуем разобраться в диалектической природе патриотизма. Безусловно, он носит конкретно-исторический характер, наполняясь в каждую эпоху новым содержанием, и, как следствие, изменяется во всех своих возможных проявлениях. На это, собственно говоря, и обращают свое внимание авторы. Вот только ими не берется во внимание, забывается (или отбрасывается) другая сторона патриотизма – его относительная устойчивость на уровне сущности. Поэтому представляется, что меняются в большей степени содержание и проявления патриотизма, тогда как его сущность в основе своей остается неизменной. Действительно, сущность патриотизма диалектична, т. е. относительно устойчива, хотя и подвержена определенным изменениям под воздействием трансформирующейся социально-политической, экономической и духовной среды.

Кроме того, необходимо учитывать диалектику единичного, особенного и общего рассматриваемого феномена. Патриотизм в конкретном своем проявлении всегда индивидуален, уникален и неповторим. Но вместе с тем в конкретном патриотическом действии всегда имеют место общие, повторяющиеся черты. В этом смысле патриотизм представляет собой диалектическое единство единичного и общего. Поэтому, делая акцент на индивидуальном переживании и проявлении патриотических чувств, все-таки нельзя забывать об его общих источниках и способах выражения.

Многочисленные подтверждения этому мы находим в нашей истории. Так, безусловно, отличались по характеру и используемому вооружению действия подлинных патриотов – защитников Отечества на Чудском озере, Куликовом и Бородинском поле, под Москвой, Сталинградом и Курском и т. д. Но при этом суть патриотического действия оставалась неизменной – отпор врагу и защита родной земли, своих родных, близких, а тем самым и всех соотечественников.

Точно так же было и в мирной жизни. Каждодневный созидательный труд, освоение новых земель (хотя порой и с военной составляющей), создание «мирного атома», прорыв в космос, достижения в культуре и искусстве – все это и многое другое есть наивысшее проявление любви к Родине. Менялись времена, менялись люди,

но суть патриотического действия оставалась неизменной.

Внедрение в общественное сознание мысли о том, что невозможно раз и навсегда определить патриотизм, представляет собой очередную попытку его размыть, дезавуировать, исказить. Это рассчитано, по задумкам таких ученых, на то, что если определить патриотизм невозможно, то и самого определяемого (т. е. патриотизма) как бы и нет как такового. Поэтому, вопреки утверждению И. Б. Фан, можно и нужно определить патриотизм. Во все времена под патриотизмом понимались чувства и идеи любви людей к своему Отечеству, выраженные в соответствующем к нему отношении и патриотической деятельности. Исходя из этого, можно дать следующее определение: «Патриотизм – это положительное отношение людей к своему Отечеству, выраженное в чувствах и идеях любви к нему, проявляющееся в деятельности на его благо»¹⁷.

Методологическое значение данного определения усматривается в авторском понимании сути патриотизма, в том числе и в настоящий момент, переживаемый Россией, с учетом сложившегося социально-политического контекста. С этим связана и достигаемая определенность того, каким именно пониманием патриотизма следует руководствоваться всем агентам патриотического воспитания. Отсутствие же ясного понимания того, что именно следует формировать, снижает эффективность патриотического воспитания.

Понятно, что это определение (как и иные), может быть подвергнуто критике со стороны тех, кто считает, что невозможно раз и навсегда охарактеризовать патриотизм. В очередной раз могут последовать призывы при определении патриотизма отказаться от его абстрактного характера – внеисторического, внеконтекстуально, бессубъектного¹⁸.

Между тем, как представляется, предложенное нами определение, раскрывающее суть патриотизма, позволяет при дальнейшем обстоятельном рассмотрении увидеть и историческое наполнение, и социально-политический контекст, и всех его возможных субъектов. В частности, автор данной статьи ранее дал достаточно обстоятельный анализ патриотизма как субъект-объектного отношения¹⁹.

А вот с чем действительно трудно согласиться, так это с утверждением о том, что ни одно из пониманий патриотизма не должно иметь монопольного права на истину и подлинность²⁰. Тем самым нам внушается мысль о том, что научно обоснованное понимание патриотизма может быть подвергнуто сомнению в его истинности и, наоборот, заведомо ложная трактовка патриотизма вполне может претендовать на место в политическом дискурсе. Да так, собственно говоря, и происходит. Получается, что любые версии и модели патриотизма («консервативный», «социал-демократический», «коммунистический»,

«либеральный» и т. д.) в равной мере могут претендовать на истину. Но если с этим можно соглашаться или дискутировать, поскольку речь идет о политическом содержании патриотизма, то на уровне его сущности желательно все-таки руководствоваться не многими определениями, а тем, которое наиболее приближено к истине.

Высказывания о том, что патриотизм – понятие сложное, и каждый понимает его по-своему, способствуют появлению многих деформаций, искажений, а то и антиподов патриотизма. Соглашаясь с тем, что это сложное явление, мы не можем допустить его понимания так, как это делали Отрепьев, Власов и другие изменники Родины. Это, наконец, должны понять те, кто вольно или невольно разделяют мнение внешнеполитических противников России и тем самым фактически становятся на путь предательства интересов Отечества.

Лучший критерий истины, как известно, практика. В нашем случае – реальная политическая жизнь. Не только в целом проводимый или предлагаемый политический курс, но и определенная трактовка патриотизма той или иной политической силой является условием ее поддержки населением. На это обращает внимание К. Ю. Колесников: «В современной ситуации либералы фактически предлагают “несознательным” гражданам принять идеалы либерализма на веру и быть готовыми пожертвовать основами своей сегодняшней повседневной жизни в родном Отечестве ради высоких идей и ценностей, которые должны стать залогом процветания в будущей жизни в рамках космополитического демократического мирового сообщества. Такая трактовка патриотизма и стала одной из важнейших причин отсутствия серьезной электоральной поддержки праволиберальных партий в последние полтора десятилетия»²¹.

Справедливость данного утверждения наглядно продемонстрировали итоги выборов в Государственную думу 18 сентября 2016 г.

По мнению Т. В. Беспаловой, либерально-демократическое «прочтение» патриотизма носит откровенно антинациональный характер и требует отказа от традиционного наполнения его содержания (национального самосознания, православной духовности и русской культуры, имперской государственности), предлагая взамен суверенитет и свободу личности, национальное согражданство без этнической идентификации и смену цивилизационной парадигмы²².

Как представляется, одно из наиболее глубинных внутренних противоречий либеральной модели патриотизма заключается в попытке вмонтировать в желаемый образ человека-космополита некие качества патриота демократического толка. Но дело в том, что идеология либерализма предлагает такое видение человека, при котором он представляется в виде отдельного атома, освобожденного от всех структур, в кото-

рые он входит, и определяется безотносительно к родине, культуре и исторической памяти какого-либо конкретного народа и государства²³. Желание совместить несовместимое и приводит к тому, что данная модель не находит широкой поддержки граждан.

Тем не менее, обращение к патриотизму со стороны любых политических сил следует приветствовать, так как именно на этой основе и возможно движение вперед – к процветающей России.

Таким образом, патриотический дискурс в современной России богат и разнообразен по своему содержанию, наполнен поиском смыслов, столкновением мнений, а также не лишен некоторой парадоксальности.

Примечания

- 1 См.: *Шафаревич И. Р.* Что такое патриотизм? // Политика. 1991. № 1, март.
- 2 *Глушкова Т. М.* «Элита» и «чернь» русского патриотизма. Авторитеты измены // Молодая гвардия. 1995. № 7. С. 157.
- 3 Там же.
- 4 См.: *Вилков А. А., Колесников К. Ю.* Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2015. № 1. С. 1.
- 5 *Колесников К. Ю.* Особенности политики патриотического воспитания граждан России в условиях партийно-идеологического плюрализма : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2015. С. 13.
- 6 См.: *Воронцов С. А., Понеделков А. В., Вилков А. А.* Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Учен. зап. СКАГС. 2015. № 3. С. 70–74.
- 7 См.: *Чубайс И.* Разгаданная Россия. Что же будет с Родиной и с нами. (Опыт философской публицистики). М., 2005. С. 3–4.

⁸ См.: Платформа Демократической Коалиции РПР-ПАРНАС. URL: <https://parnasparty.ru/news/42> (дата обращения: 12.11.2016).

⁹ Там же.

¹⁰ *Яковлев А. Н.* Жириновскому и другим «патриотам» в жирных кавычках // Изв. 1995. 25 апр.

¹¹ *Венедиктов А.* Патриотизмом нельзя размахивать, как нижним бельём // АиФ. 2015. 22 апр.

¹² См.: *Головченко А. В.* Инверсии либерального патриотизма в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 99.

¹³ См.: *Вилков А. А.* Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 67.

¹⁴ См.: *Ильичев Н. М.* О сущности, содержании и значении патриотизма // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2003. № 3. С. 88–89.

¹⁵ *Фан И. Б.* Дискурс патриотизма : от многообразия к монополии // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10, вып. 1–2. С. 150.

¹⁶ См.: *Колесников К. Ю.* Указ. соч. С. 12.

¹⁷ *Кузьмин А. В., Трифонов Ю. Н.* Формирование патриотизма : возможности государственной политики // Учен. зап. Тамб. регион. отд-я РосМУ / отв. ред. А. В. Кузьмин. Вып. 4. Перспективы развития научного знания в XXI веке. Экономика России : проблемы, тенденции, перспективы. Тамбов, 2015. С. 85.

¹⁸ См.: *Фан И. Б.* Указ. соч. С. 150.

¹⁹ См.: *Трифонов Ю. Н.* К вопросу о патриотизме как субъект-объектном отношении // Вестн. Тамб. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 1996. № 2. С. 87–90.

²⁰ См.: *Фан И. Б.* Указ. соч. С. 151.

²¹ *Колесников К. Ю.* Указ. соч. С. 20–21.

²² См.: *Беспалова Т. В.* Патриотизм в современном российском политическом процессе : дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 3.

²³ См.: *Мальцева А. П., Синикина П. А.* «От какого либерализма мы отказываемся» : о негативных последствиях либерализации общественной жизни // Власть. 2013. № 9. С. 24.

Образец для цитирования:

Трифонов Ю. Н. Смыслы и парадоксы патриотического дискурса в современной России : политико-философский ракурс // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 86–91. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-86-91.

Cite this article as:

Trifonov Yu. N. Meanings and Paradoxes Patriotic Discourse in Modern Russia: Political and Philosophical Foreshortening. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 86–91 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-86-91.

УДК 323.2

СЕТЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

И. В. Мирошниченко

Кубанский государственный университет, Краснодар
E-mail: mirinna78@mail.ru

В данной статье автор обосновывает и характеризует действие новых сетевых механизмов формирования идентичностей, которые возникают в контексте социетальных трансформаций современного общества. Автор показывает, что сетевые механизмы формирования идентичности начинают работать в «цифровом поколении» и представляют собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных практик в глобальном информационно-коммуникативном пространстве, способствующих индивидуальной и коллективной идентификации, интериоризации и рефлексии. Автор приходит к выводам, что комплекс сетевых механизмов формирует динамичную матрицу идентичности современного человека, позволяющую реализовать возможности для его развития в современных условиях формирования новой социальной реальности.

Ключевые слова: новая социальная реальность, сетевые механизмы формирования идентичности, сетевая коммуникация, цифровое поколение.

Network Mechanism for the Formation of Social and Political Identity of Modern Youth

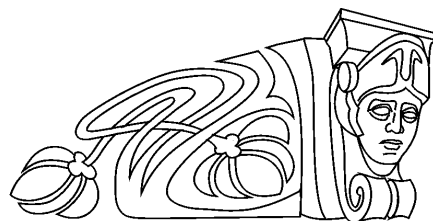
I. V. Miroshnichenko

In this article the author substantiates and characterizes the effect of new network mechanisms of formation of identities that arise in the context of the societal transformation of modern society. The author shows that the network mechanisms of identity formation are beginning to work in the «digital generation» and represent a set of interrelated and interdependent practices in the global information and communication space, contributing to the individual and collective identity, internalization and reflection. The complex includes: the network communication mechanism, the mechanism of reflexive inclusion of the individual in the public space, the mechanism of network-topos structure and mechanism of public crowdsourcing. The authors conclude that the complex network of mechanisms creates a dynamic matrix of identity of modern man, which allows to realize the opportunities for its development in the modern conditions of formation of a new social reality.

Key words: new social reality, networking mechanisms for the formation of identity, network communications, digital generation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-92-97

Современная динамика идентичностей неразрывно связана с глубокими общественными трансформациями, изменяющими институциональные и социокультурные основания современного мира. В научном дискурсе сложилось четкое представление о том, что современная реальность представляет собой новый каче-

ственный этап общественного развития, в котором человек с возрастающей сложностью своего существования становится ключевым субъектом социальных и политических изменений¹. Рефлексия о стремительно изменяющейся социальной реальности, которая отражается во множестве метафорических определений («индивидуализированное общество» З. Баумана, «общество риска» У. Бека, «сетевое общество» М. Кастельса, «infomodernity» И. Семененко, В. Лапкина)², фиксирует тектонические сдвиги в сознании и поведении, в потребностях и мотивах современного человека, механизмах его самоидентификации, которые происходят под влиянием продолжающейся технологической революции³.

Новые сетевые механизмы формирования идентичностей возникают в «пространстве социального взаимодействия, в границах которого интеграция индивидов достигается на основе качественно измененных и усложненных требований к характеру их участия в социальной коммуникации. Условием становления такого пространства оказывается персональная и потенциально интерактивная подключенность к глобальной «информационной среде», посредством которой социальный индивид приобщается к новым универсальным нормам и стандартам поведения, к новым условиям жизни и новым ограничениям доступа к ресурсам»⁴.

Сетевые механизмы, основанные на сетевой коммуникации и сетевых структурах, в контексте новой социальной реальности инициируют сетевую логику изменений⁵ сущностных характеристик и свойств идентичности личности. Именно сети, – пишет М. Кастельс, – составляют новую социальную морфологию наших сообществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью⁶. В данных условиях сетевая коммуникация и сетевые структуры, возникающие в различных сферах общественной жизни и захватывающие доминирующие позиции, становятся одновременно и движущей силой цивилизационного развития, и его результатами.

В современном социально-гуманитарном знании проблема появления и распространения сетевых механизмов формирования идентичностей не имеет своего четкого концептуального

обоснования, но осмысливается в рамках исследований идентичности в условиях формирования новой социальной реальности⁷. Первая группа исследований, рассматривая условия, процессы и результаты формирования идентичности в постсовременности, акцентирует внимание на виртуализации социальной реальности как механизме, трансформирующем жизненное пространство индивида и сфер его деятельности⁸. В системе виртуальной реальности, основанной на мультимедийных и цифровых технологиях, смыслы формируют пространство культурных кодов, символов и идеологий, становясь продолжением существующего публичного пространства обитания человека. Виртуализация, создающая «гиперреальность»⁹, или симуляционный дизайн реальности¹⁰, формирует метастабильные, реконструируемые, эклектичные, ситуативные и мозаичные идентичности знаково-символической природы, ассимилированные в сетевом взаимодействии¹¹. Вторая группа исследований, акцентирует внимание на механизмах, основанных на технологических возможностях интерфейсах социальных онлайн-сетей, способствующих формированию сетевой идентичности, которая рассматривается как конструирование проекта личности в онлайн-пространстве, направленного на удовлетворение разнообразных потребностей индивида¹².

Сетевые механизмы формирования идентичностей представляют собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных практик в глобальном информационно-коммуникативном пространстве, способствующих индивидуальной и коллективной идентификации, интериоризации и рефлексии. Комплекс включает механизмы: сетевой коммуникации, рефлексивной включенности личности в публичное пространство, сетевого топос-структурирования, публичного краудсорсинга.

Важно, что сетевые механизмы формирования идентичностей начинают «работать» в социальной среде «цифрового поколения». «Цифровым поколением» в современном социальном знании, благодаря работам Д. Тэпскотт и М. Пренски¹³, стали назвать популяцию людей, рожденных в 1990-х гг. в период цифровой революции и взрослых одновременно с экспонентным развитием Интернета, рассматриваемого как «осевое событие» и формирующего «лицо» поколения. В данном случае цифровая трансформация общества создает социальную программу развития, в которой отражаются состояние материальной и духовной культуры, тип общественных отношений и посредством которой формируется поколение¹⁴. Это поколение молодых людей, социализация которых проходит под огромным влиянием виртуального медиа-пространства, а навыки социального поведения формируются в рамках виртуального взаимодействия¹⁵. Как показывают современ-

ные социологические исследования интернет-аудитории, проникновение Интернета в среду молодых россиян (16–29 лет) достигло предельных значений еще в предыдущие годы и на конец 2016 г. составляет 97%¹⁶. Социологический портрет «цифрового поколения» основывается на таких характеристиках его представителей, как «тотальная» креативность, инновационность, информированность (благодаря постоянной включенности в поисковую деятельность) и многозадачность (рассматриваемая как способность решать несколько когнитивных задач одновременно)¹⁷.

Механизм сетевой коммуникации, основанный на технологических возможностях web 2.0 и web 3.0, представляет собой способ продуцирования индивидуальных и коллективных форм аккумуляции информации, создания/распространения нового контента/новых знаний. Функциональность механизма сетевой коммуникации для воспроизводства/позиционирования традиционных и конструирования новых идентичностей заключается в его цифровой природе (готовность и открытость к изменениям) и сетевым этосом (ориентация на интеграцию в сообщество разнообразных по ценностным предпочтениям и статусам акторов, обеспечение сотрудничества между ними на основе выработки единого ценностно-нормативного комплекса). В рамках такого подхода традиционных методов к анализу технологий формирования идентичности оказывается недостаточно¹⁸.

Механизм сетевой коммуникации позволяет конструировать и управлять своими идентичностями в публичном онлайн-пространстве, что характерно для представителей «цифрового поколения». Придавая огромное значение своему публичному онлайн-образу, молодые люди старательно выстраивают его, создавая посредством визуализированных и вербальных образов свою виртуальную личность и продвигая ее в сетевых структурах. Речь идет о так называемой проектно-брендовой идентификации личности, с помощью которой личность в социальных сетях представляется как проект или как серия проектов. При этом данный образ не может быть устойчивым и стабильным: под давлением информации сетевых коммуникаций личность, а вместе с ней и ее виртуальный образ, вынуждены приспосабливаться (изменяться) к новым условиям: новому месту учебы, новому направлению карьеры, к новым гендерным ролям и т. д. То есть гибкая структура сетевых взаимодействий порождает такого же гибкого децентрализованного субъекта, обладающего разовыми «перманентно обретаемыми» идентичностями. Человек, экспериментируя с различными реальными идентичностями, формирует особый тип идентичности как самопрезентации своего «фасадного Я». Данная идентичность не требует от человека отказа от реальных идентичностей, а формируется

общепринятыми в интернет-среде правилами и техническими возможностями, которые дают сетевые платформы самопрезентации.

Механизмы сетевой коммуникации позволяют личности через осмысление ценностных ориентиров индивидуальной деятельности формировать себя как активного субъекта, способного развивать собственную систему социальной идентичности, встраиваясь на основе приоритетных идентификаций в солидарные сообщества социального пространства конкретного общества. Механизм сетевой коммуникации дает возможность личности осуществить собственную презентацию своей реальной жизни и солидаризироваться во мнении, действиях с другими гражданами в сетевом формате. У человека появляется возможность не только заявить, но и благодаря сетевой коммуникации получить «закрепление» статуса своих идентичностей. В результате формируются принципиально новые «персонализируемые сообщества» – сети межличностных связей и взаимодействий, основанные на социальной идентичности и обеспечивающие информацию и поддержку¹⁹. Они реализуют личностные потребности в обществе, опираясь на новые коммуникационные возможности, что в свою очередь способствует их встраиванию в глобальное цифровое пространство социальности, созданное Интернетом.

Механизм сетевой коммуникации дает возможность качественно развивать систему идентичностей личности в сетевой логике, что определяется двумя факторами. С одной стороны, функционирование современных сетевых платформ стало основываться на жестком условии наполнения персональных аккаунтов достоверной идентифицирующей информацией, давая при этом технологические возможности для реализации сетевого общения, обмена информацией и одновременно ведения персональных страниц и блога. Такое построение «работы» социальных онлайн-сетей обусловило «перенос» повседневных или эпизодических коммуникаций пользователей из реального мира в онлайн-пространство и их дальнейшее развитие в рамках позиционирования и функционирования сетевых сообществ. С другой стороны, успех индивидуальных и коллективных стратегий развития в современном обществе определен бинарным принципом: быть или не быть представленным в коммуникационной мультимедиа-системе. То есть выживают и достигают успеха только те, кто принимают сетевую логику, так как мультимодальность и диверсифицированность сетевой коммуникационной системы способствуют интеграции всех существующих и появляющихся когнитивных схем и практик.

Важно, что универсальный по своим характеристикам механизм сетевой коммуникации начинает «работать» на формирование конкретных идентичностей, исходя из целевых уста-

новок их носителей (в зависимости от того, на удовлетворение каких потребностей личности они ориентированы, осуществляя сетевую коммуникацию) и их возможности использовать другие сетевые механизмы. При этом механизм рефлексивной включенности индивидов в публичное пространство, механизм сетевого топос-структурирования, механизм публичного краудсорсинга имеют политическое содержание и в комплексе с другими механизмами обуславливают воспроизводство нового типа публичной политики – сетевой публичной политики. Сетевая публичная политика представляет собой незавершенный проект нелинейного развития, в котором институциональные, процессуальные, технологические и социокультурные компоненты политики приобретают сетевые, синергетические характеристики, «прорастая» поверх рутинных практик традиционной публичной политики. В институциональной среде возникают новые организационные формы и практики разнообразных сетевых структур, а традиционные политические институты под воздействием процессов сетевизации становятся гибридными. Процессуальные свойства публичной политики приобретают отчетливые синергетические черты: нелинейность, стихийность, самоорганизация, бифуркация. Технологические компоненты сетевой публичной политики, встраиваясь на принципах сетевой коммуникации, нацелены на поиск инноваций в сфере политики (инновационного контента, инновационных форм взаимодействия, инновационных ресурсов и решений). Социокультурные компоненты сетевой публичной политики развиваются на основе социального конструирования реальности, где происходит формирование нового типа личности – «человека постмодерна», представителя общества знаний и носителя «гибридной идентичности», способного реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате публичной политики²⁰.

Механизм рефлексивной включенности индивидов в публичное пространство характеризуется как концептуализация индивидуальными и коллективными акторами автономных социальных миров, требующих создания собственных виртуализированных публичных пространств, но находящихся в тесной связи с общим социальным пространством. Концептуализация индивидом собственного социального мира с проекцией в политическую сферу, рассматривается в контексте его рефлексивной включенности в публичное пространство, или, в определении М. Фуко, «управленческой ментальности»²¹ как активности, нацеливающей быть критическим и рефлексивным²². Дуальность результатов рефлексивной включенности индивида проявляется в возникновении «сетевых феодалов и крепостных» в пространстве публичной политики. Так называемые «сетевые феодалы» – индивиды или

политические акторы на основе легитимных практических схем и эксплицитных понятий самостоятельно и оригинально осмысливают политические события, конструируя вокруг себя, своего места или проблемы с проективным набором публичных решений. Индивиды или политические акторы, которые не участвуют в конструировании публичных пространств, а прибегают к осмыслению общественно-политических событий на основе идентификации с созданными «сетевыми феодалами» когнитивных схем и практических решений, становятся «информационными крепостными» в конструируемых публичных пространствах. У. Эко в своей работе 1998 г., оценивая происходящие в результате информационно-коммуникационной революции цивилизационные изменения, пришел к выводу, что в ближайшем будущем общество разделится на две группы: те, кто потребляют медийные продукты в виде «готовых» образов и суждений о мире без критического осмысления получаемой информации; и тех, кто способны конструировать реальность посредством информационно-коммуникационных технологий²³.

Смыслы, когнитивные схемы и нарративы, распространяемые и потребляемые публикой в границах публичного пространства «сетевых феодалов», становятся источниками новой коммуникативной власти. У. Бек говорит о принципиально новом явлении для публичной сферы – «распаде политики»²⁴: на смену властного доминирования национальных государств и централизованных правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными способностями. Так, в глобальном интернет-пространстве наблюдается рост виртуальных государств, географически привязанных к существующим государствам и регионам, и формирующихся в них на основе новых конструируемых идентичностей цифровых наций. К ним можно отнести: Aeterna Lucina в Южном Уэльсе, Bumbunga в Австралии, Conch Republic в США, Kingdom of Elleore в Дании, Filetino в Италии, Ladonia в Швеции и т. д.²⁵ Рефлексивная включенность индивида нарушает монополию государства на установление границ идентичности, в расширенной Интернетом публичной сфере с множеством пространственных координат граждане самостоятельно выбирают, с каким пространством себя ассоциировать (в каких сетях участвовать, а какие формировать самостоятельно), и экспериментируют со своими идентичностями, изменяя природу властных отношений. Конструирование такого рода сообществ предполагает актуализацию в дискурсивных практиках отдельных идентификационных признаков, формирующих определенные когнитивные схемы и модели поведения, отличных от традиционных социальных идентичностей.

Однако в расширяющихся возможностях рефлексивной включенности индивида в публичное пространство и автономной «маршрутизации» публичных коммуникаций существует угроза усиления власти маргинальных групп, которые могут носить и экстремистский характер. Вместе с тем формирование публичных пространств также может происходить на основе использования механизмов манипулирования, социального и политического инжиниринга, где феодалами публичных пространств становятся политические лидеры субполитики – мэры городов, директора крупных бизнес-структур, представители региональных медиаструктур и PR-агентств, цифровые лидеры, гражданские журналисты и др.

Коммуникативная сетевая структура онлайн-пространства предоставляет различным социальным и политическим акторам возможность проектировать и позиционировать новые идентичности, носители которых ориентированы на активные социальные действия в публичной сфере. Формирование такого рода идентичностей происходит благодаря механизмам сетевого топос-структурирования и публичного краудсорсинга.

Под топосом понимается открытое множество практик и практических схем, связанное с некой социальной проблемой или «местом коммуникации акторов». Сетевое топос-структурирование представляет собой механизм формирования публичного пространства, в котором практические схемы, практики, ресурсы акторов публичной политики и структур публичного управления интегрируются в едином согласованном проекте решения конкретной локализованной проблемы. В топосе как интересубъективной реальности идеи задают границы принимаемых решений. Зачастую топос обуславливает возникновение сетей социальной солидарности, демонстрирующих автономные от публичной власти гражданские действия, направленные на разрешение публичной проблемы. Примером сетевого топос-структурирования является движение «Блогер против мусора». Сформированное в блогерской среде сетевое сообщество актуализировало общественно значимую проблему уборки мусора и активизировало различные группы общественности на практическое решение проблемы в российских регионах. Только в 2013 г. в проекте приняли участие 80 субъектов РФ с общим числом участников более 50 тысяч человек. К решению данной проблемы присоединились губернаторы, представители местных властей, СМИ и крупные коммерческие компании.

Проектирование идентичностей всегда является двухступенчатым процессом, который включает в себя «заявку идентичности», конструируемой индивидом/сообществом/институтом, и «принятие конструируемой идентичности» окружающими целевыми группами. При совпадении «заявки» и «принятия» происходит становление

устойчивой формы социальной идентичности, на основе которой формируются определенные гражданские действия в публичной сфере. Помимо механизма сетевого топос-структурирования проектирование и позиционирование такого рода идентичностей осуществляется в мировой практике с помощью публичного краудсорсинга.

Краудсорсинг представляет собой целенаправленную деятельность акторов (социальных, экономических, политических) по использованию ресурсов граждан, организованных в общественные сети в онлайн-пространстве, для коллективного создания (идеи, проекта) и/или закрепления (решения, практики) инноваций в различных сферах общественной жизни (в бизнесе, социальной или политических сферах). Источником инноваций становится коллективный разум индивидуальных акторов, осуществляющих краудсорсинговую деятельность в организованных общественных сетях²⁶. Как сетевой механизм формирования идентичности краудсорсинг представляет собой способ организации сетевых сообществ в виде общественных сетей, позволяющих актуализировать разнообразные потребности граждан для разработки и реализации коллективных идей или проектов, нацеленных на решение публичной проблемы.

В краудсорсинговых проектах на основе ситуативно-проблемной идентификации с другими гражданами, заинтересованными в решении общественной проблемы в данный временной период, в онлайн-пространстве формируются общественные сети для решения краудсорсинговых задач²⁷. В период летних пожаров, охвативших большинство регионов России в 2010 г., функцию антикризисного коммуникационного менеджмента взяли на себя социальные сети и блогеры: они не только предложили общественности свидетельства очевидцев, фотографии и видеоролики трагических событий и т. д., но и на их основе создали онлайн-проекты, позволяющие координировать организацию гражданских инициатив в оказании помощи пострадавшим. После обсуждения блогерами возможности оперативно оказывать помощь пострадавшим в августе 2010 г. была сформирована команда программистов, которые в кратчайшие сроки запустили сайт «Карта помощи» (<http://russian-fires.ru>). Данный краудсорсинговый ресурс позволит информационно сопровождать и координировать деятельность волонтерских структур, некоммерческих организаций и всех заинтересованных стороны в ликвидации пожаров и оказании помощи пострадавшим.

Субъектами создания краудсорсинговых проектов и, соответственно, проектирования ситуативно-проблемных идентичностей могут выступать как отдельные граждане и их сообщества, так и институционализированные акторы (органы власти, некоммерческие организации, бизнес-структуры). Бывшим сторонником Оба-

мы Дж. Гильямом в 2009 г. был основан краудсорсинговый ресурс «WhiteHouse2.org» (<http://techpresident.com/whitehouse2.org>). Здесь граждане могут выразить поддержку политическим требованиям, выдвинутым другими гражданами или политиками, отвергнуть их, дать им оценку, прокомментировать. Темы предложений самые разные – от налоговых льгот и реформ в здравоохранении до инвестиций в возобновляемые источники энергии. Чем больше электронных подписей соберет то или иное требование, тем выше оно оказывается в рейтинге на сайте организации.

Механизмы сетевого топос-структурирования и публичного краудсорсинга, несмотря на то что в большей степени формируют ситуативно-проблемные идентичности, имеют высокий мобилизационный потенциал для актуализации деятельности сетевых сообществ в виде гражданских инициатив и масштабных гражданских движений, где формируются новые устойчивые идентичности, которые могут приобретать и протестный характер.

Таким образом, комплекс сетевых механизмов формирует динамичную матрицу идентичности современного человека, позволяющую реализовать возможности для его развития в современных условиях социальной реальности. В то же время комплекс сетевых механизмов не является стабильным, его содержательное наполнение будет зависеть от тех институциональных практик, которые в дальнейшем станут определять условия, процессы и результаты формирования идентичностей, требующих своего концептуального осмысления и эмпирических исследований в социальных науках.

Исследование выполнено в рамках Международного проекта РГНФ совместно с Государственным комитетом по науке Министерства образования Республики Армения (ГКН МОН РА) № 16-23-20001 «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана) – 2016–2017 гг.

Примечания

¹ См.: Политические изменения в глобальном мире : теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования / редкол. И. С. Семенов (отв. ред.), В. В. Лапкин, В. И. Пантин. М. : ИМЭМО РАН, 2014.

² См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005 ; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000 ; Кастельс М. Информационная эпоха : Экономика, общество, культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000 ; Показатели Индекса цитирования по социальным наукам. URL: http://www.manuelcastells.info/en/SSCIsocialranking_eng.pdf (дата обращения: 02.11.2016).

- 3 См.: Политические изменения в глобальном мире... С. 179.
- 4 Лапкин В. В., Семенов И. С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» // Полис. 2013. № 6. С. 65–66.
- 5 См.: *Christakis N., Fowler J. Connected : The Amazing Power of Social Networks and How They Shape Our Lives.* L. : Harper Press, 2011.
- 6 См.: *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 494–505.
- 7 См.: *Уханов Е. В.* Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. 2009. № 10. С. 59–71.
- 8 См.: *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Антоновского. М. : Практис, 2005.
- 9 См.: *Уэльбек М.* Мир как супермаркет / пер. с фр. Н. Кулиш. М. : Ad Marginem, 2004.
- 10 См.: *Бодрийяр Ж.* Экстаз коммуникации. URL: <http://ivanem.chat.ru/extaz.htm> (дата обращения: 01.03.2016).
- 11 См.: *Горный Е.* Онтология виртуальной личности. URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/texts/ovr.html> (дата обращения: 04.11.2016).
- 12 См.: *Фленина Т. А.* Семантическое пространство понятия «сетевая идентичность» // Изв. Рос. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 2014. № 171. С. 313–314.
- 13 См.: *Tapscott D.* Growing up Digital : The Rise of the Net Generation. N. Y. : McGraw-Hill Companies, 1999 ; *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. № 5 (9). P. 1–6.
- 14 См.: *Носова С. С.* Поколение «Y» в контексте сетевого информационно-коммуникативного общества // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 126–128.
- 15 См.: *Королева Н. Н., Богдановская И. М., Бутырская Н. С., Фленина Т. А.* Стратегии виртуальной самопрезентации молодежи в различных социальных сетях // Информатика и образование. 2016. № 9 (278). С. 47–50.
- 16 Количество пользователей интернета в России // Интернет в России и в мире. 2016. 11 ноября. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения: 09.11.2016).
- 17 См.: *Palfrey J., Gasser U.* Born Digital. Understanding the First Generation of Digital Natives. N. Y. : Basic Books, 2008. С. 4.
- 18 См.: *Вилков А. А., Зевако Ю. В.* Технологии формирования политической идентичности в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 62–71.
- 19 См.: *Wellman B.* Physical Place and Cyberplace : The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25, № 2. P. 227–252. DOI : 10.1111/1468–2427.00309.
- 20 См.: *Мирошниченко И. В.* Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар : Просвещение-Юг, 2013.
- 21 См.: *Foucault M.* Governmentality // The Foucault Effect : Studies in Governmentality / ed. by G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago : University of Chicago Press, 1991. С. 87–105.
- 22 См.: *Walters W., Haahr J.* Governmentality and Political Studies // European Political Science. 2005. Vol. 4, № 3. P. 288–300.
- 23 См.: *Эко У.* От Интернета к Гутенбергу : текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции в МГУ // Новое лит. обозрение. 1998. № 32. С. 5–14.
- 24 См.: *Бек У.* Указ. соч.
- 25 См.: *Акопов С. В.* Сетевая философия и трансформация идентичности личности // Управленческое консультирование. 2013. № 12. С. 42–46.
- 26 См.: *Мирошниченко И. В.* Указ. соч. С. 232.
- 27 См.: *Morozova E. V., Miroshnichenko I. V.* Crowdsourcing in Public Policy : Technologies, Subjects and Its Socio-Political Role // Asian Social Sciences. 2015. Vol. 11, № 7. P. 11–121.

Образец для цитирования:

Мирошниченко И. В. Сетевые механизмы формирования социальных и политических идентичностей современной молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 92–97. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-92-97.

Cite this article as:

Miroshnichenko I. V. Network Mechanism for the Formation of Social and Political Identity of Modern Youth. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 92–97 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-92-97.

УДК 140.8

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: ПРОБЛЕМА КОНКРЕТИЗАЦИИ И ФОРМАЛИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТАТУСЕ

В. Н. Чудомех

Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь
E-mail: chudovnik@mail.ru

В статье рассмотрены главные проблемы в формулировании «национальных идей» в государствах, в том числе в России. На основе проведённого анализа наличных представлений о предназначении «национальных идей» в государствах автором статьи дано развёрнутое понятие о целях, задачах и функциях «национальных идей» государств; предложено формализовать «национальные идеи» государств в соответствующих официальных «кодексах».

Ключевые слова: национальная идея, проблемы формулирования и формализации.

The Russian National Idea: the Problems of Specification and Formalization in the State Status

V. N. Chudomekh

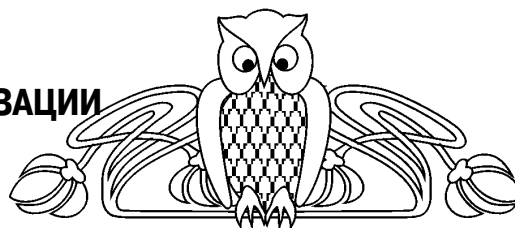
In article are considered the main problems in formulation the «national ideas» in the states, including, and in the Russia. On basis of analysis the available representations about mission of «national ideas» in the states, the author of article is given the developed concept about the purposes, tasks and functions of «national ideas» of the states; offered to formalize the «national ideas» of states in the corresponding official «codes».

Key words: national idea, problems of formulation and formalization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-98-103

После распада СССР (в 1991 г.) все его союзные республики вынуждены были самоопределяться: с базисами своего существования далее в виде отдельного государства; с направлениями его последующего развития во времени; с его местом в среде других государств и с его позиционированием в мире других государств. На унаследованном от СССР фундаменте все его бывшие республики, в которых преобладали представители их титульных национальностей (что отражалось в названиях республик), довольно быстро трансформировались в государства – национальные. Что стало закономерным следствием: а) большинства в них представителей титульных национальностей и уже имевшихся в них национальных кадров с опытом управления государством, полученным в СССР; б) простоты формирования национального государства, когда большинство его граждан объединяют язык, национальность и религия, культура и история, традиции, обычаи и исторические ожидания ни от кого не зависимо национального благоденствия.

Более сложно идёт формирование новых государств на фундаментах бывших УССР и РФ.

Под воздействием националистических сил в Украине в 1991 г. тоже был принят курс на построение «национального государства», однако реализуется он в череде острых общественных конфликтов и, по мнению многих политологов, может разрушить в итоге все фундаменты современной Украины (экономический, социальный, духовно-культурный и общественно-политический). В идейном основании этого курса тезисы: 1) «Украина – для украинцев» (по национальности и потомственных); 2) «Украина должна быть унитарной»; 3) «государственный язык в Украине должен быть только украинским»; 4) «Украина – не Россия» (у украинцев есть свои герои и история); 5) столетия жизни украинцев в России – это столетия их угнетения и борьбы за своё освобождение от ига России; 6) Россия не смирится с утратой территории Украины, и противостоять этому можно только «уходом в Европу» (под защиту ЕС и НАТО). Исходя из таких идейных тезисов, в Украине с 1991 г.: а) «создаётся» её «история»; б) «осовременивается» украинский язык (освобождением от русизмов и замещением их аналогами из других языков); в) формируются учебные программы образовательных заведений; г) Россия в средствах массовой информации преподносится как «антипод» Европы и источник бед Украины (и прошлых, и современных). Так, романтический проект построения «государства Украины», предложенный в 1846 г. Кирилло-Мефодиевским братством (Н. И. Костомаровым и другими его членами), преобразовался через 145 лет в антагонистический по отношению к России, а для единения граждан Украины в «государственную нацию» начато культивирование в ней русофобии и негативного отношения к России (к её истории и культуре, к её поведению на международной арене и т. д.). Всеобщего согласия в Украине с такой идеологией, реализуемой её властями, нет, так как в среде её граждан были и есть настроенные «пророссийски» (их несогласие с «проевропейцами» трактуют как противостояние «востока» и «запада» Украины), а также родившиеся и жившие в СССР и могущие правдиво рассказать, какой реально была их жизнь в УССР и чего смогла достичь Украина, пребывая в СССР (в экономике, в науке, в культуре и в искусстве).

В отличие от других республик СССР, трансформация бывшей РФ в «национальное государство» изначально исключалась её федеративной структурой (наличием автономных республик и краёв) и демографическим составом – много-

народным, многодиаспорным и неоднородным даже в русской среде (включающей и представителей других национальностей: обрусевших в поколениях или в ходе проживания в России ставших «русскими» по «духу»). К поиску для новой РФ некой наднациональной идеи единения всех её субъектов вынуждали и исторически сложившиеся на её территории многоукладность жизни ее народонаселения и его многоконфессиональность (многомиллионность общин христиан, мусульман и представителей других конфессий). Поиск наднациональной идеи для единения всех субъектов новой РФ активировала также и неправомочность ныне их удержания в её составе силой (право народов на самоопределение защищается ООН и международным законодательством).

Поиски «российской национальной идеи» (идеи сплочения народов России в единую «государственную нацию») ведутся с 1991 г., и они прояснили главное – чтобы её сформулировать, нужно вначале выделить *отчётливо российские*: а) культурно-исторические начала; б) осевые во времени – социокультурные, моральные и духовные ценности; в) традиции мироповеденческие и мироотношенческие; г) принципы отношений «целого» (России) и его «частей» (субъектов России); д) интересы в развитии самой России и всего человечества. Иными словами, чтобы «российская национальная идея» перестала быть чисто риторическим инструментом, конъюнктурно подстраиваемым политиками «под себя» и под текущее, она должна последовательно: 1) получить однозначные исторические обоснования; 2) обрести вид проекта *идейной концепции* бытия и развития всей России, её субъектов и всех её народов; 3) пройти широкое обсуждение во всех субъектах РФ; 4) после всеобщего одобрения в них закрепиться в официальном статусе «кодекса» идейных основ бытия – российской нации. После такого оформления «российская национальная идея» может стать реальной идейной опорой: для разработки программ долговременного развития РФ; для оценки эффективности действий властных структур РФ; для обоснования национальных интересов РФ; для выбора поведения и позиционирования РФ на международной арене; для оценки программ политических партий и их лидеров, претендующих на участие во властных структурах РФ, и т. д.

Актуальность официальной формализации «российской национальной идеи» вполне очевидна – «без этого вряд ли могут быть созданы прочные основы нового общественного порядка и обеспечена та мера общественного единства и та степень общественной поддержки, без которых сегодня нечего и думать о выходе России на достойные рубежи в международном мире»¹. Но на чём можно и на чём обязательно нужно базироваться при разработке «кодекса идейных основ бытия российской нации»? Достижима ли

объективность при его разработке и чем возможно подтвердить корректность его разработанного содержания?

Цель статьи – более полно раскрыть проблематику формулирования «национальных идей», определить возможный подход к формализации «российской национальной идеи» в виде «идейного кодекса». Объектами анализа в статье стали имеющиеся мнения о должном быть содержании «национальных идей», об общественно-исторической значимости формулирования «национальных идей».

Словосочетание «национальная идея» популяризировалось в общественно-политических дискуссиях со второй половины XX в., но то, что именуют в них этим словосочетанием, ещё не имеет однозначного определения. В одной из публикаций общественно-политического характера «национальную идею» трактуют как «систематизированное обобщение национального сознания, определяющее смысл существования того или иного народа и призванное ответить на вопросы об истории возникновения нации, о её исторической миссии и о смысле её существования»², в другой же – как «устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия», а также и как соответствующее состояние «общественного сознания»³. То есть в наличных понятиях «национальной идеи» используются разные подходы к тому, что должно именоваться этим термином.

Неоднозначны пока и представления о необходимости для государства иметь официальную «национальную идею», о её функции в государстве и её значимости для государства. Есть мнения, что «национальная идея» должна быть частью атрибутики государства – наряду с его гербом, флагом и гимном⁴. Но есть и не согласные с этим. При наличной неопределённости – как строго научно сформулировать «национальную идею» государства, удовлетворяющую его граждан и объективно отвечающую на их вопросы «Кто мы такие? Зачем мы и почему? В чём наша идентичность и смысл нашего бытия?»⁵ – вполне естественны опасения, что *искусственно* созданные «национальные идеи» могут стать монстрами, терзающими государства, и средствами манипулирования их гражданами⁶. Нет пока достаточной определённости в том, как должна продуцироваться «национальная идея» – самовызреванием в обществе в силу заданности духовного строя его жизни в государствах или же её конструированием в рамках политических технологий⁷. То есть *кто* должен формулировать «национальные идеи» – общества в государствах, власти в государствах или политические партии, доминирующие в государствах, – однозначного представления пока нет.

Одним из побудителей к серьёзному анализу в РФ возможности преодоления вышеуказан-

ных проблем в формулировании «национальных идей» была и научная статья В. И. Коваленко и Е. В. Голошумова «Национальная идея как научная проблема современной российской политологии»⁸. Во-первых, её авторы предложили логически верный подход к формулированию «российской национальной идеи» (нужно определить фундаментальные ценности, способные сплотить «российскую нацию», выявить особенности российского менталитета и затем, основываясь на этом, сформулировать «черты российской особенности»). И, во-вторых, их статья содержала рекомендации: а) что должно быть отражено в «российской национальной идее»; б) что может сделать её *пассионарной* (вдохновляющей) и исторически перспективной; в) как организовать формулирование «российской национальной идеи».

Последующие научные конференции по проблеме формирования «российской нации» создали уже значительный задел к пониманию того, что должно быть в содержании «идеи единения и бытия российской нации», и в 2012 г. вышел в свет шеститомный научный труд – «Национальная идея России»⁹. Его авторы преследовали две задачи: 1) выявить характерное в «русской (российской) идентичности»¹⁰; 2) на основе этого характерного предложить *научный макет* новой Конституции РФ, в которой высшие ценности государства уже сконстигуированы и снабжены механизмами их обязательной имплементации¹¹. В предисловии к этой фундаментальной работе её авторы выразили уверенность, что в итоге им удастся сформулировать и «национальную идею» России. Предложенный ими «научный макет» новой Конституции РФ (т. 6, ч. III, гл. 19) действительно содержит перечень высших ценностей РФ и механизмы их государственной имплементации, однако чёткой формулы самоценной «национальной идеи» России в этом «научном макете» почему-то нет (хотя «российскую идентичность» его авторы исследовали и всесторонне, и всеобъемлюще), а вместо неё предложен девиз – «Моя страна должна быть, и должна быть всегда». Но ничего характерного именно для России в этом девизе нет, он фактически пригоден для любой страны. Что же столь длительно препятствует формулировке «национальной идеи» России? Ведь её представление и «в принципе», и «в содержании» вроде бы уже сформировано?

Причины этого видятся в следующем. В государствах пока не принято составлять отдельные официальные документы, в которых раскрываются: а) генезис и становление идейных основ бытия в них «государственной нации»; б) исторические особенности становления этих «идейных основ»; в) их ценность историческая, текущая и в перспективе (для государства и для человечества); г) их значимость в государстве для бытия его граждан и самого государства, а также

для сохранности его исторического «лика» (его «узнаваемости» во времени). А поскольку такое не практикуется, то нет и методики документоотражения в государствах «национальных идей», лежащих в основании их исторической «особости» и воспроизводства их «особой идентичности». В ходе научной конференции «Форум 2004. Нация и мир»¹² её участники на весьма широком спектре примеров декларируемого в государствах как «национальные идеи» убедительно показали, что вместо таковых используются, как правило, совокупности «девизов» или «девизов-призывов» (или традиционных для государств, или актуальных «на сегодня» и максимум «на завтра»).

Ещё одна проблема, затрудняющая ныне полномерное формулирование идей единения граждан государства в нацию, – это проблема выявления реальных идейных основ слияния в единое течение потоков жизни в государстве: а) его базисного ядра (народа – основателя государства); б) его сателлитов (народов, живших на территории государства до его образования и тоже имеющих право на свою часть территории государства); в) диаспор других народов и этносов, образовавшихся в государстве исторически (в силу неких былых причин) и сосуществующих в нём длительно (более века); г) новообразующихся диаспор других народов и этносов («новоиммигрантских»).

При современном многоэтничном и многоконфессиональном содержании государственных социумов объективно требуется, чтобы предлагаемые в них идеи единения многоэтничного и многоконфессионального в «государственную нацию» сопрягали в себе всеобъемлюще и гармонично: 1) образы и устои бытия всех субъектов, образующих «государственную нацию»; 2) текущие и исторические интересы и потребности всех субъектов, входящих в «государственную нацию»; 3) видения и представления своего будущего всеми субъектами, сформировавшими «государственную нацию». Такая комплексная идея единения многоэтничного и многоконфессионального в «государственную нацию» должна также обязательно раскрывать: а) цели, задачи и смыслы единого со-бытия её формирователей; б) в чём должны быть специфичны представители «государственной нации» (отличны от других); в) в чём состоит историческое достоинство личности «государственной нации» (чем могут гордиться её представители, пребывая в среде других наций).

При формировании современных «государственных наций» нужно преодолевать и проблему межконфессиональной гармонии в государствах – проблему установления в них основ и традиций взаимоуважительных отношений между их гражданами разных вероисповеданий (принцип «разделяй и властвуй» характерен и для религиозных сред). Относительно мирное (адаптивное) сосуществование всех религий и их ветвей, уста-

новившееся в середине прошлого века, не было продолжительным. Потому что вскоре появились и усилились попытки так воздействовать на религиозные среды, чтобы реализовать с их помощью некие частные политические и властные амбиции, а также проекты сохранения доминирования стран Запада в управлении судьбой и народов, и наций, и государств, и человечества в целом. Для «разделения» религиозных общин с целью «властвования» над ними ныне широко применяются: а) подмены исходных религиозных текстов и догматов на модернизированные под ту или иную задачу их «модернизаторов»; б) трактования «иначе верующих» (даже в одном религиозном течении) – противниками веры; в) псевдорелигиозные организации экстремистского характера, имеющие исходной целью установить для представителей «иных верований» такой порядок бытия, при котором они станут и будут подневольными «истинно» верующим.

Помимо вышеперечисленных, есть также сложная проблема наделения «национальных идей» современных государств *сакральностью* и *пассионарностью*, воспринимающимися идентично во всех их ныне многоэтнических и многоконфессиональных общественных средах. И это сакральное и пассионарное в «национальных идеях» государств должно непременно и исходить из корневой исторической «особости» государств, и не утрачивать своей духовной силы в ходе смен поколений представителей «государственной нации» (быть актуальным для всех времён).

При формулировании «национальной идеи» нынешней России нужно обязательно учитывать не только всё перечисленное выше. У нынешней РФ двойная ответственность перед своим прошлым и будущим, заключающаяся в историческом долге сохранять одновременно и российскую государственность, и российскую цивилизацию (её духовно-культурную особость и значимость в мире). Соответственно, «национальная идея» РФ должна отражать и цивилизационные обязательства граждан России. То есть «национальная идея» РФ должна быть опорным базисом для непрерывного *двуединого* воспроизводства идентичных во времени: российского государства и его «государственной нации»; российской цивилизации и всех направлений её особого духовно-культурного творчества.

В «Национальной идее России» постулируется также, что «национальные идеи» должны выполнять в государствах функции: интеграторов их граждан; укоренителей общественно-исторических идеалов и ценностей; мобилизаторов граждан на сохранение идентичности их государств и собственной; стимуляторов граждан к реализации особости их государств и собственной; ориентиров для граждан государств при их продвижении в будущее¹³. Но как имеемое ныне «национальными идеями» может

выполнять в государствах вышеперечисленные функции, не давая полноценных ответов на естественные вопросы их граждан: «Кто мы такие? Зачем мы и почему? В чём наша идентичность и смысл нашего бытия? Как нам жить, чтобы сохранять в цепи поколений идентичность свою и государственную?»¹⁴

Всё проанализированное и протетализированное выше по проблематике формулирования «национальных идей» достаточно для следующих умозаключений: 1) «национальные идеи» государств, выражаемые в виде некой совокупности национальных девизов, не способны в полной мере конкретизировать все исторические «особости» государств и государственных социумов и раскрыть генезис их исторических «особостей»; 2) малопригодны для этого и «национальные идеи» государств, выражаемые в виде перечисления некоего ряда их общественно-исторических ценностей; 3) для удовлетворения современных запросов к содержанию и функциям «национальных идей» государств нужны иные и подходы к их формулированию, и формы их публичного предъявления.

Почему иные? Все наличные мнения – что такое «национальная идея» государства? – можно свести в такое её совокупное представление:

1. «Национальная идея» государства – это система идей, идеалов и представлений о должных быть: а) целях, задачах и смыслах существования государства во времени; б) качествах представителей государства и принципах отношений между ними, необходимых для обеспечения целей, задач и смыслов существования государства во времени; в) принципах отношений государства с внешним миром – с мирами государств иных и их наличной совокупностью.

2. «Национальные идеи» государства – это продукты духовно-исторические и кооперативные, созданные чередой поколений основателей государств и чередой поколений государственных социумов, продолживших государственностроение, заложенное его первооснователями.

3. «Национальные идеи» государств – это, по сути, их «идейные проекты», имеющие известных разработчиков, прошедшие конкретные стадии апробации и исторического становления и выполняющие функцию опорных матриц для идентичного воспроизводства во времени «особости»: государств, государственных социумов и их представителей.

4. «Национальные идеи» государств – это также послания их основателей и воспроизводителей в прошлом к воспроизводителям государств в текущем настоящем и в будущем, должны ориентировать их: в исторической специфике унаследованного ими государства; в нужных качествах его представителей; в направлении развития унаследованного ими государства и в его позиционировании в мире других государств.

5. «Национальные идеи» государств принципиально определяют: а) осевой фарватер, по которому нужно следовать в будущее всем поколениям воспроизводителей государств; б) к чему им нужно стремиться (в чём смысл непрерывного воспроизводства ими «особостей» их государств); в) идеалы и общественные ценности, при культивировании которых идентично воспроизводится историческая особенность государств и их представителей; г) этические и духовно-нравственные личностные идеалы, на которые нужно равняться представителям государств при своём историческом воспроизводстве.

6. Историческая функция «национальных идей» государств состоит в том, чтобы быть и служить идейной матрицей для формирования: личностных характеристик представителей государств (их национальных черт и достоинств); характера и стиля поведения государственных социумов; мировоззрения, мироотношения и внешнего «облика» государственных социумов (их исторического «лица» и «имиджа»). А духовная функция «национальных идей» государств заключается в том, чтобы постоянно во времени мотивировать и активировать государственные социумы к их реализации.

Из данного понятия о задачах и функциях «национальных идей» в государствах ясно видно, что они весьма серьёзные и многоуровневые и что часто практикуемое декларирование некой совокупности национальных девизов и ценностей как «национальной идеи» государства – это следствие бытующей недооценки роли «национальных идей» в бытии государств (в «девизах» обычно выражают частное и актуальное «на сегодня», а «общественные ценности», предлагаемые в текущем «сегодня», весьма сильно зависят как от государственной идеологии, так и от политической конъюнктуры, от борьбы политических партий за власть в государствах).

Выше уже отмечалось отсутствие официальных оформлений «национальных идей» государств. То, что сегодня риторически именуют «национальными идеями» государств, существовало и существует в *распылённом* виде, во фрагментах разрозненных и во множестве форм отражений этих продуктов исторического творчества основателей и воспроизводителей государств – и вербальных (словесных), и невербальных (чувственных, подсознательных и психоустановочных, именуемых идентифицирующими людьми «по духу»). Как связывать все такие многоформные фрагменты «национальных идей» государств в историческую целостность, чтобы её достоверность не вызвала сомнений, и как наделить её сакральностью и пассионарностью, чтобы она долговременно побуждала людей к *единому*, – это и есть проблемы, с разрешением которых возможна формализация «национальных идей» государств в виде официальных «паспортов наций», основавших и

воспроизводящих государства. А ключ к разрешению этих двух проблем находится в истории народов – и стоявших у истоков государств, и закладывавших их фундаменты, и отстаивавших во времени право государств на исторически длительное существование.

«...Люди стремятся к чему-то великому, к такому, что связывало бы их с чем-то значительно большим, чем они сами...»¹⁵. Великими и священными для народов, этносов и наций являются, как правило: а) их протяжённое прошлое, создававшееся их предками, проявившими способность творить *свою* историю; б) деяния их предков, прославившие народ и ставшие его гордостью; в) их предки, внёсшие существенный вклад в историю народа и достойные почитания; г) то, что и в текущем времени вызывает у них самоуважение и гордость – унаследованная ими возможность достойно выглядеть в среде других народов, этносов и наций: по истории, культуре, поведению и по поступкам. Поэтому «национальные идеи» в отдалённости от великих аспектов их генезиса и становления не в состоянии нести необходимый для них заряд сакральности и пассионарности. Не способны к этому и «национальные идеи», величие исторического фундамента которых сомнительно, размыто или неочевидно.

Удовлетворить современные запросы к «национальным идеям» государств возможно оформлением их «сводом» разделов, раскрывающих:

- 1) истоки и родоначальников «национальной идеи» государства;
- 2) её генезис, становление и развитие (исторические события и эпохи, в которых она зародилась и последовательно кристаллизовалась);
- 3) проблемные моменты в бытии государства, преодолённые благодаря особенностям его «национальной идеи»;
- 4) особенности «национальной идеи» государства (по отношению к «национальным идеям» иным) и её перспективность для будущего;
- 5) социокультурные и духовно-культурные ценности и идеалы государства, лежащие в основании его «национальной идеи»;
- 6) социокультурные, духовно-культурные, морально-этические, нравственные, мировоззренческие и мироповеденческие устои и идеалы представителей государства, соответствующие его «национальной идее»;
- 7) исторические, социальные, культурные, научные и технические достижения государства, являющиеся непосредственным следствием реализации его «национальной идеи»;
- 8) периоды в истории государства и условия, при которых оно быстро развивалось и наиболее успешно реализовывалась его «национальная идея»;
- 9) национальные девизы, выдвигавшиеся в государстве в различные периоды его истории

и способствовавшие консолидации государственного социума в реализации «национальной идеи» государства;

10) цели и задачи государства на современном этапе его существования и национальные девизы, соответствующие программам деятельности государства на ближайшее и отдалённое будущее.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующие выводы.

1. Предложенное в данной статье по формализации «русской национальной идеи» в государственном «кодексе» отчётливо раскрывает: кто это должен сделать, на что нужно опираться при её формулировании, как достичь объективности в её официальной формулировке.

2. Разработка «кодекса идейных основ бытия русской нации» – это задача органов власти в России, и осуществлять её нужно с помощью научных организаций, уполномоченных на это и компетентных в этом.

3. Утверждение «кодекса идейных основ бытия русской нации» в качестве официального документа станет объявлением Россией: а) своего образа бытия в текущем и в будущем; б) своих целей на ближайшую перспективу; в) национальных приоритетов для россиян в XXI в.

4. С утверждением данного «кодекса» как официального документа у России появится опорный базис для целевого планирования своего развития: территориального, социального, культурного, духовного, научно-технического и производительного.

5. «Кодекс идейных основ бытия русской нации» с содержанием, предложенным выше, сможет осуществлять в РФ функции:

– источника объективной, ёмкой и целостной информации о вехах становления Руси-России, русской культуры и духовности и *особых* русских индивидуальных, общественных, государственных и цивилизационных духовных идеалов и ценностей;

– широкодоступного описания фундамента исторического величия России как государства и основателя русской цивилизации;

– официального базиса для широкого просвещения всех россиян: в их сопричастности к великой истории России и в их историческом долге в консолидированном единстве, подобно своим предкам и предыдущим поколениям, сохранять и приумножать величие и России, и русской цивилизации.

Примечания

- ¹ Юрченко В. М. Национальная идея и национальная безопасность : российский контекст // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность / редкол. : Л. И. Никовская (отв. ред.) [и др.]. М. : РАПН, РОССПЭН, 2007. С. 154.
- ² Википедия : свободная энциклопедия : [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 10.01.2016).
- ³ Национальная идея России / ред. С. С. Сулакшин : в 6 т. Т. 1. М. : Научный эксперт, 2012. С. 13.
- ⁴ Там же. С. 20.
- ⁵ Там же. С. 16.
- ⁶ См.: Юрченко В. М. Указ. соч. С. 153.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Коваленко В. И., Голошумова Е. В. Национальная идея как научная проблема современной русской политологии // Вестн. МГУ им. М. В. Ломоносова. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 4. С. 3–20.
- ⁹ См.: Национальная идея России : в 6 т. М. : Научный эксперт, 2012.
- ¹⁰ Там же. Т. 1. С. 16.
- ¹¹ Там же. С. 42.
- ¹² См.: Форум 2004. Нация и мир / Ин-т сравнительной политологии РАН ; редкол. : Г. Ю. Семигин [и др.]. М. : ИСП РАН ; Мысль, 2004.
- ¹³ См.: Национальная идея России. Т. 1. С. 61.
- ¹⁴ Там же. С. 16.
- ¹⁵ Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность : технологии и наши поиски смысла / пер. с англ. А. Н. Анваера. М. : Транзиткнига, 2005. С. 12.

Образец для цитирования:

Чудомех В. Н. Российская национальная идея : проблема конкретизации и формализации в государственном статусе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 98–103. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-98-103.

Cite this article as:

Chudomekh V. N. The Russian National Idea: the Problems of Specification and Formalization in the State Status. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 98–103 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-98-103.

УДК 328.36

СТРАТЕГИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО/ДЕЗИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Д. Г. Мирзаханов, Ю. Н. Абдулкадыров

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала

E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru, filosofdgtu@mail.ru

В статье исследуются различные подходы и теоретические рамки, в пределах которых объясняются причины и факторы политизации ислама в современном мире. Авторы доказывают непродуктивность попыток поиска источников политической факторности, и особенно радикализации современного ислама, в доктринальных основах этого учения. В противовес данной облегченной позиции предлагается политологический анализ интеграционного и дезинтеграционного потенциала ислама. В центре исследования – направленность академической дискуссии по поводу понимания таких процессов, как характер политической активности исламских сообществ в современном мире, а также взлет ислама как политической и цивилизационной перспективы в рамках многоуровневого подхода.

Ключевые слова: ислам, глобализация, кризис идеологий, политическая факторность ислама.

The Strategy of Studies of Integration/Disintegration Potential of Islamic Factor of Modern World Policy

Dzh. G. Mirzakhanov, Yu. N. Abdulkadyrov

This article studies a different approaches and theoretical frameworks within which they clarify politization of Islam in the modern world. The authors argues non-efficiency of attempts to search of roots of the political reasonability and especially radicalization of modern Islam in the act of Islamic creation. In opposite to this simplifying position, this paper suggests politcal analysis both integration and disintegration potentials of Islam. The paper examines the nature of academic discussion about different understanding of such processes as the character of political activity of Muslim communities as well as the rise of Islamic civilization perspective in terms of multi-level approach.

Key words: Islam, globalization, crisis of ideologies, political motivated Islam.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-104-112

Современные исследователи, в принципе, едины во мнении, что интеграционный потенциал ислама в политических и иных цивилизационных процессах связан с его духовно-сакральными основаниями. Точно так же, как это обнаруживает себя во включенности в политический процесс любой другой мировой религии. Они являются своеобразным культурным кодом, по которому люди, даже принадлежащие к исторически обособленным этническим и политическим сообществам, опознают друг в друге единомышленников и союзников в отношении ко всему спектру важнейших политических, экономиче-

ских и правовых ценностей. «Прежде всего, – пишет отечественный политолог Э. Ф. Кисриев, – ислам признает существование различных народов, национальностей, более того, этническое многообразие, в представлениях мусульманина, создано Аллахом и потому имеет свой смысл и предназначение в историческом развитии человечества. Вместе с тем ислам не придает факту этнического многообразия никакого принципиального значения. Все мусульмане являются братьями, и их единство базируется не на каком-то особом своеобразии их взаимосвязей между собой, а на общем, едином среди них отношении (беспрекословной покорности) ко Всевышнему. При этом этническое многообразие может сохраняться и свободно проявлять себя в жизни, но только не в сфере сугубо религиозных установлений относительно Божества»¹. Исследователь в данном случае воспроизводит основной теоретический (идеальный) посыл к реализации исламом своих интегрирующих возможностей. Хотя на практике все выглядит далеко не так идеально, однако в исламе действительно присутствует значительный интеграционный заряд, который достаточно активно проявляется в разных областях жизни современных обществ.

Относительно природы дезинтеграционного потенциала мнения специалистов различны. Это различие имеет устойчивый характер, оно сохраняется в течение последних десятилетий и приносит заметную парадоксальность и недостаточную системность в общую конфигурацию современных политологических представлений о факторности ислама.

Одни исследователи видят источник дезинтеграционных воздействий ислама на политическое мышление и поведение людей и целых социумов в современном мире в религиозной догматике ислама, в том, что Коран текстуально ориентирует последователей ислама на конфликт со всем в окружающем мире, что не согласуется со словами Пророка. Особый акцент исследователями, придерживающимися этой версии, делается на исторических обстоятельствах, в силу которых в самой исламской догматике возникло множество агрессивно конкурирующих между собой интерпретаций слов Пророка.

Показательна в этом отношении позиция отечественного исламоведа Сергея Модестова. Она была сформулирована в одном из его интервью следующим образом: «Когда иные называют ислам “абсолютно мирной” религией, не имеющей

“точек агрессии”, они лукавят. <...> у каждой религии складывается собственная геополитическая концепция, взгляд на то, как организовать пространство распространения своих идей и какую политику в связи с этим проводить. Ислам, как одна из наиболее молодых мировых религий, проявляет себя особенно агрессивно <...> Ислам по самой своей догматике предполагает обращение к силовому государственному принуждению как внутри, так и вне страны. В некоторых случаях такое принуждение совмещается с принуждением экономическим. Либо принуждение экономическое предшествует принуждению силовому, порой делая его уже излишним. Инструментом такого принуждения выступала джизья (налог в пользу исламского государства с немусульманских подданных. – Д. М.) ...»². И далее на прямой вопрос журналиста, берущего интервью, «Наверное, эта агрессивность все же заложена в основополагающих сущностях ислама как религии?», эксперт отвечает буквально следующее: «Именно так. Практические потребности освоения своего и захвата чужого пространства диктовали особые политические установки теократическому мусульманскому государству, зафиксированные в догматике ислама»³.

Эта позиция ученого коррелирует с установками массового сознания граждан России, не склонных к дифференцированному восприятию политических и неполитических свойств объектов и субъектов, включенных в политический процесс. Так, по данным опросов, проведенных в Институте демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2012 г., негативное либо настороженное отношение к исламу, именно как религии, устойчиво прослеживалось по всем основным позициям, по которым осуществлялось тестирование состояния на тот момент массового сознания россиян⁴. Это касалось вопросов о том, воспринимается ли респондентами ислам как чуждая религия?; положительную либо отрицательную роль сыграл ислам в истории России?; улучшилось или ухудшилось отношение к исламу за последние годы?; положительную или отрицательную роль ислам играет сегодня в жизни российского общества?; а также некоторых других позиций.

Социологические исследования 2015 г. обнаружили некоторую положительную динамику в этом вопросе⁵. По крайней мере, выровнялось количественное соотношение тех, кто относится к исламу положительно и отрицательно. Вместе с тем достаточно велико и обнаруживает тенденцию к увеличению число тех, кто полагает, что за последнее время их отношение к исламу только ухудшилось.

Иначе говоря, научная мысль в данном случае «спрямляет» причинно-следственную связь так же, как это делает массовое сознание: если содержательно ислам – это религия, а факто-

ром деструкций в социально-политическом пространстве является ислам, то первопричина проблем именно в содержательной стороне религии. Справедливости ради надо отметить, что аргументом в пользу такой научной трактовки проблемы может служить и позиция некоторых авторитетных исследователей ислама. С. Н. Градировский в своем исследовании приводит различные версии теоретического объяснения причин политизации ислама в современном мире и на первое место ставит следующую версию: «Ислам, не признающий христианского разделения на религию и политику (институционального членения на Царство Бога и Царство кесаря), всегда есть и будет политикой, т. е. наступательной практикой “авторитарной расстановки ценностей” и одновременно “организации публичного диалога об общих целях и средствах их достижения” и даже борьбы за власть и лишения власти недостойных. В этом смысле политический ислам является простым и энергичным синонимом ислама. Именно так понимал ислам аятолла Хомейни, отчего с горечью восклицал: “Они полностью отделили ислам от политики, они отрубили ему голову и отдали нам то, что осталось” ...»⁶

Другие отечественные специалисты считают, что религиозная догматика ислама сама по себе ни при чем. Всею виной естественные процессы политизации ислама в постколониальном, глобализующемся и модернизирующемся мире. «Нельзя не учитывать, – пишут, например, эксперты МГИМО Ю. А. Михайлов (главный редактор Научно-издательского центра «Ладомир») и В. В. Попов (директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (У) МИД России), – что определяющей особенностью мусульманской религии является исламская солидарность, когда невозможно провести границу между внутренним и зарубежным исламом. Ислам – это не просто культурное прошлое наших народов. Мусульманин, следуя Корану, должен подтверждать свою веру не только в мечетях, но в повседневной практике. Образ жизни правоверного религиозно мотивирован. Поскольку социальная доктрина сегодняшнего ислама практически не разработана, то верующих волей-неволей подталкивают к тому, что имеется в наличии. А имеются лишь устои средневекового общества, вполне успешного для своего времени. Многие нормы исламского средневековья не просто очевидным образом входят в противоречие с реальностями XXI века, но порождают в обществе напряженность. И проблема здесь вовсе не в религии, а в отсутствии творческого конструктивного подхода к пониманию того, каков должен быть взгляд на учение Пророка с позиций современности»⁷.

С этим экспертным мнением солидарен главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения, доктор философских наук, профессор Анатолий Коси-

ченко: «До тех пор, пока ислам не политизируется в жестких формах, он – мирная и гуманная религия. Когда ислам “расширяет” сферы своего функционирования (оказывает ощутимое влияние на культуру и политические институты) и не остается религией покорности, но превращается в религию “требования подчинения”, он поневоле политизируется. <...> Да, ислам, в отличие от христианства, требует справедливости “здесь и сейчас”, в актуальной реальности. Да, первоначальный ислам (первых веков существования) распространялся в том числе и военными средствами. Да, у ислама строгие требования к государственному устройству, законам, формам социума. Все это имеет место, и все это относится к политике. Но это вовсе не означает, что ислам догматически политизирован. Ислам превращается в “политическую религию”, когда нарушен баланс веры и политики»⁸.

Имеют место в научной литературе попытки сформулировать своего рода компромиссную, третью позицию: с точки зрения содержания, исламская доктрина напрямую не является в пространстве современной политики условием дезинтеграции. Она, однако, облечена в форму, которая, в сравнении с другими мировыми религиями, предоставляет максимум возможностей для своего использования в разного рода политических технологиях, геополитических и идеологических проектах, направляющих политический процесс в русло дезинтеграции. В частности, С. Н. Градировский в одной из публикаций так суммирует свой развернутый анализ различных научных подходов к объяснению природы политической активности исламских сообществ в современном мире: «...именно представители политического ислама превращают “кашицу” мировой уммы (аморфное смешение адатов, мазхабов, тарикатов, арабского, тюркского и прочих национализмов, баасизма и трайбализма) в зубодробительный “-изм” – современную идеологическую систему, способную к наступательным действиям в планетарном масштабе. Это и есть рождение *новой формы*»⁹.

На вопросы «Почему и как это происходит?» и «Как форма учения влияет на содержание практики?» С. Н. Градировский тоже дает ответ. Он отталкивается в своем анализе от того факта, что повсеместно в последние два столетия в исламском мире авторитетные толкователи Корана мысль о существовании и важности соблюдения определенной границы для нововведений в исламской вере интерпретировали как прямой запрет на новации в научно-хозяйственной деятельности человека. Результатом сегодня стало то, что «мусульмане переживают унижение. То, на чем строится их быт, – машины и оборудование, нормы строительства и современные материалы, образование и здравоохранение, организация военного дела и оружие – спроектировано и создано на Западе <...> Там самом Западе,

который, по мнению исламского мира, катится к катастрофе, потому что изменил первоначальному Откровению, подменил Его, искажил, в одностороннем порядке разорвав условия контракта, т. е. Завета. *Почему нравственно падшие помыкают теми, кто остался верен духу и букве Закона?* Такой диссонанс не может не задевать и не беспокоить мусульман. Отсюда мучительные поиски (ответа) на вопрос: *кто виноват?*»¹⁰

Это теоретическая реконструкция той основы, на которой вырастает исламистская идеология, с логичностью которой трудно не согласиться. Можно только усомниться в авторской характеристике поиска ответа на данный вопрос как «мучительного». Формально альтернатива выглядит так: либо в нынешней ситуации «униженности» виноваты сами политические и интеллектуальные элиты исламского мира, либо в этом повинен Запад. Из этого можно понять, что реальной альтернативы нет. Ответ достаточно жестко предопределен. Во всех бедах и проблемах современного исламского мира, конечно же, повинен Запад, и никто иной. Другой вариант трактовки, когда у массового сознания появляется повод винить свои национально-государственные и духовные элиты, закладывает мину под самое основание исламских социально-политических систем в современном мире. Создаются предпосылки для реализации (в том числе Западом) разного рода политехнологических проектов, обобщенно именуемых современными публицистами и политологами «цветными революциями» и «арабской весной».

Важно, что авторитетные отечественные исламоведы признают, что у них нет четкого видения выхода из этого, в сущности, тупикового состояния научных представлений о политической факторности ислама. Это спор о причинах и следствиях, сакральных и профанных основаниях включенности ислама в современную политику, который напоминает свою потенциальную нескончаемостью известный спор о первичности или вторичности курицы и яйца. В частности, специалист, который стоял у истоков постсоветского отечественного исламоведения, доктор исторических наук, профессор Алексей Малащенко еще в 2006 г. в одной из своих публикаций пессимистически констатировал: «Конечно, можно попытаться “развести” собственно исламофобию и мусульманофобию, то есть неприязнь ислама как религии и неприязнь к мусульманам. Однако это вряд ли возможно, ибо означает отделение традиции от ее носителей. Попытки же мусульманских духовных лидеров представить ислам исключительно как “религию мира” (наиболее расхожее выражение в разного рода межконфессиональных диалогах) воспринимаются со скепсисом. Во-первых, имамы и муфтии редко бывают достаточно красноречивы, чтобы убедить людей в своей правоте. Во-вторых, по мере подавления свободы суждений звучащие из

телевизора слова перестают вызывать доверие, точно так же, как в недавние времена не воспринималась советская пропаганда. В-третьих, деяния исламских радикалов опровергают в глазах людей тезис о миролюбии ислама»¹¹.

Эта очевидная недоговоренность между специалистами по основной исходной теоретической позиции – что считать источником позитивной и негативной, интегрирующей и дезинтегрирующей политической факторности ислама – требует предварительной характеристики тех теоретических позиций, с которых эта факторность ислама будет анализироваться в данном исследовании.

Представляется малопродуктивным, по крайней мере, с точки зрения современной светской политической науки, поиск источника политической факторности современного ислама в самих доктринальных основах этого вероучения. Сами по себе религиозные предписания, конечно, продолжают влиять на мышление и поведение современных людей так же, как и века назад. В тексте Корана можно, как это, например, делает С. Модестов в своем обвинительном заключении против ислама, найти емкие и образные формулировки, позволяющие человеку многое для себя и других объяснить в реалиях современных политических процессов¹². Но можно найти и формулировки прямо противоположного свойства.

Эта тенденция свойственна прочтению современными людьми и Библии, и Торы, и Нового Завета. А. Косиченко справедливо, на наш взгляд, видит в попытках прямого ассоциирования положений, взятых их Священных Текстов, с реальными негативными политическими обстоятельствами следствие некоего глобального тренда. Смысл такового – в осуществлении глобализации по преимущественно секулярно-либеральному стандарту: «...религию компрометируют: ислам – как идейную основу терроризма; православие – как косную, догматическую, отсталую систему, не способную к развитию; католицизм – как притязающий на мировое господство. И все религии вместе – как противостоящие либеральным ценностям ...»¹³

Но сегодня гораздо большее влияние на мышление и поведение людей по всему исламскому миру, в том числе и на то, как они оперируют в своей политической повседневности указаниями Корана, влияет за века сформировавшийся и различающийся в разных частях мира исламский культурный контекст. Исламская доктрина исторически превратилась в своего рода «ось» культурного пространства многих современных народов (в том числе и проживающих в России), вокруг которой произошло структурирование этих культурных пространств, их спецификация по ценностным, функциональным, институциональным основаниям. Это те социально-политические системы, за которыми в политической аналитике закрепилось название «исламских».

Определение «исламский» в отношении определенного пространства и процесса действия субъектов экономики, политики, права и культуры имеет теоретический смысл потому, что в каждом таком обществе и государстве исторически ислам задал траекторию, определенный вектор всей динамике этих пространств и процессов. С другой стороны, сами эти пространства и процессы обусловили траекторию изменений в самой исламской доктрине. Богатые по формам и содержанию экономические, политические и правовые результаты этих изменений можно наблюдать в современном исламском мире.

Именно благодаря тому, что массовое сознание включает ислам, как мотивацию политического участия, в политический процесс не в виде религиозной доктрины самой по себе, а в рамках определенного культурного контекста, у политической науки появляется возможность проследить и проанализировать общие факторные свойства ислама на разных уровнях политического процесса. Именно в этом ракурсе имеет конструктивный смысл политологический анализ того потенциала интеграции и дезинтеграции, который заключен в исламе, как мотивации политического участия стран, народов и отдельных людей.

В данном исследовании мы будем исходить из того, что любая ценность, в том числе и религиозная, амбивалентна. Она в равной мере обладает потенциалом интеграции и дезинтеграции, выступая в качестве регуляторов процессов внутри социального пространства. В сложном организованном обществе у любой ценности, а ислам представляет собой важнейшую ценность в культурном пространстве нашей страны на всем протяжении ее существования, будут сторонники, готовые сплотиться вокруг нее, и будут противники, готовые от нее отмежеваться и сплотиться на почве альтернативной ценности. Вследствие этого в одних исторических обстоятельствах ярче проявляется интегративное свойство ценности, в других – ее способность разрушительно влиять на ход политических и иных процессов в обществе и государстве.

Тем более амбивалентность ценности усиливается в тех случаях, когда она в результате стечения обстоятельств выносится вовне социального пространства, ее породившего, когда она становится предметом и средством коммуникаций различных социумов, для которых актуальными могут быть ценности совершенно противоположного свойства. Иначе говоря, для развития общества ценность, как самостоятельно выработанная, так и позаимствованная, в каждый момент такого развития представляет одновременно и ресурс, и риск.

Современные социумы сталкиваются еще и с тем обстоятельством, что им не всегда дано самим определять свое отношение к той или иной ценности. Сегодня функцию «менеджера по цен-

ностям» охотно берут на себя СМИ, институты государственной власти, так или иначе причастные к идеологическому творчеству, экспертные научные сообщества. Отношение к исламским ценностям и самому исламскому вероучению как ценности в этом смысле является результатом информационных и управленческих технологий не в меньшей мере, чем результатом выбора, естественным порядком осуществленного массовым общественным сознанием.

Отношение неисламской части российского общества к исламу как фактору российской внутренней и внешней политики в России сегодня не завершено как целостное и непротиворечивое – оно формируется. И в этом формировании массовое сознание гораздо больше полагается на конструкты, поставляемые ему СМИ. А СМИ, особенно в последние два-три года в связи с миграционными проблемами Европы и активизацией террористических организаций на Ближнем Востоке, в Северной Африке и по многим странам мира, тиражируют, прежде всего, негативную информацию. В результате формируется тот самый однобокий и противоречивый ракурс экспертной оценки и оценки массовым сознанием факторности ислама, образцы которой были представлены выше. В данном исследовании мы будем исходить именно из амбивалентного качества ислама как ценности, объективно не утрачивающей этого свойства при любых поворотах политического процесса и при актуализации в самых различных исторических обстоятельствах.

Реализация этой амбивалентности ислама в качестве политического фактора происходит на разных уровнях политического процесса: мировом, региональном, национально-государственном, а также на уровне больших социальных групп и даже на личностном уровне. Все эти уровни политического процесса взаимосвязаны между собой. Эта многоуровневость не всегда принимается во внимание теми исследователями, которые склонны трактовать политическую факторность ислама как нечто существующее «вообще», «в принципе». Представляется, что на разных уровнях современного политического, экономического, культурного и правового процессов ислам заявляет о себе очень по-разному. И именно благодаря такому разнообразию заявлений ислама о своих возможностях быть двигателем человеческих отношений реализация интегративного и дезинтегративного потенциала ислама складывается сегодня в мощный фактор существования цивилизации, в первую очередь в ее политическом измерении. На упомянутых уровнях можно проследить некоторые общие и специфические тенденции, которые обуславливают сходство и различие факторных свойств ислама и других мировых религий в современном политическом процессе.

Вопрос, который нуждается в ответе, это вопрос о том, можно ли считать баланс интегра-

тивных и дезинтегративных воздействий ислама, как и любой другой мировой религии, на политический процесс исторической константой? Влияние ислама на мировой и региональный политические процессы всегда было огромным. Именно это соображение современные исследователи исламского фактора в политике берут за отправную точку своих аналитических рассуждений и оценок.

На проблему, тем не менее, можно посмотреть и с другой стороны. В последние века истории современных политически развитых обществ можно проследить определенную закономерность. Суть ее в том, что на протяжении последнего тысячелетия всемирной истории сначала именно мировые религии выполняли интегрирующую функцию в процессе становления социально-политических систем. Затем, на определенном историческом этапе, эта функция перешла к светской науке и светским идеологиям, тогда как на этом фоне стала более заметной дезинтегрирующая функция отдельных мировых религиозных систем. Сегодня же интегративный потенциал различных мировых религий, ислама в особенности, вновь заметно возрастает.

Эту закономерность, если ориентироваться на нее как на исходную точку методологии, можно структурировать более детально. Начать надо с того, что само по себе появление мировых религий было отражением потребностей древних обществ, переходивших от дополитического к политическому состоянию, во внутреннем сплочении перед лицом внешних угроз. Мировые религии предельно четко мотивировали такое сплочение: не столь важно, кто по крови твои предки, важно, кто твои братья по вере в Творца всего сущего. Мировые религии сплачивали своих приверженцев вокруг образа светлого будущего, которое уготовано всем истинно верующим и соблюдающим предписания Священных Текстов. Важно, что одним из центральных структурных элементов этого образа будущего в исламе, как и в христианстве и других мировых религиях, изначально была и остается сильная государственная власть.

Кроме того, мировые религии сделали акцент на необходимости соблюдения своими последователями писанных и неписанных правил их отношений с этой властью. Они легитимировали стабильный социально-экономический и политический иерархический порядок в обществах и элитах. То есть мировые религии именно политику сделали системообразующим началом в образе будущего, который они формировали в сознании своих приверженцев. Именно за политикой они закрепили статус той почвы, на которой возможна как интеграция, так и дезинтеграция больших и малых социально-политических систем, и даже отдельно взятой личности (если иметь в виду относительно системный характер политической культуры индивида).

Мировые религии в этом смысле наиболее полно отражали интерес к внутреннему сплочению и к устойчивому существованию средневековых обществ и обществ начала Нового времени в Европе, Азии и Африке. Эти социально-политические системы изначально имели относительно небольшой и медленно прибавлявшийся внутренний ресурс для развития и приобретения в будущем каких-либо качественно новых состояний. Свое будущее они могли представить только как воспроизводство и минимальное улучшение настоящего своего состояния. Такой ситуации вполне соответствовала установка, формулируемая мировыми религиями, что мир, каким его видит человек сегодня, был и будет таким всегда до конца времен, поскольку таким он сотворен Всевышним.

По мере наращивания в конце Средневековья и в Новое время цивилизованными обществами материального и интеллектуального ресурса развития мировые религии постепенно в проектировании политического будущего уступали светской науке и светским политическим идеологиям (консерватизму, либерализму, социализму). Наука и идеологии в плане интегрирующего потенциала имели перед мировыми религиями то несомненное преимущество, что предлагали человеку самому, в сообществе с другими людьми, независимо от вероисповедания последние, уже сегодня поучаствовать в создании будущего для себя и своей социальной системы, стать, образно выражаясь, Творцом пространства своей настоящей и будущей жизни.

Это был большой соблазн для обществ, из которых формировались новые политические нации, которые создавали свои национальные государства и для которых единство языка, законов, фискальных отношений становилось более важным, чем религиозные убеждения граждан. Этот соблазн подменить религиозное единение людей единением их на почве интересов нации не только не избавил политику от войн и новых конфликтов, он привел современный мир к невиданным прежде вещам – мировым войнам наций за ресурсы развития. Первоначально, однако, светские наука и идеологии выглядели оптимальным выходом из круга проблем, порожденных в прежние времена религиозной мотивацией политических отношений. На этом фоне прежнего опыта цивилизованных стран и народов идеологии и науки выглядели основанием, на котором возможна, как об этом писали классики европейского Просвещения, интеграция всех умных и образованных людей в масштабах страны и даже мира, прекращение конфликтов и даже войн, искоренение преступности и проч.¹⁴

Идеологии и наука приобрели больший, в сравнении с мировыми религиями, интегрирующий потенциал благодаря тому, что для этого появился общественный ресурс. Ресурс духовный и материальный. В разных частях мира такой ре-

сурс появлялся в разное время. В странах Запада, например, он появился с открытием европейцами Нового Света и колонизацией ими Китая и Индии. Для стран Востока этот ресурс, дающий им возможность развиваться и качественно меняться, появился значительно позже, в XX столетии, в ходе национально-освободительных движений и в результате возникновения во второй половине XX в. мировых рынков природных ресурсов, нефти и газа, руд редких металлов в первую очередь. И до настоящего времени этот ресурс не настолько велик и не настолько оптимально распределен по странам Востока, чтобы обеспечить этим восточным политическим сообществам возможность на равных конкурировать в глобализационном процессе со странами Запада и в режиме такой конкуренции отдавать во внутренней и внешней политике, в управлении общественной жизнью преимущество светским идеологиям перед религиозными регуляторами.

По этой причине различия ресурсных возможностей современных Востока и Запада, религии (ислам в первую очередь) для социально-политических систем Востока продолжают определять их видение своей цивилизационной перспективы гораздо больше, чем светские политические идеологии и научные доктрины, преимущественно «западные» по своему происхождению. Это можно, вслед за С. Хантингтоном, назвать «столкновением цивилизаций»¹⁵.

Такое определение, однако, придает исламу как мотивации развития «исламского мира» некое тотальное и провиденциальное значение. На практике современный исламский мир не чужд достижениям «западной» цивилизованности. Он «тянется» к ней и одновременно борется против ее крайностей, вступающих в прямой конфликт с ценностями ислама. При этом он активно интегрирует эти достижения в собственное пространство культуры и политики. Правильнее, на наш взгляд, было бы определить ситуацию как конкуренцию двух стратегий цивилизационного развития. Той, «западной», которая упорно держится за исторически сложившийся приоритет ценностей и институтов светской науки, светских идеологий, светских политических и правовых институтов над религиозными регуляторами повседневной социальной жизни современного человека. И той, которая выглядит сегодня более гибкой и мобильной, несмотря на свою «технологическую» архаичность, поскольку ориентирована на поиск разумных балансов между светскостью и религиозностью в практической политике, которая учитывает, что наука и идеологии, к сожалению, не способны сегодня предложить современному мыслящему человеку позитивный образ его будущего. А мировые религии части людей в современных обществах, причем все возрастающей части, такую возможность дают, к тому же дают человеку определенное пространство для личного интеллектуально

и деятельностного маневра в конструировании своего будущего.

Проблема в том, что ни одна из нынешних «мировых» политических идеологий (ни консервативная, ни либеральная, ни социалистическая) не смогла сформировать в массовом сознании обществ, отверженных ей, образа будущего более светлого, чем его рисовали, например, христианство или ислам, более нацеленного на совершенствование именно человека, а не вещей вокруг него, чем это имеет место в буддизме и конфуцианстве

Мировые религии, допуская вероятность гибели существующего мира по воле Всевышнего, оставляли своим искренним последователям надежду на спасение и счастливое пребывание в новом мире справедливости, достатка, безопасности. Светские политические идеологии первоначально тоже привлекли к себе внимание большинства цивилизованного человечества, потому как настаивали на возможности для самих людей, без участия сакральных сил, путем реформ, революций, даже войн, сделать жизнь людей справедливой, обеспеченной и безопасной. К настоящему времени, однако, этот оптимистический запал светских политических идеологий оказался израсходованным. Сегодня консерваторы, либералы и социалисты согласны с тем, что ни реформы, ни революции не способны решить проблемы истощения природных ресурсов на планете, проблем бедности и болезней, ухудшения экологии и изменений климата. Эти идеологии, в сущности, убеждают современного человека в цивилизованном мире только в том, что какую бы идеологию он ни исповедовал, справедливого, обеспеченного и безопасного будущего у него нет и не будет при всех его стараниях.

Без минимального оптимизма в отношении своего будущего общественно-политическая система существовать не может. Потому что в этом случае теряет смысл все – от занятий людей хозяйственной деятельностью до семейных отношений и научно-исследовательской деятельности. Сегодня в странах рыночной экономики и либеральной демократии еще не произошло окончательной утраты обществами в целом представлений о смысле своего существования. Но на уровне личностном и общественных групп, на уровне, например, представлений о морали, о материальных и духовных благах, о правах, свободах и обязанностях людей друг перед другом такого рода деформации и потери смысла уже наблюдаются и часто находят у исследователей оправдание как последствия пресловутой «глобализации». Тем более смысл теряют политика, правовой порядок, все то, что является инструментом совместного движения общества и государства к будущему.

В такой ситуации утраты современными цивилизованными социально-политическими системами положительной перспективы мировые

религии естественным порядком возвращаются на первый план в ряду интегрирующих социумы государства и отдельных людей идейных мотиваций развития. Современным людям, обществам и элитам они возвращают пусть иррациональную, но необходимую надежду на положительное будущее. Наблюдается тот всемирный «религиозный ренессанс», который современная светская наука и политика (в части идеологического творчества) вполне основательно считает для себя одним из главных цивилизационных вызовов.

Самой логикой развития этой ситуации современное научное сообщество ставится в положение, при котором оно вновь, как в XVIII и XIX столетиях, вынуждено подыскивать аргументы в защиту рациональности и светской научности. Наука уже не может рассматривать религиозный фактор современной политики в качестве социокультурного рудимента, который сам собой исчезнет по мере прогресса человеческих знаний. Современные исследователи все чаще пишут о религиозной мотивации политических отношений в отдельных государствах и мире как о неизбежной, хотя и чреватой многими рисками перспективе.

Третий вопрос, который определяет методологию исследования политической факторности ислама в интегративном и дезинтегративном аспектах, это вопрос адекватности реакции современной политической науки на те вызовы, которые адресуются ей исламом и в целом мировыми религиями. Современная наука, движимая закономерным конкурентным интересом, стремится эти риски просчитать и объяснить. Однако сами теоретические подходы к такому объяснению не всегда выглядят удовлетворительными даже с точки зрения интереса самой науки к сохранению своих позиций в пространстве культуры.

Непродуктивен подход, который не учитывает упомянутой исторической динамики интегративных и дезинтегративных свойств всех мировых религий, и ислама в их числе. Это происходит тогда, когда дезинтегративным либо интегративным свойствам ислама придается свойство некоей фатальности. Или же подход, который спрямляет такую динамику. По принципу: сначала все было хорошо, все работало на интеграцию, а чем ближе к современности, тем все становилось хуже и работало на дезинтеграцию. «В Коране, – пишет, например, Р. В. Пашков, – есть исторические аяты, которые Аллах дал просто для того, чтобы как-то организовать новое общество и сейчас в новых исторических условиях они не действуют. Исламское государство выступило катализатором общественного развития, необходимой формой, но сейчас назрела необходимость вновь вернуться к общине Пророка. Всемирного исламского государства не будет, так как все постепенно приходят к новому уровню развития по только своему пути. Община – исламская форма правления – вестерниза-

ция – исламократия – исламская форма правления – община»¹⁶.

В качестве примера можно привести и оценку интеграционного/дизинтеграционного потенциала ислама в его современных формах, высказанную одним из известных отечественных популяризаторов консервативной версии геополитики А. Г. Дугиным: «Изначально весь исламский мир был чем-то наподобие единого халифата, расширенного до мировых пропорций. Это очень важный момент: халифат является геополитической матрицей арабского мира. <...> исламский мир постепенно стал геополитической мозаикой, состоящей из довольно разнородных частей, значительная часть которых довольно далеко отошла от изначальной матрицы. <...> формальное утверждение универсалистских почти одномерно-тоталитарных мотивов такой интеграции, с которым мы часто сталкиваемся в проектах фундаменталистов, салафитов и ваххабитов, распространяющих модель халифата не просто на весь исламский мир (в том числе не-арабский), но и на все человечество, явно не способствуют реализации чаяний арабского единства на практике»¹⁷.

Определенным образом сказывается принадлежность исследователей к культурному ареалу, сформировавшемуся вокруг одной из мировых религий. Исследователи, когда рассуждают о политической факторности религии в современном мире и России, в качестве базового элемента в структуре этого «религиозного фактора политики» выбирают для анализа, прежде всего, «свою» религиозную систему. Присутствие в структуре «религиозного фактора политики» иных, не менее значимых элементов – религиозных систем, как бы исключается из поля зрения исследователя. Так, например, если исследователь, генетически и культурно являющийся частью христианского мира, пишет о религиозном факторе политики, даже обобщенно-теоретически, то для него это, прежде всего, православный фактор¹⁸. Если же исследователь принадлежит к исламскому миру, то для него «религиозный фактор» – это «исламский фактор»¹⁹. Более того, исследовательский дискурс чаще всего строится таким образом, что усиливаются именно различные аспекты интегративного потенциала «своей» религии.

Такой дисбаланс научных подходов вполне объясним. Он есть проявление естественной в любом сложном организованном и политическом социуме культурной конкуренции людей и социальных групп за будущее. Точнее – за тот проект, в рамках которого будет осуществляться движение в это будущее нынешних социально-политических систем. Условия достаточно жесткой конкуренции диктуют науке стратегию акцентирования внимания исследователей и читателей научных и публицистических трудов на том, в чем выигрывает тот проект, которому они

привержены и в чем ему проигрывают альтернативные проекты. Логика такой идейной, скорее идеологической, чем научной, конкуренции проектов будущего понятна. Но она не добавляет глубины и четкости понимания самой наукой того соотношения интегративных и дезинтегративных начал во включенности ислама в политику, на основании которого наука может более-менее объективно судить о реальной сложности факторности ислама либо христианства, в современной политике и просчитывать реальные риски такой факторности.

Когда современные исследователи пишут о культурных проблемах современных обществ, их ценностных ориентирах и ресурсах развития, то они часто рассматривают социумы как распадающиеся, а в некоторых случаях и деградирующие в цивилизационном плане системы. В частности, краснодарская исследовательница И. В. Мирошниченко (что распространено среди отечественных специалистов – апеллируя к мнению англо-саксонских «гуру от политологии») дает способности российского общества руководствоваться в своем развитии рациональным идеологическим выбором следующую характеристику: «Наследие тоталитарного режима существенно повлияло на процесс формирования гражданского общества, так как «уничтожило все самоорганизующиеся формы промежуточной общественной организации и заменило их структурами, работающими по принципу приводного ремня, чьей целью было наблюдение за обществом, его мобилизация для выполнения программ руководства и передача приказов сверху вниз». Такие политико-культурные паттерны, как приобретенная беспомощность, восприимчивость к патернализму и конфронтационному отношению к конфликтам, создали существенные барьеры для формирования активных гражданских акторов и системы гражданского партнерства в публичной политике»²⁰.

Собственно, пафос научных публикаций в том и состоит, чтобы убедить читателей, что одна из мировых религий, ислам например, может серьезно компенсировать собой прорехи в массовой и элитарной политической культуре. В религии и сформированном ею культурном контексте в этом случае исследователь видит тот цивилизационный ресурс, который, вопреки логике экономических, геополитических и иных процессов, способен остановить распад социально-политической системы «у последней черты» и вернуть ей позитивную динамику развития. Как об этом пишет, например дагестанская исследовательница Г. Н. Сеидова: «Исламские движения предполагают альтернативную модель современности, знаменующую не отказ от модернизации, а стремление строить современное общество, которое хотя и участвует в глобальной системе, но вдохновляется обладающей собственным са-

мосознанием исламской культурой. <...> Религии как консервативный феномен культуры этносов благодаря консерватизму содержат в себе тенденцию к самосохранению»²¹. Этот подход, только в более теоретически упрощенном виде, свойствен и массовому сознанию в рамках мировых религий. Научный дискурс, собственно, воспроизводит его в ущерб задаче взвешенного анализа интегративных/дизинтегративных влияний мировых религий. Где возникает особенно напряженное переживание такого нахождения социально-политической системы «у последней черты» и необходимости решительного спасительного шага от этой черты, там наблюдается радикализация ислама, иудаизма, христианства именно на уровне возникновения напряжения в культурном контексте существования этих религиозных доктрин.

Примечания

- ¹ Кисриев З. Ф. Ислам и национальные отношения на Северном Кавказе // Ислам в России : Взгляд из регионов / науч. ред. А. В. Малащенко. М. : Аспект Пресс, 2007. С. 70–71.
- ² Губанов А. Опасен ли ислам для мира и России? URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=11085 (дата обращения: 29.01.2016).
- ³ Там же.
- ⁴ См.: Россияне об исламе // Демоскоп Weekly. № 527–528. 15–28 октября 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0527/opros09.php> ; ФОМ : Более четверти россиян относятся к исламу негативно. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/11/02/1054308.html> (дата обращения: 02.02.2016).
- ⁵ См.: Отношение к исламу – Testograf.ru. 13.08.2015 (21:27)–30.01.2016 (18:45). URL: <https://www.testograf.ru/ru/oprosi/arhiv/otnoshenie-k-islamu.html> (дата обращения: 12.02.2016).
- ⁶ Градировский С. Н. Ислам и политика : в поисках формы // Ислам в России : Взгляд из регионов. С. 11.
- ⁷ Попов В., Михайлов Ю. Геополитика и ислам. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document241923.phtml> (дата обращения: 29.01.2016).
- ⁸ Косиченко А. Общество и вера. Религия в XXI веке // Ислам и современная геополитика. URL: <http://www.baiterek.kz/node/250> (дата обращения: 29.01.2016).
- ⁹ Градировский С. Н. Указ соч. С. 27.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Малащенко А. Каким нам видится ислам // Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/monitoring-smi/2006/10/17/kakim_nam_viditsya_islam/ (дата обращения: 02.02.2016).
- ¹² См.: Губанов А. Указ соч.
- ¹³ Косиченко А. Указ соч.
- ¹⁴ См.: Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Разум в культуре эпохи Просвещения. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/antiseri-reale-zapadnaya-filosofiya/razum-v-kulture-epochi-prosvescheniya.htm> (дата обращения: 12.02.2016).
- ¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М. : АСТ, 2003. 603, [5] с. (Philosophy). URL: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/huntington-stolk_civil-a.htm (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹⁶ Пашков Р. В. Исламское политико-правовое учение. Университетский курс. URL: <http://constitutions.ru/?p=1864> (дата обращения: 25.01.2016).
- ¹⁷ Дугин А. Г. Геополитика арабского мира (предисловие к арабскому изданию «Основы геополитики»). С. 5, 8, 14. URL: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&sid=1893> (дата обращения: 29.01.2016).
- ¹⁸ См., например: Воронцов С. А. Взаимодействие политических и религиозных систем : правовой анализ. Ростов н/Д : Донское кн. изд-во, 2013.
- ¹⁹ См., например: Буттаева А. М. Качественная характеристика процесса исламского возрождения // Исламоведение. 2014. № 3. С. 30–35.
- ²⁰ Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар : Просвещение-Юг, 2013. С. 91.
- ²¹ Сеидова Г. Н. Ислам и глобализация : за и против // Журнальный клуб Интелрос «Век глобализации». 2013. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18823-islam-i-globalizaciya-za-i-protiv.html> (дата обращения: 13.11.2015).

Образец для цитирования:

Мирзаханов Д. Г., Абдулкадыров Ю. Н. Стратегия политологического исследования интеграционного/дизинтеграционного потенциала исламского фактора современной политики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 104–112. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-104-112.

Cite this article as:

Mirzakhanov Dzh. G., Abdulkadyrov Yu. N. The Strategy of Studies of Integration/Disintegration Potential of Islamic Factor of Modern World Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 104–112 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-104-112.

УДК 32.01

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АНАЛОГОВОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Г. М. Барашков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Eternity65@yandex.ru

В статье рассматривается влияние конфуцианской политической традиции на особенности становления и развития аналоговой модели гражданского общества в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Показано, что конфуцианские нормы, лежащие в основе азиатских ценностей, заложили основы общественных и межличностных взаимодействий, специфику государственно-властных отношений, определили основу политической культуры и получили статус государственной идеологии. Анализируется модель гражданского общества в этом регионе мира, его характерные черты, отличия от западного «идеала». Показано, что формирующиеся модели гражданского общества незападного ареала обладают собственными, специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран, конфуцианством и системой азиатских ценностей.

Ключевые слова: аналоговая модель, гражданское общество, конфуцианство, демократия, демократизация, традиционализм, политическая культура, азиатские ценности.

Confucianism's Impact on Peculiarities of Establishing and Developing of the Civil Society's Analogous Form in the Countries of the Asia-Pacific Region

G. M. Barashkov

The present article is concerned with the influence of Confucian political tradition on peculiarities of establishing and development of the civil society's analogous form in the countries of the Asia-Pacific region. The author shows that Confucian norms lying at the heart of the Asian values laid down the foundation for social and interpersonal interactions and specifics of state-authority relations, defined the bases of political culture and gained the state ideology status. This region's model of civil society, its features and variations from the Western «ideal» are analyzed. The author shows that developing civil society models of non-western areal have their own unique features which are dependent upon the special mode of civilizational development of those countries, Confucianism, and the whole system of Asian values.

Key words: analogous model, civil society, Confucianism, democracy, democratization, traditionalism, political culture, Asian values.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-113-120

Постепенное превращение Китая в сверхдержаву, большие достижения в области экономики, высоких технологиях, стабильность, процветание и устойчивое развитие большинства стран Азиатско-Тихоокеанского региона способствуют возрастанию научного интереса к этим странам.

Анализируя политические процессы, происходящие в данном регионе мира, отметим, что все геополитические, национальные и исторические особенности определяются их принадлежностью к конфуцианской политической традиции, формировавшейся длительный период времени и получившей статус государственной идеологии. Сотни лет народы этих регионов развивались в условиях господства конфуцианского мировоззрения, которое проникало во все сферы человеческой деятельности, воздействуя как на элиту, так и простой народ. Конфуцианские нормы явились основой политической культуры, способствовали формированию общественных и межличностных отношений, определили специфику государственной власти.

Несомненно, азиатские страны неоднородны по уровню своего политического развития. Вместе с тем, несмотря на широкую градацию азиатских стран от тоталитарных (КНДР) до формально демократических (Япония), у них есть много общего благодаря одной политико-культурной традиции, исходящей из конфуцианства.

Для политической культуры конфуцианского общества определяющей является политико-философская концепция власти, которая практически не претерпела существенной трансформации даже в последние десятилетия, связанные с политической модернизацией стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Для данных обществ, следующих в русле конфуцианских традиций, особая роль отводится государству, выступающему в качестве цементирующей и организующей силы, действия которого направлены на защиту страны и граждан, создание оптимальных форм социального и политического взаимодействия.

Несмотря на устойчивую тенденцию развития модернизационных процессов в современных азиатских государствах, политические традиции и культура максимально сохраняют конфуцианское наследие. Государство, как и раньше, занимает особое положение в системе ценностей азиатских обществ, что объясняет тяготение к сильной государственной власти и поддержанию авторитарных порядков. Обществом признается право руководителя на жесткое единоличное правление, что значительно сковывает внутренний потенциал для дальнейшего политического переустройства общественных и государственных структур.

В отличие от западной либеральной модели, где государство признается производной от общественных интересов и должно служить социуму, в азиатских обществах государство рассматривается как данность, а общественный и индивидуальный долг представляется как служение верховной власти с целью создания сильного и эффективно действующего механизма, интересам которого подчинен каждый гражданин.

Вместе с тем развитие демократических процессов в этом регионе мира – это устоявшийся факт, который признается большинством исследователей азиатских обществ и теории демократии¹. Другое дело, насколько применимы понятия и термины «гражданское общество», «демократия» к этим государствам в западноевропейском их понимании, насколько западные ценности соотносятся с местной политической культурой и какова специфика собственной складывающейся здесь демократической традиции.

Столкнувшись с современными условиями, конфуцианский мир вынужден был начать переход на более эффективный вариант развития, связанный с адаптацией западной модели к местным условиям. Процесс этот оказался достаточно сложным, поскольку европейские и дальневосточные народы на протяжении веков руководствовались различными ценностными установками.

Культурно-историческое развитие западных стран, ценностные ориентиры, то, что, собственно говоря, формировало западную модель мироустройства, не соответствует конфуцианским традициям, так как европейская цивилизация зиждется на принципах эффективности, рациональности, институционализации политического процесса, конкурентной борьбы. Конфуцианская же система ценностей основана на морально-этическом подходе к организации человеческого общества, приоритете нравственных начал, гармонизации отношений и самосовершенствования человека, поэтому в ее рамках социальные задачи решались через познание человеком собственной природы. Средством решения насущных проблем выступают этические и социальные механизмы. Иначе определяют в конфуцианском мире и суть цивилизации, которая выступает здесь как «система однородной человеческой деятельности, ограниченная набором действенных правил, доминирующими обычаями и трудовыми приемами, сложившимися в течение длительного времени»². В таких условиях по своей природе и интересам люди не отличаются друг от друга, и со временем укоренившиеся обычаи и правила становятся частью жизненных условий. Иными словами, суть конфуцианской цивилизации составляют обычаи, традиции и правила, сформировавшиеся в течение длительного исторического времени в ответ на изначальные и впоследствии меняющиеся условия жизни.

С развитием либеральной экономики и политических реформ, направленных на демократизацию общественной жизни, отношение к традиционной культуре начинает постепенно меняться. При этом не ставится вопрос о применимости фундаментальных принципов конфуцианства в современных условиях в целом, но решается задача их преломления в соответствии с новыми реалиями. Поддержка и прославление традиционной культуры воспринимаются как необходимые условия для сохранения национальной идентичности, подъема национального духа и патриотизма. В то же время доказывается, что модернизация и участие в глобальных процессах – это естественный, закономерный процесс, который не противоречит основам традиционной морали и этики. Напротив, в бурно меняющемся мире, что влечет за собой существенные общественно-политические изменения, они должны выполнять охранительную функцию, смягчать жизненные и рыночные конфликты, способствовать гармонизации социальных отношений.

Очевидно, что перемены, происходящие в посттрадиционном обществе, могут восприниматься достаточно настороженно, расцениваться как некая угроза культурным основам, традициям, самобытности, сохранять в себе страх потери идентичности для некоторой части населения. Вместе с тем большинство изменений расцениваются весьма положительно, прогрессивно, не вызывают отторжения, поскольку культурный код, составляющий главное ядро, основу, суть цивилизации, остается неизменным. Главную роль в нем играет своеобразный тип мышления, который нацелен на сохранение гармонии и целостности и тем самым существенно отличающийся от системы противопоставления, свойственной для европейцев. Конфуцианский тип мышления монистичен, целен, он обращен к поддержанию логической взаимосвязи и обусловленности, выражающийся формулой «и то, и это», в то время как европейский дуализм связан с противопоставлением, «либо то, либо это»³. В основе стиля мышления дальневосточных народов лежит глубокая убежденность в том, что одно понятие не может существовать в отрыве от другого, зачастую противоположного, его можно считать диалектичным, поскольку конфуцианский мыслительный стереотип относится ко всему как к существующему в неразрывном взаимодействии и взаимной обусловленности. Гармония единого мироздания, космического и земного, красной нитью проходит через этико-философскую систему Конфуция⁴. Поэтому в конфуцианском типе мышления отсутствуют абсолютные категории добра или зла.

Специфика дальневосточной цивилизации не ограничивается только типом мышления. Отличие от европейской цивилизации проявляется даже на лингвистическом уровне. Например, такое значимое философское понятие, как «спра-

ведливость», не было характерно для древних азиатских языков. Но это совсем не означает, что категория справедливости чужда дальневосточной культуре. Напротив, по мнению исследователя А. Ланькова, она занимает почетное место в этической системе Кореи, Китая, Японии и других стран региона, однако в ней иначе рассматриваются отношения между коллективным и индивидуальным⁵. Поэтому здесь «справедливость» лишена эгалитарного подтекста, характерного для западного восприятия этого понятия, и не требует обеспечения равных возможностей для каждого индивида. Семантика слова «справедливость» в дальневосточных языках демонстрирует, что конфуцианское восприятие человека как особой ролевой матрицы в обществе вообще не предусматривает социального равенства. А. Ланьков считает, что термин «справедливый» в дальневосточных странах в большей степени означает «уместный, подходящий, допустимый»⁶. Таким образом, в европейской традиции преобладает социальный аспект данного понятия, а на Востоке – этический. Примерно так же обстоит дело с восприятием других ценностей: долг, совесть, право, обязанность, сотрудничество и т. д.⁷. Оно отличается от соответствующих понятий западной культуры и сыграло существенную роль в трансформации конфуцианского общества по иному социальному проекту, основными характеристиками которого стали гомогенность, солидарность, тождественность и сотрудничество.

Большинство исследователей, занимающихся проблемами Востока, акцентируют свое внимание на таком феномене, как тот, что ни одна из азиатских религий и философий, в том числе конфуцианство, не проводит различия между религиозными и светскими ценностями⁸. Религиозные традиции Востока содержат не только руководство по отпавлению культа, но и правила поведения в повседневной жизни, определяют нормы общественно-политической, хозяйственной и творческой деятельности.

Таким образом, при различно складывающихся обстоятельствах, в любой среде, будь то общественно-политическая либо семейная, властные, корпоративные ценности, основанные на конфуцианских морально-этических принципах, нацелены на достижение мира, согласия, гармонии, что противоречит соображениям целесообразности и эффективности в европейском понимании. Поиск гармонии как универсального принципа мироустройства является краеугольным камнем конфуцианского мировоззрения. Гармония же в социально-политической сфере обеспечивается через традиционно-корпоративный консенсус. Принятие решений происходит в результате длительных консультаций, в обсуждениях возникающих проблемных ситуаций, в которых принимают участие все участники переговорного процесса. Система простого боль-

шинства, где меньшинство должно подчиниться и принять к сведению, являющаяся основным критерием демократичности в западном понимании, редко приводит к единодушной поддержке власти на Дальнем Востоке. В свою очередь, для власти в лице государства важно завоевать доверие народа, демонстрируя единение власти и общества.

Эти факты убедительно доказывают нам то, что абсолютно нецелесообразно и контрпродуктивно переносить западные социальные, экономические, правовые и политические концепции на другую культурно-историческую среду. Привнесенное в конфуцианский мир европейского понимания прогресса не всегда следует связывать с гомогенизацией всемирно-исторического прогресса, поскольку конфуцианский мир показал достаточную прочность в условиях глобальной экспансии европейской традиции. Речь следует вести не о замене местных цивилизационных основ, а о слиянии региональных и глобальных тенденций. Слияние конфуцианской и европейской цивилизаций порождает не только конфликты, но и синтез различных компонентов, выводит историческое развитие на новый качественный уровень, что способствует появлению новых моделей политического развития, особенностей функционирования политических институтов.

Отсюда следует, что местная специфика развития демократического процесса нацелена на сохранение в современных условиях базовых особенностей конфуцианской политической культуры. Однако камнем преткновения является неоднозначное восприятие сущности демократии как народовластия в разных культурных средах. Менталитет многих неевропейских народов делает невозможным механический перенос в их среду сложившихся на Западе форм, принципов и институтов демократии. Таких примеров неудавшихся экспериментов «экспорта демократии» множество, когда, вроде бы, одни и те же политические институты, но в разных культурных средах начинают по-особенному функционировать, давая на выходе совершенно непредсказуемый результат. В итоге теряется управляемость и происходит сползание некогда вполне успешных государств в многолетний хаос и ужас гражданского противостояния. Поэтому перспективы модернизационных преобразований и демократизации политического процесса напрямую ставятся в зависимость от синтеза двух культурных традиций. Своеобразие и уникальность данного процесса позволяет некоторым исследователям использовать понятие «азиатской демократии»⁹, основанной на «азиатских ценностях». По мнению ряда авторов, нельзя отказывать азиатским государствам участвовать в демократическом процессе, применяя различные модели и формы демократии, максимально адаптируя их в соответствии со своей национально-культурной

спецификой. При этом утверждается, что «они не в меньшей степени демократичны, чем любая западная страна»¹⁰.

В основе доктрины «азиатских ценностей» лежит убеждение в том, что современная Азия, стоящая на принципах солидарности азиатских стран в противовес американоцентризму и евроцентризму, превосходит Запад в историческом первенстве за мировое лидерство или, во всяком случае, не уступает ему. По мнению апологетов «азиатских ценностей», они не являются ущербными в сравнении с западными демократическими ценностями. В конечном итоге данная доктрина обосновывает специфическую историко-культурную и общественно-политическую базу для современного экономического и социального устройства азиатских государств, не стремящихся подражать США и западноевропейским странам, а способных развиваться на собственной основе.

Кроме того, ссылка на «азиатские ценности» оспаривает современную западную модель управления в экономической и политической сферах, так как азиатский рынок и капитализм, которые сложились на особой культурной основе, зиждутся на родственно-клановых связях и в меньшей степени зависят от юридических норм и судебной системы. В политической сфере приоритетным является поддержание традиционной политической культуры, а не построение правового государства, нацеленного на защиту гражданских прав и свобод граждан. То есть в системе «азиатских ценностей» приоритетное положение занимает традиционная политическая культура, направленная на поддержание корпоративизма и иерархических принципов организации общества, затем следуют культурные ценности, акцентирующие внимание на этических нормах и общественной жизни, а концепции гражданских прав и обязанностей придается второстепенное значение¹¹.

Таким образом, следует признать существование различных моделей, основанных на культурно-исторических традициях и специфике того или иного региона. Но непохожесть не означает неполноценности или ущербности. Принципиальные различия «азиатской» и «западной» демократии наблюдаются лишь по отношению к либерализму, причем азиатская концепция не отрицает его полностью, а дает ему в условиях традиционного общества иную интерпретацию, в частности, относительно таких вопросов, как права человека, процесс демократизации, модернизация, концепция власти, общественно-политический плюрализм. Например, если на Западе права человека являются абсолютной ценностью, характеризующей степень демократичности и цивилизованности той или иной страны, то в политических системах постконфуцианских стран основное внимание уделяется не правам отдельного человека, а правам всего общества.

Такое положение должно обеспечить социальную стабильность общества, способствовать его развитию и выживанию в непростых конкурентных условиях современного мира. Кроме того, в таком восприятии прав человека лежит особое понимание идеи социальной справедливости в постконфуцианских странах, которому могут угрожать индивидуалистические устремления по европейскому примеру, несущие опасность раскола и ослабления коллективистских основ.

Процесс демократизации характеризуется уходом от вестернизации в пользу национальных моделей развития. Западная модель демократии адаптируется в соответствии с местной спецификой. Как и во всем, выразителем демократических тенденций становится группа, весь социум, а не отдельный, свободный индивид. Решения инициируются и доводятся до общества сверху, т. е. власти, по конфуцианской традиции, сохраняют и реализуют свой особый «мандат» на управление народом,

Концепция модернизации преломляется через конфуцианскую культурную традицию и преподносится как «особый капитал для догоняющей модернизации» и даже выдвигается теория «альтернативной незападной, или конфуцианской модернизации»¹². В этом случае любая попытка внедрения на местную почву европейских институтов, будь то гражданское общество или права человека (в либеральном понимании), вызывает немедленное отторжение, что способствует в европейском понимании существенно подрыву потенциала дальнейшей политической модернизации постконфуцианского мира. В действительности как раз опора на собственные ценности способствует успешной модернизации ряда восточноазиатских обществ и рождению, так называемого азиатского чуда.

Концепция власти в конфуцианском пространстве не воспринимает демократию как проявление народовластия. Если европейская политическая традиция признает народ в качестве носителя верховной власти, то в постконфуцианском обществе народовластие подразумевает власть от имени и в интересах народа, что принципиальным образом меняет содержание данной категории демократической теории. Однако на практике такое понимание народовластия приводит к снижению степени прямого участия населения в политическом процессе и сужению возможности воздействовать на него.

Общественно-политический плюрализм, который является одной из ключевых ценностей и достижений западных стран, в конфуцианском мире не поощряется. Это связано с тем, что общественная мораль, политическое сознание и культурные традиции содействуют общественно-политическому конформизму и особенно унификации политического процесса, поскольку только они способствуют гармонизации политического процесса и единства социума.

Такое же преломление через местную политическую традицию претерпевает и концепция гражданского общества. Западная демократическая традиция направлена на формирование открытого гражданского общества, в основе которого лежит соблюдение приватности и раздельности интересов отдельных социальных групп и индивидуумов. Государство в современных условиях отождествляется с правовым и институциональным аппаратом, в то время как гражданское общество представлено моделями различных объединений (некоммерческие объединения, группы по интересам, профсоюзы и т. п.), постоянными и временными, далеко не всегда подлежащими правовому регулированию. Содержание понятия «гражданское общество» включает всю совокупность неполитических отношений: экономических, духовно-нравственных, социальных, религиозных, национальных и т. д. Западноевропейское восприятие демократии подразумевает приоритет индивидуальных интересов членов общества, что порождает вопросы о реализации личных прав и свобод. В большинстве же стран Востока акцент делается на общественные ценности. Совместить западное понимание демократии с восточной традицией весьма проблематично, в полной мере это относится и к категории гражданского общества.

Конечно, было бы неверным оценивать формирование гражданского общества азиатских стран лишь через призму конфуцианской традиции. Очевидным является также и то, что активно идут процессы модернизации социальных институтов и глобализации, т. е. размываются устоявшиеся стереотипы общественных взаимосвязей и взаимовлияний. Иначе говоря, образуется некий сплав из традиционного и инновационного, что можно было бы определить как аналоговое гражданское общество азиатских стран, не традиционное, но и не гражданское общество, сложившееся на Западе. В этом случае необходимо принимать во внимание положение, суть которого в следующем: основой современного гражданского общества азиатских стран является синтез, или наложение на конфуцианство демократических институтов, норм, установок, привнесенных с западного мира, повлекший процесс модернизации социальных и политических институтов.

Сущностные отличия европейского и азиатского подходов к проблеме гражданского общества проявляются в системе его построения и в определении его основных целей и функций. С точки зрения западного исследователя, структура такого общества представляет собой горизонтальные сети, состоящие из всевозможных общественных, экономических, политических, профсоюзных объединений граждан. С точки зрения азиатских авторов, гражданское общество – это совокупность общепринятых норм и принципов, регулирующих вертикальную систе-

му отношений в обществе¹³. Одним словом, для европейца гражданское общество – это совокупность горизонтальных сетей, а для традиционно, в том числе и конфуцианского общества, это – система вертикальных отношений по принципу «патрон – ученик».

В западноевропейских странах целью функционирования гражданского общества является в конечном итоге производство социального капитала, или «всеобщего блага», путем пересечения социальных барьеров. Главным средством для достижения данной цели выступает широкое и равноправное общественное сотрудничество. В странах конфуцианской культурной традиции целью гражданского общества является поддержание социальной стабильности, но не за счет размывания барьеров, а путем их сохранения, усиления роли государства как основного распорядителя во всех сферах жизнедеятельности.

Конфуцианская философско-этическая система заложила основы современной цивилизации Восточной Азии и по сей день сохраняет важные позиции в общественной жизни Китая, Японии, Южной Кореи и других стран региона. Однако не следует рассматривать восточные культуры как исключительно коллективистские, а западные – в качестве исключительно индивидуалистических. Оба начала присутствуют во всех культурах, но проявляются с разной степенью интенсивности. Сущность демократии подразумевает отсутствие противопоставления этих начал¹⁴, демократическое общество находит пути оптимального регулирования взаимоотношений между коллективными и индивидуальными интересами. Показательным в этом отношении является опыт ряда стран АТР, формирующих механизм современного гражданского общества, таких как Южная Корея, Япония, Китай.

Процесс становления гражданского общества в Южной Корее, как и в других странах региона, наглядно демонстрирует, что не следует сводить демократию к торжеству прав и свобод граждан. Для оценки демократического процесса в южнокорейском обществе не вполне достаточно установления либеральной основы в социально-экономической сфере деятельности. Южнокорейцы воспринимают демократию прежде всего как форму государства, при которой вся нация служит источником и носителем идей, сущности и целей политической и государственной власти. Либерализм воспринимается как форма организации общества, при которой главенствующими становятся гуманизм, защита прав и свобод личности, свободы предпринимательской деятельности, конкурентная борьба, при минимальном вмешательстве государства, проведении умеренных реформ, индивидуализме, рационализме, толерантности, развитии институтов парламентаризма, открытости внешнему миру и независимости по отношению к традициям.

Проблема обеспечения либеральных свобод, прав человека, признания приоритета свободы личности над остальными ценностями весьма актуальна в южнокорейском обществе. Традиционалистские социальные структуры проявляют склонность подчинять личные интересы граждан интересам того или иного коллектива, и это служит гарантией законопослушания населения и общественной стабильности. В рамках таких структур активно действует режим внутренней демократии, существуют эффективные формы и методы принятия коллективных решений. Это позволяет обеспечивать относительно прочную социальную стабильность за счет упрощения процедуры достижения общественного консенсуса. В незападном мире, к которому принадлежит Южная Корея, выживаемость и управляемость гражданского общества и демократии в целом напрямую зависят от сочетания и согласованного действия, с одной стороны, таких атрибутов классической демократии, как парламентаризм, конституционализм, правовое государство, многопартийность, с другой – присущих конфуцианскому миру форм общественной организации¹⁵.

При исследовании формирования гражданского общества в Японии современные специалисты обычно подчеркивают, что Япония практически никогда не знала жесткого государственного контроля над общественными институтами¹⁶. Вместе с тем для традиционной Японии характерно существование многочисленных и разнообразных, причем очень жестко организованных, общественных институтов, своего рода каст. В сочетании с традициями корпоративности, заимствованными японцами из китайской политической культуры, эта традиция жесткой социальной иерархичности породила и современную специфику японской общественной организации, современного гражданского общества в Японии. Поведение индивида в японском обществе сегодня, как и прежде, определяется рациональными интересами группы, и это открыто декларируется.

В условиях Японии, где от института императора была изначально отделена реальная административная власть сегуна, периодически подвергавшаяся вызовам со стороны других могущественных самурайских кланов, складывание единой структуры патриархального государства было затруднено¹⁷. Ориентации на групповые интересы в основном охватывали собственно клан или организации горожан, не подчиненные конкретным кланам. Здесь развилась система конкурирующих институтов, противостоящих центральной власти и ведущих борьбу друг с другом. Вместе с тем внутри кланов доминировала этика конфуцианского поведения¹⁸.

Оценивая послевоенную эволюцию японской политической культуры применительно к постулатам концепции гражданского общества,

необходимо отметить существенное расширение социальной базы ценностей индивидуализма и гражданского типа политической культуры в целом. Социальные изменения, порожденные высокими темпами экономического роста, повышения благосостояния народа, ослабили устойчивость важнейшей опоры культуры традиционного общества – культуры сельского населения. Следует констатировать, что однородная традиционная политическая культура образца довоенного периода в Японии разрушена. Тем не менее, ценности гражданского общества получили широкого распространение, главным образом, в ареале проживания крупных японских городов. В силу концентрации населения Японии вокруг урбанизированных центров эти тенденции воздействуют на взгляды и поведение значительной доли японского общества. Невозможно отрицать постепенную модернизацию общественного сознания, но основы традиционной японской культуры и групповое сознание по-прежнему сильны. Именно эти нормы определяют принципы поведения индивида и функционирования общественных организаций на национальном уровне.

Аналогичную ситуацию в процессе становления гражданского общества мы можем наблюдать и в Китае. По мнению исследователей, на формирование гражданского общества существенным образом повлияли два фактора. Во-первых, это патриархально-клановая структура общества, в которой роль и ценность личности определялись исключительно соображениями ее социальной полезности и местом в иерархии семейно-родственных связей, а государство представлялось в качестве суперпатронии. Согласно учению Конфуция, правитель возвышался над главой семьи лишь на несколько ступенек. Подобный подход вводил правителя в круг обычных представлений общинников, превращая государство в обычную семью, только большую¹⁹.

Во-вторых, это особый режим хозяйственной деятельности, необходимость массовых общественных работ по строительству и содержанию аграрной и транспортной инфраструктуры на огромных и неравномерно заселенных территориях. Осмысление китайским обществом значимости этих факторов на ценностном уровне вело к юридической, философской и традиционно-бытовой легитимации таких норм, как подчинение младшего старшему в семье, социальной группе, государству, превалирование интересов сообщества над интересами личности и жесткий контроль со стороны группы над любыми проявлениями индивидуальной активности, возможность продвижения индивида по социальной иерархии исключительно на основе отстаивания интересов своего социума и при его поддержке²⁰. Характеризуя китайское общество, важно отметить такие факторы, которые свойственны всем конфуцианским обществам, а именно: устойчивость традиций и преемственность поколений,

что способствует сохранению в политической культуре современного Китая целого ряда представлений о нормах и формах социально-политической жизни, характерных для прошлого.

Во второй половине XIX в. Китай испытал мощный шок от военных и политических поражений в столкновениях с западными странами и Японией. Войны с этими государствами обнаружили слабость и отсталость Китая. Это заставило китайскую политическую и культурную элиту пересмотреть существовавшую до тех пор модель социально-политического и экономического развития Китая. Дальнейшая история развития страны – от «политики самоусиления» Ли Хунчжана до реформ Дэн Сяопина – была связана с поиском путей перехода от традиционного к более современному укладу политической и экономической жизни, способов использования в этих целях достижений мировой цивилизации²¹.

Таким образом, было положено начало социально-психологической открытости Китая, восприимчивости к элементам иностранной социально-политической культуры. Определенным шагом в этом направлении стал приход в Китай марксизма. Восприимчивость китайского общественного сознания к идеям марксизма, начавшим распространяться в Китае в начале XX в., в немалой степени обуславливалась схожестью многих марксистских постулатов с элементами традиционной китайской социально-политической культуры, таких как коллективизм, эгалитаризм и т. п.

В целях интенсификации народно-хозяйственного развития китайское руководство в конце 1970-х гг. пошло на целый ряд шагов по изменению многих сложившихся стереотипов общественно-политического сознания и поведения. Суть этих мероприятий заключалась в стремлении властей повысить инициативу граждан в решении задач экономического и политического характера. Тем не менее, все усилия по либерализации общественной жизни Китая носят ограниченный характер²². Это связано с тем, что традиционная модель китайской политической культуры не допускает активного влияния человека на процессы государственного управления. Подобные настроения не только распространены среди правящей номенклатуры, но и разделяются большей частью китайского общества. Возможно, исключением, подтверждающим правило, является китайское студенчество, которое можно охарактеризовать как наиболее активную часть китайского общества в политическом смысле. В этой социальной группе идет активный процесс формирования собственной субкультуры, характерными чертами которой являются восприимчивость к новым политическим идеям, ослабление влияния традиционной культуры. Политизации общественного сознания китайских студентов, их повышенной политической активности способствует ряд факторов, связанных как с особенностью бытовых

условий, так и с более высоким уровнем образования, большей социальной мобильностью, более активным приобщением к ценностям западной культуры.

Таким образом, в последние время в социально-политической культуре Китая, с одной стороны, развиваются активные процессы в сторону ее сближения с ценностями западной либерально-демократической политической культуры, с другой стороны, наблюдается определенный возврат ко многим традиционным ценностям. Это связано с тем, что в Китае растет значение двух основных социально-политических субкультур, которые можно условно назвать «западническо-городской» и «традиционно-сельской». В первой из них происходит осмысление и переработка ценностей западной культуры, оценка возможности их использования в реформировании Китая, во второй – усиливается роль традиционных ценностей народной культуры с упором на стремление к относительной независимости от центральных властей. Носители обоих основных типов социально-политических субкультур играют все большую роль в общественно-политической жизни Китая.

Как бы ни складывалась дальнейшая судьба процесса демократизации в странах АТР, их общественные и политические системы сохраняют пока традиционные ценности и ориентиры. Эти страны, осваивая достижения технического прогресса и оберегая многие черты своей традиционной культуры, отказываются идти по пути бездумной вестернизации, сочетая модернизацию своего общества с развитием собственной культурной идентичности. Поэтому, обладая большим весом и влиянием на международной арене, продолжая процессы демократической трансформации, они в обозримом будущем, вероятнее всего, сохраняют методы социального управления.

Таким образом, становление и развитие гражданского общества стран Азиатско-Тихоокеанского региона обладают собственными, специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран, конфуцианством и системой азиатских ценностей. Суть этих отношений заключается в доминирующей роли государства, создании оптимальных форм социального и политического взаимодействия, в основе которых лежат обычаи и правила. Политическое сознание дальневосточных народов состоит из особого конфуцианского типа мышления, формирующего гармонию во взаимоотношениях и влияющего на развитие конфуцианского общества, построенного на солидарности, однородности и сотрудничестве. Это наглядно проявляется и в функционировании институтов гражданского общества, где возникающие противоречия между ними и государством, решаются в соответствии с принципом единства и социальной гармонии, путем консультаций и достижения согласия.

Примечания

- ¹ См., в частности: *Ли Вл. Ф.* О синтезе традиционализма и вестернизма в политической культуре корейской нации // Проблемы Корейского полуострова и интересы России: материалы II науч. конф. М., 1998. С. 188–195; *Мазуров В. М.* От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М., 1996; *Мельвиль А. Ю.* Демократизация в России и Республике Корея – возможности и пределы аналогий // Россия и Корея в меняющемся мире: науч.-практ. конф., 3 сент. 1997 г.: сб. докл. / редкол.: А. Д. Богатуров [и др.]. М., 1997. С. 23–32; *Его же.* Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999.
- ² *Толстокулаков И.* Демократия в посттрадиционном обществе. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/101/114.pdf> (дата обращения: 05.12.2016).
- ³ Там же.
- ⁴ См.: *Переломов Л. С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. URL: <https://eknigi.org/istorija/44269-konfucij-zhiznuchenie-sudba.html> (дата обращения: 15.04.2013).
- ⁵ См.: *Ланьков А.* Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского гражданина. URL: <http://lankov.oriental.ru/fmental.shtml> (дата обращения: 16.10.2013).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См., например: *Корсун В. А.* Правящая элита современного Китая: тенденции модернизации и архаизации. URL: http://files.korrektor.ru/1/Elity_fragment.pdf (дата обращения: 05.12.2016).
- ⁹ См., например: *Толстокулаков И. А.* Посттрадиционное общество Южной Кореи и проблемы политической модернизации // Изв. Вост. ин-та. 2010. № 16. С. 54–69; *Ганишин В. Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу (особенности и закономерности формирования основ гражданского общества в Китае и некоторых странах АТР). М., 2004; *Корея в поисках мира и процветания: докл., предст. на VIII науч. конф. корееведов (Москва, 25–26 марта 2004 г.)* / отв. ред. В. П. Ткаченко; ИДВ РАН. М., 2004; *Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXI* / отв. ред. В. Н. Павлятенко, И. А. Цветова. М., 2005; *Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978–2005* / рук. авт. кол. Л. М. Гудошников. М., 2007; *Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика М. Л. Титаренко* / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2004; *Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI века. 2-е доп. и обновл. изд.* М., 2004; *Яковлев А. Г.* Россия, Китай и мир / ред.-сост. Б. Т. Кулик. М., 2002.
- ¹⁰ *Хонг М.* Демократия в Азии // Россия и Корея в меняющемся мире. М., 1997. С. 146.
- ¹¹ См.: *Мазуров В. М.* Республика Корея: проблемы и противоречия современного политического развития // Корея на рубеже веков: сб. ст. / отв. ред. Ю. В. Ванин. М., 2002. С. 27.
- ¹² *Володин А. Г.* Политическая модернизация на юге Корейского полуострова: методологические аспекты // Россия и Корея в меняющемся мире. С. 13.
- ¹³ См., например: *Комар Ю. И.* Азиатские ценности: цивилизационный или политико-идеологический феномен? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2004. № 2. С. 7–38. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=6640187&> (дата обращения: 11.04.2014).
- ¹⁴ См.: *Гаджиев К. С.* Эпоха демократии? Проблемы экспансии демократии // *Вопр. философии.* 1996. № 9. С. 9.
- ¹⁵ См.: *Толстокулаков И.* Демократия в посттрадиционном обществе.
- ¹⁶ См.: *Хорос В. Г.* Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // *Мировая экономика и международные отношения.* 1991. № 8. С. 70–73.
- ¹⁷ См.: *Хорос В. Г.* Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России. М., 1998. С. 38.
- ¹⁸ См.: *Эволюция политической системы Японии* / отв. ред. Д. В. Петров. М., 1995. С. 261.
- ¹⁹ См.: *Переломов Л. С.* Конфуций. Жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 228.
- ²⁰ См.: *Политическая культура: теории и национальные модели* / отв. ред. К. С. Гаджиев, сост. Д. В. Гудименко. М., 1994. С. 291–292.
- ²¹ См., например: *Ганишин В. Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу. М., 2004. С. 16.
- ²² См.: *Сивинцева О. В.* Гражданское общество в Китае как особый тип взаимоотношений государства и населения // *Вестн. Перм. ун-та. Сер. Политология.* 2014. № 1 (25). С. 84–97. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21537060> (дата обращения: 16.12.2016).

Образец для цитирования:

Барашков Г. М. Влияние конфуцианства на особенности становления и развития аналоговой модели гражданского общества стран Азиатско-Тихоокеанского региона // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2017. Т. 17, вып. 1. С. 113–120. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-113-120.

Cite this article as:

Barashkov G. M. Confucianism's Impact on Peculiarities of Establishing and Developing of the Civil Society's Analogous Form in the Countries of the Asia-Pacific Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 113–120 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-113-120.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулкадыров Ю. Н. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: filosoofdgtu@mail.ru

Акопян Д. А. – кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет. E-mail: managementsseu@mail.ru

Андропова Э. Ю. – аспирант кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Andronova.91@inbox.ru

Афонин Ю. А. – кандидат социологических наук, доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: juriaafonin@rambler

Барашков Г. М. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: eternity65@yandex.ru

Болотов Г. И. – аспирант кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: gbolotoff@mail.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vil57@yandex.ru

Голуб О. Ю. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Goloub@inbox.ru

Гусев В. В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Добренков В. И. – доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: theory@socio.msu.ru

Елютина М. Э. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: elutina133@mail.ru

Иванкина М. С. – кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет. E-mail: managementsseu@mail.ru

Казakov А. А. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Калинкин А. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Кесаева Р. Э. – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ. E-mail: sabanovz@mail.ru

Кравченко Н. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Саратовский национальный исследо-

вательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Лукьянова М. Н. – аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: mariabmn@yandex.ru

Мирзаханов Д. Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

Мирошниченко И. В. – доктор политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар. E-mail: mirinna78@mail.ru

Михайлов А. Ю. – аспирант, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань. E-mail: skygroove@mail.ru

Нагимова А. М. – доктор социологических наук, профессор кафедры общего менеджмента, Казанский (Приволжский) федеральный университет; ведущий научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань. E-mail: nagais@mail.ru

Польнова Л. В. – кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет. E-mail: managementsseu@mail.ru

Сабанов З. М. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социального обеспечения и управления, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ. E-mail: sabanovz@mail.ru

Сайганова Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Тихонова С. В. – доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: segedasv@yandex.ru

Трифонов Ю. Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: liony12345@rambler.ru

Чудомех В. Н. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь. E-mail: chudovnik@mail.ru

Шестов Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nikshestov@mail.ru

Шматова С. С. – аспирант кафедры прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: svshmatova@mail.ru

Юренков И. Н. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: www.igor1992@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdulkadyrov Yu. N. – doctor of philosophical sciences, professor, head of the Department of philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: filosofdgtu@mail.ru

Afonin Yu. A. – candidate of sociological sciences, doctor of economic sciences, professor, Lomonosov Moscow State University. E-mail: juriaafonin@rambler

Akopyan D. A. – candidate of economic sciences, associate professor, Samara State University of Economics. E-mail: managementsseu@mail.ru

Andronova Yu. E. – postgraduate student, Department of sociology of social work, Saratov State University. E-mail: Andronova.91@inbox.ru

Barashkov G. M. – candidate of political sciences, assistant professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: eternity65@yandex.ru

Bolotov G. I. – postgraduate student, Department of sociology of the social work, Saratov State University. E-mail: gbolotoff@mail.ru

Chudomekh V. N. – candidate of philosophical sciences, associate professor, associate professor of the Department of social-humanitarian disciplines, Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol. E-mail: chudovnik@mail.ru

Golub O. Yu. – doctor of sociological sciences, professor, head of the Department of social communication, Saratov State University. E-mail: Goloub@inbox.ru

Gusev V. V. – candidate of economic sciences, associate professor, Department of crisis management, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Dobrenkov V. I. – doctor of philosophical sciences, professor, Lomonosov Moscow State University. E-mail: theory@socio.msu.ru

Elutina M. E. – doctor of sociological sciences, professor, Department of sociology of the social work, Saratov State University. E-mail: elutina133@mail.ru

Ivankina M. S. – candidate of economic sciences, associate professor, Samara State University of Economics. E-mail: managementsseu@mail.ru

Kalinkin A. A. – postgraduate student, Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Kazakov A. A. – candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Kesaeva R. E. – doctor of sociological sciences, professor, dean of the Faculty of social work, North-Ossetian State University after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz. E-mail: sabanovz@mail.ru

Kravchenko N. Yu. – candidate of sociological sciences, associate

professor of the Department of applied sociology, Saratov State University. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Lukyanova M. N. – postgraduate student, Department of sociology theory and history, Saratov State University. E-mail: mariabmn@yandex.ru

Mikhaylov A. Yu. – postgraduate student, The Center of perspective economic researches of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan. E-mail: skygroove@mail.ru

Miroshnichenko I. V. – doctor of political sciences, associate professor, Department of state policy and public administration, Kuban State University, Krasnodar. E-mail: mirinna78@mail.ru

Mirzakhonov D. G. – candidate of philosophical sciences, associate professor, Department of philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: mirzakhonov1962@mail.ru

Nagimova A. M. – doctor of sociological sciences, professor of the Department of management, Kazan (Volga) Federal University; leading researcher of The Center of perspective economic researches of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan. E-mail: nagais@mail.ru

Polynov L. V. – candidate of economic sciences, associate professor, Samara State University of Economics. E-mail: managementsseu@mail.ru

Sabanov Z. M. – candidate of sociological sciences, associate professor, Department of social welfare and management, North-Ossetian State University after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz. E-mail: sabanovz@mail.ru

Saiganova E. V. – candidate of sociological sciences, associate professor, Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: saiganovae@yandex.ru

Shestov N. I. – doctor of political sciences, professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

Shmatova S. S. – postgraduate student, Department of applied social sciences, Saratov State University. E-mail: svshmatova@mail.ru

Tikhonova S. V. – doctor of philosophical sciences, professor of the Department of social communications, Saratov State University. E-mail: segedasv@yandex.ru

Trifonov Yu. N. – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of state and municipal administration, Tambov branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: liony12345@rambler.ru

Vilkov A. A. – doctor of political sciences, professor, head of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Yurenkov I. N. – postgraduate student, Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: www.igor1992@gmail.com